

Борис Титов

Горький
прикус
любви

Борис Титов

*Горький
привкус
любви*

Санкт-Петербург
2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
Т 45

Т 45 Титов Б. А.

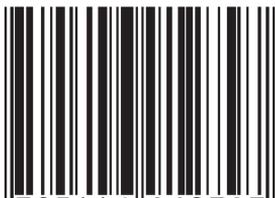
Горький привкус любви. — СПб., 2017. — 224 с.

ISBN 978-5-4469-1279-7

В этой жизни мечтам не всегда суждено сбыться...
Что мы теряем и что обретаем взамен страданий?

Повесть «Горький привкус любви» — о кроткой и трогательной, полной светлой грусти любви студентки к своему преподавателю. О дружбе мужчин, объединенных жаждой правды, противостоящих ничтожествам и лицемерам, обосновавшимся в стенах, где изначально предполагалось сеять разумное, доброе, вечное...

ISBN 978-5-4469-1279-7

9 785446 912797

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

© Б. А. Титов, 2017

События, описанные в повести, настолько
типичны, что многие могут узнать
в ее персонажах своих коллег или даже
саших себя. А потому спешу сообщить,
что все действующие лица вымышлены,
а обнаруженные читателем совпадения
случайны.

*Любви моей ты боялся зря —
Не так я страшно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.*
Н. Матвеева

Глава I. Полина

Кафедра русской литературы из-за обилия экзотических цветов всевозможных видов больше походила на оранжерею.

Ольга Владимировна — пожилая, но по-прежнему миловидная и жизнерадостная женщина — устроилась сюда лаборанткой сразу же после окончания института. Человеком она была чрезвычайно доброжелательным и мудрым. Весь женский состав кафедры приходил к ней со своими проблемами, и для всех у Ольги Владимировны находились слова утешения и дельный совет. Цветы были ее страстью, и уже много лет часть растений, привозимых ее мужем со всех концов света, она приносила сюда.

Весной и летом кафедра превращалась в цветущий сад. Когда Ольга Владимировна поливала цветы, они трепетно шелестели листочками, и сладкий дурманящий запах пыльцы распространялся далеко за пределы комнаты. Особой гордостью Ольги

Владимировны была бело-кремовая брунфельсия. Маленький кустик родом из Южной Америки цвел круглый год. На закате он источал нежный, а ближе к ночи — сладкий дурманящий аромат. Поздними вечерами на кафедре собирались ценители этого растения.

О каждом цветке у Ольги Владимировны была своя история.

— Знаете ли вы, — спрашивала она первокурсников, впервые пришедших на кафедру, указывая на горшок с ирисами, — что, когда римляне пришли в небольшое этрусское поселение, окруженное полями, сплошь покрытыми этими цветами, они называли его Флоренцией, что переводится с латинского как «цветущая». А это — примула, — продолжала свой рассказ Ольга Владимировна, обращаясь теперь уже исключительно к юным студенткам, — она цветет ранней весной. Кто из девушек первой увидит цветение примулы, та в этом году непременно выйдет замуж. Так гласит легенда, и мои многолетние наблюдения подтверждают ее.

Весной девушки старались попасть на кафедру еще до начала занятий и очень расстраивались, обнаружив запертую дверь. Те же из них, кому первыми посчастливилось увидеть цветущую примулу, и в самом деле вскоре выходили замуж.

Обычно кафедра напоминала райский сад, но сейчас она больше походила на злое джунгли. Этому способствовало кроваво-красное цветение

мексиканской коралловой лианы антигонон, обвивающей комнату вдоль карниза по всему периметру.

Длещаеся больше пяти лет реформирование некогда престижного и процветающего университета вконец обескровило и разорило его. Создавалось впечатление, что новый ректор, навязанный министерством, был прислан с одной целью — уничтожить вуз. В институт, утративший статус университета, абитуриенты не шли даже на бюджетные места. Финансирование урезáлось, штат сотрудников сокращался.

В этих обстоятельствах ректор продавил на совете решение об уменьшении часов, отведенных на литературу. В результате существенно сокращался курс русской литературы, а зарубежная и вовсе переводилась на уровень спецкурса, что практически уничтожало мощнейшую кафедру иностранной литературы. Никто не сомневался, что таким образом ректор решил избавиться от заведующего ею — строптивого Глеба Владимировича Виноградова.

В связи с этими обстоятельствами решено было провести заседание кафедры русской литературы, в ходе которого молодой заведующей Полине Георгиевне Ростовцевой предстояло сократить три ставки.

Глеб Владимирович подсказал ей мудрое решение: уволить двух совместителей и наполовину сократить нагрузку у троих пенсионеров. Но оставалось еще полставки, которые необходимо было

у кого-то отнять, а это, учитывая мизерные преподавательские оклады, сделать было совсем не просто. Вряд ли кто-то добровольно согласится расстаться не то что с половиной ставки, но даже с ее четвертью. Похоже, ей придется самой решить эту проблему. Они с сыном и так еле сводили концы с концами, а сокращение семейного дохода в два раза поставило бы их на грань нищеты. Полина Георгиевна давно уже подумывала о том, чтобы перейти работать в школу, — и вот, кажется, наступил подходящий момент: и ее желание исполнится, и проблема, ко всеобщему удовольствию, решится. Глеб Владимирович, разумеется, будет против... Но она поставит его перед свершившимся фактом.

В ожидании начала заседания собравшиеся занимались привычными делами. Кто-то бурно обсуждал сложившуюся ситуацию. Андрей Николаевич — единственный мужчина на кафедре, молодящийся старичок весьма импозантной внешности с неизменной яркой бабочкой и голосом Зевса-громовержца — рассказывал аспиранту о нравственной сущности русской литературы. Но тому было явно не до разглагольствований мэтра. Заприметив прелестную студентку, пытавшуюся сдать задолженность похожей на ледяную статую Розалии Ивановне, он не сводил с юной красавицы восхищенного взгляда и совсем не слушал профессора.

Антонина Ивановна — сухощавая подвижная преподавательница с небрежно подведенными

бровями над маленькими колючими глазками — понимала Ольгу Владимировну, которой всегда отчаянно завидовала: ведь у той был успешный муж, замечательные дети и очаровательные внуки — словом, все, о чем мечтает любая женщина. А чем она хуже нее? А вот пооди ж ты — впереди одинокая старость, и ничего в ее жизни нет, кроме работы... Больше всего Антонину Ивановну злило то, что бывшая сокурсница никогда не стремилась сделать карьеру, всю жизнь проработала лаборанткой и при этом была счастлива. Правда, несколько лет назад эту должность с целью повышения статуса переименовали в методиста, но Ольге Владимировне почему-то это не нравилось, и она по-прежнему представлялась лаборанткой кафедры. Студенты и коллеги относились к Антонине Ивановне с большим уважением, а ее чрезмерную агрессивность по отношению к лаборантке оправдывали несложившейся личной жизнью. Но заведующий кафедрой психологии объяснял эти странные отношения энергетическим вампиризмом Антонины Ивановны, так как после очередной атаки на Ольгу Владимировну она успокаивалась и настроение ее заметно улучшалось.

— Да ты посмотри: вот моя прошлогодняя нагрузка! — кричала Антонина Ивановна. — А вот нагрузка этого года, она значительно больше. Я не хочу сказать, что ты нарочно добавила мне часы, да еще и лекционные. Надеюсь, это просто ошибка. Пересчитай, пожалуйста. — Последнюю

фразу она произнесла больше для собравшихся на кафедре, чем для Ольги Владимировны.

— Антонина Ивановна, вы же знаете, что не я определяю объем нагрузки, я лишь подсчитываю и ввожу часы в учебный график.

Ольга Владимировна никого не позволяла себе называть на «ты», даже студентов.

— В этом году нагрузка увеличена у всех, причем у вас значительно меньше, чем у других. И потом, вы, вероятно, забыли, что этот вопрос мы уже обсуждали в конце прошлого учебного года.

— Ты что, намекаешь на мой пенсионный возраст? — взвилась Антонина Ивановна.

— Ну что вы, все знают, что вы прекрасный преподаватель! Студенты в восторге от ваших лекций! Думаю, что именно поэтому вам добавили еще один курс.

— Ладно, вижу, с тобой говорить бесполезно, — бросила явно польщенная Антонина Ивановна и оставила бывшую сокурсницу в покое.

Справедливости ради надо заметить, что Антонина Ивановна действительно была преподавателям от бога и прекрасно знала свой предмет. К тому же школа Глеба Владимировича Виноградова, под началом которого она проработала много лет, тоже явно не прошла даром.

«Творчество любого писателя, поэта обусловлено социальной средой. При этом важнейшим ключом к пониманию личности, а следовательно,

и творчества художника слова могут стать, казалось бы, незначительные детали его бытия, которые нередко выпадают из поля зрения исследователей. Внимательно изучите жизнь того или иного писателя — и тогда вашему пониманию станут доступны тончайшие нюансы его произведений», — часто повторял Виноградов и рассказывал о мало кому известных фактах биографий знаменитостей, предопределивших своеобразие их творчества.

Антонина Ивановна хорошо усвоила эти уроки. Она скрупулезно исследовала жизненный путь каждого писателя, о котором ей предстояло рассказать студентам, переживая его взлеты и падения, как события собственной жизни. Ее лекции изобиловали экскурсами в историю и психологию.

В углу комнаты в театральной позе сидела Наталья Николаевна и, печально глядя в окно, излагала студентке свои соображения по поводу курсовой работы, которые та лихорадочно записывала в тетрадь. Наталья Николаевна поразительно походила на молодую Ахматову. Поговаривали, что для этого ей пришлось перенести не одну пластическую операцию. И быть бы преподавательнице объектом насмешек, если бы не знала она наизусть все стихи Анны Андреевны и не читала бы их с таким неподдельным чувством, так проникновенно, будто они были ее собственными, выстраданными. За этот талант ее слушатели, коллеги и студенты готовы были снисходительно относиться к странностям Натальи Нико-

лаевны. Ее приглашали на все творческие вечера, посвященные Ахматовой, и зрители были уверены, что перед ними выступает загримированная актриса.

Алина Рахимовна — жгучая брюнетка, дама с выразительной восточной внешностью — обговаривала с преподавателем кафедры иностранной литературы последние детали предстоящей конференции и уже в который раз громко зывала к присутствующим:

— Коллеги, напоминаю: сегодня последний день подачи тезисов на конференцию!

Ее призыв повисал в воздухе — все продолжали заниматься своими делами.

— Вот видите, Александр Александрович, — с досадой говорила Алина Рахимовна, обращаясь к собеседнику, — ноль эмоций.

Из закутка, отгороженного от основного помещения листом фанеры, вышла заведующая кафедрой Полина Георгиевна. Строгий элегантный костюм подчеркивал ее безукоризненно стройную фигуру. При полном отсутствии косметики на ее лице не обратить внимания на эту женщину было невозможно: большие карие глаза в обрамлении пушистых ресниц под красиво очерченными бровями, нежная, слегка смуглая кожа, яркие чувственные губы, темные шелковистые волосы...

— Коллеги, начинаем заседание кафедры, — объявила Полина Георгиевна, и собравшиеся поспешили завершить свои дела. — Повестка дня вам

известна, — продолжала она. — Начнем со злоплучного вопроса подготовки учебно-методических комплексов. Во-первых, я хочу поблагодарить вас за выполненную в срок работу. Впрочем, лучше бы мы не были такими исполнительными, потому что ректор кардинально пересмотрел структуру УМК и теперь все надо делать заново.

— Это возмутительно, мы ведь уже не единожды все переделывали! — прогремел Андрей Николаевич. — Думаю, теперь не надо ничего делать, так как следующим этапом будет опять переделывание переделанного.

Дверь распахнулась, и в комнату буквально ворвалась запыхавшаяся Людмила Алексеевна.

— Заседание уже началось, — строго заметила ей Полина Георгиевна.

— Вы что, какое заседание? — закричала Людмила Алексеевна. — Вы что, не знаете?! Конечно не знаете... — теперь уже почти шепотом пробормотала она. — Виноградов умер. Мне только что сказала Волошина. Час назад Глеб Владимирович не пришел на встречу. Стали ему звонить — ни он, ни жена не отвечают, вышли на детей — а он, оказывается, умер. Умер ночью, во сне.

На миг в комнате воцарилась звенящая тишина. Неслышный до этого рев машин, снующих под окнами, пронзил внезапно образовавшуюся пустоту.

— Как? — беззвучно прошептала Полина Георгиевна. Она попыталась встать, но как-то разом обмякла и без чувств рухнула в кресло.

Она не помнила, как оказалась на улице. Было темно, падал хлопьями мокрый снег, и холодный злой ветер пробирал до костей. Редкие прохожие тщетно пытались спрятаться под зонтиками — резкие порывы ветра мгновенно выворачивали и ломали их.

Такая же погода стояла много лет назад, в первый день занятий второго семестра, но тогда она не казалась такой мерзкой.

В ее группе начинались факультативные занятия, и надо было выбрать два курса из пяти предложенных. Перед студентами выступили преподаватели, представляя им свои факультативы, и все девушки записались на курс именно к нему. Он не мог не привлечь внимания прекрасного пола: на вид лет сорока, высокий, стройный, загорелый, черные, как угли, глаза, черные же длинные, до плеч, густые и слегка вьющиеся волосы, восточного типа бородка и бездна обаяния. При виде него сердце Полины замерло, а потом бешено забилось — это было живое воплощение ее девичьих грез, идеальный мужчина, образ которого она создала в своем воображении, будучи еще подростком!

— И в заключение я предоставляю слово заведующему кафедрой литературы профессору Глебу Владимировичу Виноградову, — объявил декан.

Спецкурс, который вел этот преподаватель, назывался «Русская лирическая поэзия от А. Пушкина до Е. Евтушенко». За весьма короткое время,

отведенное ему на выступление, он умудрился сделать обзор творчества (разумеется, далеко не полный) не менее двух десятков поэтов. При этом Виноградов рассказывал о них как о старых добрых знакомых. А строки их стихов в его исполнении звучали так, будто с их помощью он хотел открыть студентам великую тайну поэзии. Свое выступление Глеб Владимирович закончил словами:

— Вполне могло случиться, что те люди, о которых я вам рассказал сегодня, и не стали бы великими поэтами, если бы в их жизни не произошло чуда и они не встретили удивительных женщин, ставших их музами.

Первый семестр Полина закончила отнюдь не блестяще. Нет, она не была троечницей. В ее зачетке кроме четверок встречались и пятерки, но особого интереса к учебе она не испытывала. В университет девушка поступила за компанию с подругой и училась без особого рвения. Теперь же, когда в ее жизни появился Глеб Владимирович, Полина считала недопустимым не знать того, о чем он рассказывал, и всерьез занялась самообразованием — она читала всю литературу, о которой он упоминал хотя бы вскользь. Нередко его занятия превращались в диалог с Полиной. Она понимала, чувствовала Глеба Владимировича, он был для нее эталоном образованности, средоточием мудрости. Иногда

девушка задавалась вопросом: чего ради она так усердствует? Ради знаний или ради того, чтобы привлечь его внимание? Но она не могла ответить на него однозначно. С одной стороны, Полина давно уже вынуждена была признаться себе в том, что безумно влюблена в своего преподавателя, и поначалу старалась блеснуть на занятиях, чтобы вызвать его интерес к себе. Но с другой стороны, случилось так, что она незаметно для себя увлеклась учебой, ей стал по-настоящему интересен этот бесконечный процесс познания. Итогом этой метаморфозы стал красный диплом, полученный Полиной по окончании университета.

Когда ей предложили поступить в аспирантуру, она сразу же согласилась, тайно лелея надежду на то, что ее научным руководителем будет Глеб Владимирович. И как же счастлива была Полина, когда именно так и случилось!

В Пскове проходила всероссийская конференция аспирантов, получивших гранты от правительства, и их научных руководителей. Среди ее участников были и Полина с Глебом Владимировичем. Виноградов был известным специалистом в своей области, и, конечно же, ему очень хотелось, чтобы его аспирантка «прозвучала». При подготовке доклада бились над каждым словом, отработывали каждую интонацию. Выступление Полины

о духовности русской литературы произвело фурор. Не было ни одного другого сообщения столь убедительного и при этом столь эмоционального. Полина прекрасно владела материалом, и в ее выступлении чувствовалось глубокое знание предмета.

— Полина, это не просто успех, это ваша путевка в профессиональную жизнь, — заявил Глеб Владимирович, которого прямо-таки распирало от гордости за свою аспирантку. — Теперь вас знают и будут приглашать, заказывать статьи, ведь здесь собрался весь цвет литературного сообщества. Поверьте мне: профессионалы, умеющие столь эмоционально выразить свои мысли, нынче большая редкость! Старики уходят, среднего поколения в этой среде практически нет, а молодежь пока еще не научилась. Ваш звездный час непременно следует отметить, и я приглашаю вас в ресторан.

Полина растерялась. Господи, ну почему она не послушалась свою подругу Светку, которая говорила ей:

— Это твой шанс — смотри, не упусти его! Возьми самое красивое вечернее платье — там наверняка будут какие-нибудь неформальные встречи, вот там-то ты его и возьмешь тепленьким. Ты и так потратила на свои воздыхания три года. Я на твоём месте уже давным-давно увела его от жены.

От жены Полина уводить его не собиралась, а вот с вечерним платьем оплошала — взяла с собой только деловой костюм. Если она явится на ужин

в таком виде, то вряд ли вдохновит Глеба Владимировича на что-то большее, чем поздравления с успехом, а ей так отчаянно хотелось, чтобы он наконец-то увидел в ней женщину! Иначе сбудутся пророчества подруги: через месяц, а именно — после того, как она защитит кандидатскую, их пути разойдутся и больше они не увидятся.

Полина долго скрывала свои чувства к Глебу Владимировичу от Светланы, но та давно уже все поняла и без ее откровений и без конца подтрунивала над ней. Завидев его в конце коридора, она шептала Полине:

— Смотри-смотри, твой кумир идет!

И Полина, не помня себя от смущения, на негнущихся ногах проходила мимо Глеба Владимировича, с трудом выдавив из себя слова приветствия. Светку эта ситуация чрезвычайно забавляла. Если же Полине на занятиях или при случайной встрече удавалось привлечь его внимание и побеседовать с ним, подруга считала своим долгом спустить ее с небес на землю:

— Зря стараешься: ты явно не в его вкусе.

Полина никак не могла упустить шанс, предоставленный ей самой судьбой. Переодевшись в вечернее платье, купленное в спешном порядке, и надев новые же туфли на высоченной шпильке, она спустилась вниз.

— Вы великолепны! — воскликнул Глеб Владимирович, встретив ее в вестибюле. И это вовсе

не было дежурным комплиментом. Она и в самом деле была удивительно хороша в этот вечер: раскрасневшаяся от волнения, с блестящими темными глазами, в облегающем платье, подчеркивающим все достоинства ее безупречной фигуры. Полина же отнесла его восторженное приветствие исключительно на счет своего наряда:

— Вот, только что купила, — смущенно пробормотала она.

Ужинали в гостиничном ресторане. Оркестр исполнял знойное аргентинское танго. Глеб Владимирович пригласил Полину на танец, и пара вышла на середину зала. Они впервые оказались так близко, лицом к лицу. От волнения девушка едва могла дышать. Глеб Владимирович протянул ей руку — она доверчиво вложила в нее свою. Другой рукой он нежно и в то же время крепко обнял ее за талию. И с этого мгновения весь мир для Полины перестал существовать, были только он, она и эта пьянящая музыка. Глеб Владимирович оказался прекрасным партнером. Он вел ее в танце уверенно и властно, и девушка безропотно подчинялась каждому его движению. Полина наслаждалась их близостью, и ей отчаянно хотелось, чтобы этот танец длился вечно.

Но вот музыка смолкла, и они вернулись за свой столик. Потягивая вино, обсуждали события дня, доклады, прозвучавшие на конференции. Справедливости ради надо отметить, что говорил в основном Глеб Владимирович, а Полина, не сводя с него

влюбленных глаз, ловила каждое его слово. На улице стемнело, включившиеся за окном прожектора высветили белый силуэт псковской крепости.

— Посмотрите, Полина, как изменился облик грозной цитадели! Сейчас она выглядит вполне мирно, я бы сказал, даже романтично.

— Вы правы: очень красиво. Но знаете, из окна моего номера, который, как и ваш, находится на пятом этаже, видна еще и река — и крепость, отражаясь в воде, выглядит просто сказочно. Я каждый вечер наслаждаюсь этой картиной.

Ресторан почти опустел, и они поднялись наверх. Поравнявшись со своим номером, Глеб Владимирович остановился и неожиданно спросил:

— А не полюбоваться ли нам на волшебный вид кремля? Я-то из своего окна вижу лишь унылые новостройки.

— Почему бы и нет? — мгновенно отозвалась Полина и быстро, словно боясь, что он передумает, направилась к своему номеру.

Войдя в комнату, она сразу направилась к окну и раздвинула шторы. Глеб Владимирович подошел сзади и, обняв девушку, положил подбородок ей на плечо. Перед ними предстали мощная и величественная белокаменная крепость во всем своем великолепии и ее зыбкое отражение в речной глади. Нависшие над рекой ивы нежно касались поверхности воды едва проклюнувшимися листьями. Магия лунного света пробуждала страсть.

В оконном стекле на фоне крепости отражались их красивые лица. Это была картина из сна Полины, который ей часто снился: будто она стоит у зеркала, а из бесконечной глубины комнаты медленно подходит он, обнимает ее и спрашивает:

— Ты ждала меня?

— Да, я ждала тебя, ждала с самой первой нашей встречи. Я верила... нет, я знала, что это случится, что мы будем вместе и будем любить друг друга, — отвечает она и не понимает, во сне это происходит или наяву.

Полина повернулась к Глебу Владимировичу и крепко, словно боясь потерять, обняла его, прижавшись к нему всем телом. Шепча: «Любимый, желанный, единственный мой», она покрыла его лицо быстрыми и нежными поцелуями. Сердце девушки билось так часто, что казалось еще мгновение — и она потеряет сознание. Ее ноги подкосились, и она начала оседать. Глеб Владимирович подхватил ее и бережно уложил на кровать.

Полина страстно желала и одновременно страшилась того, что неизбежно должно было случиться этой ночью. И это не удивительно: ведь до этого в ее жизни не было места мужчинам. Ей не составляло никакого труда хранить целомудрие, ибо никто, кроме него, не был ей нужен. В своих мечтах девушка представляла, как будет тронут ее любимый, когда поймет, что именно ему она подарила свою девственность.

Находясь в полузабытьи, Полина чувствовала горячее дыхание любимого на своей щеке. Его ласки становились все смелее и настойчивее, и тело девушки невольно начало откликаться на них. Она испытывала доселе незнакомые ей ощущения — нет, это не была страсть, скорее чувство всепоглощающей нежности, желание полного слияния с ним. В какой-то момент, ощутив резкую боль, она, с трудом сдержав стон, еще крепче прижала его к себе.

Через несколько минут, покрыв лицо девушки благодарными поцелуями и прошептав дежурные фразы о волшебных мгновениях, которые она ему подарила, Глеб Владимирович включил лампу на прикроватной тумбе, откинул одеяло и потянулся за одеждой. Надев рубашку и брюки, он встал и повернулся к Полине. Взгляд его уперся в кровавое пятно, расплзшееся по простыне. Девушка заметила выражение нескрываемой брезгливости на лице Глеба Владимировича и отшатнулась, словно ее ударили по лицу. Пробормотав что-то об ожидающем их завтра тяжелом дне и пожелав ей спокойной ночи, он выскочил из номера.

Полина сидела на кровати, тупо уставившись на злополучное пятно, вызвавшее такую неадекватную реакцию ее любимого. Ей и в голову не могло прийти, что это несомненное свидетельство ее невинности могло быть истолковано каким-то иным образом. Так плохо Полине еще никогда не было.

Вечер, который должен был стать самым счастливым в ее жизни, закончился так мерзко. Девушка силилась, но не могла понять, что произошло. Может быть, он решил, что случившееся накладывает на него какие-то обязательства и она начнет требовать их исполнения? Но ей ведь ничего, кроме его любви, не нужно. Если бы у него хватило мужества поговорить с ней, он бы, несомненно, это понял. Полине было невыносимо больно. Кто она для него? Персонаж очередной интрижки? Еще одна строчка в его донжуанском списке?

Утром зазвонил телефон. Полина продолжала сидеть все в той же позе, не в силах сдвинуться с места, уставившись невидящим взглядом на голую стену номера. Телефон все звонил и звонил, но она его не слышала. Ей ни до чего не было дела. Ее мир рухнул.

Полина брела по улицам, не разбирая дороги и не понимая, куда и зачем она идет. Косынка сбилась с ее головы и мокрой тряпкой повисла на плечах. Волосы растрепались на ветру и покрылись хлопьями снега, которые таяли и, словно слезы, стекали по лицу тонкими струями.

Она вспомнила, как теплым июньским вечером возвращалась с банкета, состоявшегося по поводу ее триумфа: защита прошла с блеском. Полина с благодарностью принимала искренние поздравления кол-

лег и была абсолютно счастлива: теперь она кандидат наук и скоро станет мамой. Несмотря на то что все были уверены в том, что с первого сентября «блистательная Полина пополнит ряды кафедры» (именно так выразился Глеб Владимирович на защите), у нее были совсем другие планы: она решила уволиться из университета и больше туда никогда не возвращаться. Как раз накануне защиты девушка узнала, что беременна. Этот факт скорее обрадовал, чем испугал ее. Ведь это был его ребенок! «Господи, сделай так, чтобы это был мальчик и чтобы он непременно был похож на моего любимого!» — молила Бога Полина бессонными ночами. Она понимала, что быть матерью-одиночкой очень непросто, но твердо решила, что Глеб Владимирович никогда не узнает о своем отцовстве. Единственными людьми, на которых она могла положиться в этой ситуации и на чью помощь могла безоговорочно рассчитывать, были ее родители. Полина не сомневалась, что все проблемы так или иначе разрешатся, будущее не пугало ее. Главное — что она носит под сердцем, переполненным любовью, его частичку. И пусть им не суждено быть вместе, она будет продолжать любить его в их ребенке. Так рассуждала Полина тем душным июньским вечером.

И вот его больше нет — единственного, любимого, самого нежного, доброго, мудрого... Полина могла бы бесконечно перечислять достоинства Глеба Владимировича. Он ушел, но остался сын — их сын,

его полная копия, глядя на которого, она всегда будет вспоминать любимого. Как Глеб Владимирович не замечал их поразительного сходства? Может быть, ему просто не приходило в голову, что именно он, а не ее муж отец мальчика?.. «Ну что ж, мне есть ради кого жить!» — подумала Полина, и на какое-то мгновение ей стало легче.

В это нелегкое для Полины время родители уже в который раз поразили ее своей деликатностью.

В их семье всегда царили доброта и взаимопонимание. Самым страшным наказанием для девочки было увидеть расстроенное лицо мамы и услышать ее произнесенные с укоризной слова: «Полина, как ты можешь?»

В эти мгновения она была готова от стыда провалиться сквозь землю. Девочка даже не задумывалась над тем, права она в этой ситуации или нет, ей просто хотелось немедленно все исправить и никогда больше не огорчать свою горячо любимую маму.

А папа и вовсе ни разу в жизни не одернул и не упрекнул ее. Реакция отца на любой ее проступок обескураживала Полину. Он нежно прижимал ее к себе и говорил: «Не огорчайся, дочка, с каждым может случиться».

И девочка искренне верила, что все плохое позади и ничего скверного в ее детской жизни больше не будет.

Почти все выходные семья проводила на даче, где между вековыми соснами и елями был обустроен французский огород. На крохотных искусно оформленных клумбах кроме разнообразных овощей росли цветы и декоративные кустарники, плодовые деревья гармонично вписывались в садоводческий шедевр. Красиво оформленные дорожки и огромные валуны завершали продуманную композицию.

Первая осень нового тысячелетия выдалась на редкость теплой. За ужином Ирина Викторовна, мама Полины, обратилась к ней:

— Обещают дожди. Давай, детка, поможем завтра папе вскопать грядки — один он до дождей не управится.

— Мне нельзя, — робко отозвалась Полина, — я беременна.

— Как?! — с радостным удивлением воскликнул отец.

— И давно? Срок какой? — спросила мать.

— Пятый месяц пошел.

— А кто отец? — с деланным безразличием поинтересовался Георгий Егорович.

— Помните, в начале мая я была на конференции в Пскове? Познакомилась там с парнем из Владивостока, влюбилась, но он после этого ни разу не позвонил.

— А о ребенке ты ему сообщила? — с надеждой спросила мать.

— А зачем навязываться? — ответила Полина.

— Ну, смотри: ты, конечно, в любой момент можешь изменить свое решение и поставить его в известность, но для нас с матерью это не принципиально, мы в любом случае будем счастливыми дедушкой и бабушкой, — сказал отец. — Ждем-то кого: мальчика или девочку?

— Мальчика, — растерянно произнесла тронутая такой реакцией родителей Полина.

— Радость-то какая, дождался! — воскликнула мать. — Папа очень сына хотел, — пояснила она дочери. — Вот тебе разом и внук, и сын будет!

Тут же на семейном совете было принято единогласное решение назвать малыша Егором — в честь прадеда. Не выдержав обрушившихся на нее эмоций, Полина неожиданно для себя разрыдалась, и родители дружно принялись утешать своего ребенка, готовящегося стать матерью.

Морозным мартовским днем Полина гуляла во дворе с малышом. Он лежал в коляске, щурясь от ярких лучей весеннего солнца, и улыбался.

— Надо было назвать его Смеяном — было такое древнеславянское имя. На редкость жизнерадостный малыш! — заметил как-то Георгий Егорович. — Жаль, что подобные имена у нас теперь не в чести.

— Здравствуй! — услышала Полина за спиной знакомый голос. Она оглянулась и увидела Ки-

рилла — своего одноклассника и давнишнего воздыхателя.

Молодой человек был безнадежно влюблен в нее с первого класса. Ирина Викторовна в шутку называла его «рыцарем печального образа». Все школьные годы Кирилл пытался завоевать сердце Полины. Но все его усилия были тщетны. Она относилась к нему как к славному парню, хорошему другу — и не более того. Кирилл был круглым отличником, гордостью школы, да к тому же очень симпатичным. Он разбил немало девичьих сердец, но ему была нужна только Полина.

Как-то раз Кирилл, случайно встретившись с Ириной Викторовной, не столько в шутку, сколько всерьез сказал:

— Ну вот, теперь я дипломированный специалист и готов сделать официальное предложение вашей дочери.

После этого родители повели на Полину масштабную атаку. Поскольку они знали Кирилла с детства, им не составило труда долго и методично перечислять его многочисленные достоинства.

— Ведь какой завидный жених, а папе-то как нравится! — выдвинула последний аргумент Ирина Викторовна.

— Такой завидный жених — и холостой? — отшутилась Полина.

И вот он стоял рядом, и было видно, что он искренне рад встрече.

— А я и не знал, что ты вышла замуж. Поздравляю! И кто же этот счастливец?

— Я не замужем, — смущенно ответила Полина.

— И давно?

— Да и не была никогда.

— А кто этот чудо-ребенок? Мальчик или девочка?

— Это мальчик, — улыбнулась Полина. — И зовут его Егор.

— Не иначе как само Провидение привело меня сюда! Полина, только, пожалуйста, не перебивай меня! Я знаю, что выгляжу сейчас нелепым и смешным, но... выходи за меня замуж! Ты ведь знаешь, что я однолюб и никто, кроме тебя, мне не нужен. Поверь: я буду самым лучшим в мире мужем и отцом! Вы никогда и ни в чем не будете нуждаться. Ради бога, не спеши говорить «нет»!

Полина растерялась. Она была совершенно не готова к такому повороту событий. Да, конечно, молодая женщина знала, что Кирилл давно и безнадежно влюблен в нее, знала, что он глубоко порядочный и чрезвычайно ответственный человек. Разумеется, он прав: Егору нужен отец. Но если она свяжет свою жизнь с другим мужчиной, ей придется навсегда расстаться с самой заветной своей мечтой: быть рядом с любимым...

Кирилл напряженно ждал ее ответа, не сводя с нее любящих глаз. И Полина решилась:

— Кирилл, ты прекрасный человек, может быть, даже лучший из всех, кого я знаю, за исключением, разумеется, моего отца. Я бесконечно тронута твоим предложением. Ты абсолютно прав: вряд ли кто-то будет лучшим мужем и отцом. Я не говорю тебе «нет», но мне надо все хорошенько обдумать, прежде чем дать окончательный ответ. Слишком все неожиданно. Надеюсь, ты меня поймешь.

Лицо Кирилла мгновенно просветлело, и он облегченно вздохнул.

— Господи, я ждал этого мгновения столько лет — неужели ты думаешь, что я не подожду еще немного? Только, пожалуйста, разреши мне навещать вас, хотя бы изредка.

— Ну конечно! Мы всегда будем рады тебя видеть. Да и папа с мамой тоже, — добавила Полина с улыбкой, вспомнив яростную атаку родителей.

Весь вечер Полина провела в слезах. О чем она плакала? О том, что ей было жалко себя, или оттого, что она окончательно теряет Глеба Владимировича, Полина не знает и теперь, но помнит, какими горькими были те слезы.

Через полгода они поженились, и Полина с сыном переехала к Кириллу. Его квартира была хоть и небольшая, но очень уютная. И в этом была

несомненная заслуга матери Кирилла, которая не так давно ушла из жизни. Полина с одноклассниками часто и с удовольствием бывали в их гостеприимном доме. Тогда она и представить себе не могла, что в один прекрасный день станет здесь хозяйкой.

— Господи, как у тебя хорошо! — совершенно искренне вырвалось у Полины, когда она переступила порог квартиры.

— Не у тебя, а у нас, — поправил ее Кирилл. — Тебе правда нравится? Но если ты вдруг захочешь что-то переделать или обновить, я вовсе не буду против.

— У тебя была замечательная мама! Чувствуется, что она вложила в обустройство этого жилища всю свою душу. К тому же у нее был отменный вкус. Так хорошо мне было только в доме родителей. Я ничего не хочу и не буду переделывать, — сказала Полина. — Здесь все именно так, как сделала бы я сама, если бы мне пришлось этим заниматься.

— Очень рад это слышать! Но не забывай: теперь ты здесь хозяйка и квартира в полном твоём распоряжении.

— Спасибо, дорогой! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы мы были счастливы в этом доме, — с этими словами Полина обняла мужа и нежно его поцеловала.

Но кое-какие изменения все-таки пришлось сделать. В комнате Егора сначала появились кровати

ка и манеж, затем — горки и лабиринты и, наконец, целый спортивный комплекс. Кирилл с удовольствием играл с малышом, а Полина с умилением наблюдала за их возней. Он искренне привязался к мальчику.

Егору исполнилось три года, когда Ирина Викторовна вышла на пенсию и взяла на себя заботы о внуке. Полина позвонила Глебу Владимировичу и без обиняков спросила:

— Я могу вернуться на кафедру?

— Безусловно! — прозвучало в ответ. — Приезжайте в университет, обсудим детали, и с первого сентября можете приступать к работе.

С первого сентября Полина начала преподавать курс древнерусской литературы, тщательно подготовленный за лето.

На кафедре царила атмосфера творческого хаоса. Каждый преподаватель читал свой курс так, как считал нужным. Сюда бесконечным потоком стекались представители литературной элиты Петербурга. Споры о русской литературе и о месте в ней того или иного писателя не стихали здесь до позднего вечера. Кафедра больше напоминала своего рода постоянно действующий литературный клуб.

Глеб Владимирович недавно вернулся из Америки, где, получив грант Библиотеки Конгресса, около двух лет занимался исследованием творчества

Теодора Драйзера. Опираясь на архивные материалы, пролежавшие семьдесят лет в спецхране после поездки писателя в СССР, Глеб Владимирович заставил американских биографов Драйзера по-новому взглянуть на творчество писателя и его общественную деятельность, чем снискал их признательность и уважение. И теперь у него постоянно гостили коллеги из разных стран.

Полина была рада знакомству с людьми, статьи и книги которых ей доводилось читать. Она восхищалась ими, и то, что сейчас они общались с ней на равных, она воспринимала как еще один подарок судьбы.

Казалось бы, все в ее жизни сложилось наилучшим образом: заботливый муж, чудесный сын, интересная работа в коллективе коллег-единомышленников и любимый человек, пусть не с ней, но рядом — они виделись теперь очень часто. Правда, оба вели себя так, будто ничто, кроме исключительно деловых отношений, их никогда не связывало...

И все-таки было одно весомое «но», отравлявшее в целом вполне благополучную жизнь Полины. И звали это «но» Диной. Девушка с модельной внешностью пришла работать на кафедру в качестве специалиста в области русской поэзии второй половины двадцатого века. Потребовалось совсем немного времени, чтобы всем стало ясно: в этой очаровательной головке нашлось место чему угодно, но только не литературе. Ходили слухи (и, похоже,

небезосновательные), что на кафедре она оказалась по протекции весьма высокопоставленного чиновника. Но Полине не было абсолютно никакого дела до ее непрофессионализма, ее волновало и раздражало другое, а именно — то, как эта особа вела себя по отношению к Глебу Владимировичу. Складывалось впечатление, что Дина задалась целью продемонстрировать всем сотрудникам, что ее с ним связывают отнюдь не только служебные отношения. Если ей надо было поговорить с Глебом Владимировичем, то она подходила к нему так близко, что тела их практически соприкасались. При этом девушка беспрестанно что-то шептала ему на ухо, вцепившись в лацканы его пиджака и заставляя наклоняться к себе. Было очевидно, что он чувствует себя в подобной ситуации крайне неловко. Полину не могли не раздражать вопиюще вульгарное поведение девицы и ее откровенное кокетство с Глебом Владимировичем. И хотя она всячески пыталась убедить себя в том, что это всего-навсего неуклюжие попытки флирта, острые уколы ревности доставляли ей немало мучительных минут.

— Послушай, Кирилл! Похоже, мы теперь богачи, — шутливо обратилась Полина к мужу, вернувшись однажды вечером из магазина. — Я поймала себя на том, что, делая покупки, совсем перестала обращать внимание на ценники...

— Значит, настало время затянуть пояса потуже. Понимаешь, тут такая история... В общем, мне предложили учебу в ординатуре с последующей стажировкой в Германии. Денег у нас, конечно, станет меньше, но зато через три года я стану высококлассным кардиохирургом. Думаю, хватит уже ходить в ассистентах. Как ты на это смотришь?

— Господи, да это просто замечательно! — воскликнула Полина. — Ты же знаешь: я умею экономить и смогу уложиться в любой бюджет. Такую возможность ни в коем случае нельзя упустить — завтра же начинай оформлять документы!

— Спасибо тебе, родная! — растроганно произнес Кирилл. — Я бесконечно счастлив: ты не только моя любимая жена, ты еще и самый лучший мой друг! А это, согласишься, большая редкость!

Им было по-настоящему хорошо вместе. Они научились понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда. Полина была бесконечно благодарна мужу за его трепетно-нежное отношение к Егору, которого он усыновил, за его безграничную любовь к ней самой, за его трогательную заботу о них обоих. Для нее он был олицетворением доброты и порядочности. С ним Полина поняла, что значит «быть как за каменной стеной». Да, Кирилл действительно стал ее «стеной», ее опорой, человеком, на которого она могла положиться и на помощь которого могла рассчитывать абсолютно в любой ситуации. Полина его, безусловно, любила... но не бо-

лее чем лучшего в своей жизни друга. Вовсе не он был героем ее сексуальных фантазий. Молодую женщину мучило чувство вины — ей было невыносимо стыдно, но это было сильнее ее. Она была не в силах справиться с любовью к человеку, когда-то так жестоко обидевшему ее. И поэтому ночи, проведенные в объятиях Кирилла, становились для Полины пыткой. Когда ей приходилось заниматься с ним любовью, она прибегала к древней, как мир, женской уловке: закрывала глаза и представляла на его месте Глеба Владимировича. И тогда не нужно было изображать страсть: она становилась подлинной, а нашептываемые ему нежные слова — искренними. Но как же мучительно больно было Полине, когда, открыв глаза, она видела счастливое лицо Кирилла, который всегда и безоговорочно ей верил. В такие минуты молодая женщина ненавидела себя.

Начался очередной учебный год. Все сотрудники кафедры приступили к работе. Только Дина пока еще не вернулась из отпуска. Поскольку такое случалось и прежде, никого ее отсутствие особо и не встревожило: никуда не денется — появится и, как всегда, выдаст на-гора какую-нибудь умопомрачительную причину своей задержки. И вдруг — как гром среди ясного неба: Дина погибла в автокатастрофе где-то в австрийских Альпах.

Дина, умопомрачительно красивая девушка из глубинки, поступила на филфак захудалого частного вуза на платную форму обучения. Впервые оказавшись в большом городе, юная особа с головой окунулась в вихрь развлечений, которые он предлагал на выбор в неимоверном количестве: бесконечная череда вечеринок, клубы, бары... Ну какая уж тут учеба! Последствия не заставили себя долго ждать: на втором курсе, как ни заинтересована была администрация в сохранении поголовья студентов, ее все же отчислили.

Дина сидела на парапете набережной Невы лицом к воде, свесив ноги, и размышляла, как ей быть в создавшейся ситуации. О возвращении домой не могло быть и речи — никаких перспектив в этом захолустье у нее не было и быть не могло. Значит, придется искать работу и как-то решать проблему с жильем. Но как это все осуществить на деле, она не имела ни малейшего представления. «Господи, как это все некстати!» — с раздражением подумала Дина и вдруг услышала взволнованный мужской голос:

— Девушка, что вы делаете? Так и до беды недалеко — ведь упадете!

Оглянувшись, она увидела пожилого, но весьма импозантного человека, с неподдельной тревогой смотревшего на нее.

— А я, может, именно этого и хочу, — с вызовом ответила Дина.

Похоже, в этот момент на ее лице читалось такое искреннее отчаяние, что старик крепко ухватил ее за рукав и не отпускал до тех пор, пока она не слезла с парапета.

Пара-тройка лекций по литературе, на которых все-таки довелось побывать Дине, явно не были зря потраченным временем. Не лишенная актерского дара, она, для пущей убедительности пустив скупую девичью слезу, поведала старичку, оказавшемуся физиком-ядерщиком, академиком и при этом вдовцом, к тому же бездетным, такую душещипательную историю, что тот, растрогавшись, пригрел ее не только у себя на груди, но и в своей огромной пятикомнатной квартире.

Он был старше ее на пятьдесят с лишним лет, но это не помешало им заключить брачный союз: не жить же во грехе.

На следующий год уважаемый академик добился восстановления молодой жены в институте, а затем устроил ее перевод в престижный университет, диплом которого она и получила благодаря его заботам.

Затем любящий супруг, воспользовавшись своими многочисленными связями, пристроил ее в аспирантуру. Большой любитель поэзии, он написал ей кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Выполнив свою миссию, академик тихо скончался — и в тридцать два года Дина осталась вдовой. Но богатой.

Этим летом Дина отправилась в вояж по Европе с другом — известным политиком. Он был женат, поэтому, дабы не привлекать чрезвычайно нежелательного для него внимания представителей прессы, эти двое старались избегать популярных у туристов (особенно российских) мест. Сумасбродке Дине захотелось чего-то необычного. И пара, взяв напрокат машину, отправилась в Австрию, в местечко под названием Хинтертукс, чтобы отдохнуть от изнуряющей жары, царившей тем летом в Европе, и покататься на лыжах.

Они мчались по горному серпантину на мощном спортивном кабриолете «Феррари». Дина небрежно развалилась на переднем сиденье, задрав ноги на торпеду. Машина не вписалась в поворот и лоб в лоб столкнулась с микроавтобусом. Дина, которая не сочла нужным пристегнуться, вылетела из машины как артиллерийский снаряд. Ее долго не могли найти. Понадобилась специальная команда, чтобы вытащить из ущелья то, что от нее осталось.

Ее спутник заявил полиции, что не был знаком с пострадавшей. Он просто не смог отказать соотечественнице, попросившей подвезти ее. Девушка проигнорировала его просьбу пристегнуть ремень, результатом чего и стала ее гибель. По завершении следствия по делу он сразу же вылетел в Москву.

Вездесущие журналисты раскопали факты одновременного пересечения парой границы и их совместного проживания в гостинице.

Горе-любовнику стоило больших трудов и немалых денег устроить так, чтобы эта информация не просочилась в российские СМИ. Но он был человеком публичным, и когда Интернет запестрел переводами статей, опубликованных в западной прессе, ему все же пришлось дать интервью. Рассказывая журналистам об обстоятельствах трагедии, он настойчиво повторял версию о случайной знакомой.

Когда Полина узнала подробности гибели Дины, ей стало стыдно за то, что она подозревала Глеба Владимировича в связи с этой молодой женщиной, которая, как оказалось, любила совсем другого человека. И в то же время в глубине души, боясь признаться в этом даже самой себе, она почувствовала облегчение — ведь теперь ревновать его было не к кому...

Злой холодный ветер с неистовой силой бил в лицо колючими снежинками. Каким-то непостижимым образом Полина оказалась у туристической компании, где они с Глебом Владимировичем оформляли поездку в Таиланд. В окне красовался баннер с надписью: «Нет туров в Египет и Турцию, зато вас по-прежнему ждет ласковый песок тайских пляжей!»

Тогда Глеб Владимирович получил очередной грант от очередного американского университета, по которому мог поехать на конференцию,

проводившуюся в Бангкоке, с кем-то из коллег. Его выбор пал на Полину, и она, ни минуты не колеблясь, согласилась. Только в аэропорту она до конца осознала всю щекотливость создавшейся ситуации. С каким настроением провожал ее Кирилл, о чем судачат сотрудники, как сложится поездка? Впрочем, нет, все это беспокоило Полину с самого начала, но она упорно старалась не думать об этом. В глубине души молодая женщина надеялась на то, что они вновь будут близки, как тогда, в псковской гостинице, хотя ей стыдно было признаться в этом даже самой себе. Да ради этого она была готова на любое безрассудство!

Бангкок встретил их жарой, яркими красками и цветами. Организаторы конференции были знакомы с Глебом Владимировичем и принимали его как знаменитость. Впрочем, радушие и добросердечность хозяев распространялись на всех без исключения гостей.

Темой конференции была литература Юго-Восточной Азии, и Глеб Владимирович, к удовольствию Полины, покорила всех своим сообщением о тайском поэте девятнадцатого века Сунтоне Пу. Поэт-романтик много сделал для демократизации сиамской литературы. Язык его стихов был приближен к живому разговорному, поэтому получил название «клон талат», то есть «базарный стих». Свой доклад Глеб Владимирович так и назвал: «Базар-

ный стих сладкозвучного Сунтона Пу». Он оказался единственным иностранцем, который делал сообщение о тайской литературе, а потому пользовался особым расположением всех представителей принимающей стороны — от переводчиков до министра.

В аэропорту Бангкока их встречала сотрудница университета Убон с китайцем-переводчиком Колей, который русский знал так же плохо, как и тайский. Вопрос: «Как долетели?» он переводил как: «Когда улетаєте?», а вместо предложения выпить кофе отправил их покупать сувениры. Все вздохнули с облегчением, когда обнаружили возможность общаться на английском.

Разместились в фешенебельном отеле и сразу же отправились осматривать архитектурный комплекс Королевского дворца.

Город напоминал улей. Казалось, ни один человек, ни одна повозка, ни один автомобиль не стояли на месте. Все двигалось, гудело и галдело.

Осмотр комплекса начали с храма Лежащего Будды, ожидающего достижения нирваны. Храм изумлял неземной красотой, погружал в сказку. Всюду сияла позолота, все сверкало и переливалось. От обилия ярких красок рябило в глазах. Около сотни ступ с замысловатыми цветочными узорами, выложенными из керамических плиток, слепили отражающимися от них солнечными

лучами. Позолоченные статуи Будды, коим несть числа, стояли в окружении каменных бородатых стражей. Впечатляющее зрелище!

— Это самый большой храм Таиланда, — сказала Убон тоном заправского экскурсовода. — Он заложен еще в двенадцатом веке. Здесь в тысяча семьсот восемьдесят втором году генерал Чакри провозгласил себя королем Рамой I, основав таким образом новую династию правителей Таиланда.

Вошли в павильон с гигантской статуей лежащего Будды.

— Длина статуи — сорок шесть метров, а высота — пятнадцать, — продолжила свой рассказ Убон. — Сделана она из смеси гипса, песка и ракушек, а сверху покрыта золотом. Обратите внимание на трехметровые ступни, которые инкрустированы пластинками перламутра по черному лаку. Сто восемь рисунков на подошвах символизируют сто восемь особых качеств, отличающих Просветленного. Сто восемь — сакральное число в буддизме. Сто восемь томов содержит сборник высказываний Будды. Сто восемь бусин в буддийских четках. Такое же число покаяний и страстей. А если человек опустит по монетке в каждую из ста восьми медных чаш, расположенных вот там, вдоль стены, то он улучшит свою карму и все загаданные им желания непременно сбудутся.

От статуи великого учителя, погружающегося в нирвану после завершения череды перерождений, веяло покоем и умиротворением.

Пока Глеб Владимирович рассматривал висящие на стенах храма картины с изображениями жизненных историй семи самых известных учеников Будды, Полина подошла к маленьким металлическим горшочкам, вокруг которых толпились туристы, жаждущие чуда. Она бросала монетки в чаши в надежде на исполнение своего единственного, самого сокровенного желания...

Затем Убон привела гостей в храм Изумрудного Будды — главный храм Таиланда и сердце Бангкока.

В центре храма находилась священная реликвия — небольшая статуя Будды в золотом одеянии, восседающего в позе лотоса.

— Тайцы верят в могущество Изумрудного Будды. По преданию, эта статуя семь дней и ночей вырезалась на небесах и была подарена Сиаму Ашокой — первым индийским правителем, принявшим буддизм, — рассказывала гостям их добровольный гид. — Возле этой статуи правители Таиланда присягают на верность народу и стране. Только король имеет право дотрагиваться до нее. Именно он три раза в год с наступлением очередного сезона переодевает Будду в новые одежды. Традиция соблюдается по сей день со времен Рамы I.

— Я правильно поняла, вы сказали «три сезона»? А почему не четыре? — спросила Полина.

— В Таиланде три времени года, — улыбнувшись, ответила Убон. — Лето, зима и сезон дождей. Здесь лето наступает в марте и завершается в августе, зима длится с ноября по февраль, а сезон дождей приходит в сентябре и кончается в октябре.

Выходя из храма, Убон с гордостью заметила:

— Благодаря покровительству Изумрудного Будды наша страна единственная в Индокитае не была колонизирована европейцами.

— Справедливости ради стоит добавить, что это стало возможным в том числе и благодаря помощи России, — заметил Глеб Владимирович.

— То есть? — удивилась Убон.

— Когда Рама V во время своей поездки по Европе в самом конце девятнадцатого века безуспешно искал поддержки в разрешении франко-сиамского конфликта, он посетил и Россию. Его фотографию с российским императором Николаем II напечатали во всех европейских газетах, что во Франции истолковали как намерение нашей страны поддерживать Сиам, а конфликтовать с ней французам был вовсе ни к чему.

— Никогда об этом не слышала, — призналась Убон.

— А о романе его сына с русской медсестрой вы, конечно же, знаете? — спросил Глеб Владимирович.

— О, да, разумеется, эту романтическую и печальную историю у нас знают все!

Из обители Изумрудного Будды отправились в Королевский дворец.

На пути им то и дело встречались мастерски изготовленные фигуры гаруд — ездовых птиц бога Вишну и зловещих демонов.

— А почему храм Изумрудного Будды? Ведь он сделан из нефрита, — шепотом спросила Полина Глеба Владимировича.

— Этого я не знаю, — так же тихо ответил он, — но Убон мы об этом спрашивать не будем — поищем информацию сами. А знаешь, я недавно прочел в одной статье, что эта статуя сделана вовсе не из нефрита, а из жадеита. Эти минералы хотя и очень похожи, но все-таки не одно и то же.

Королевский дворец был гораздо скромнее культовых сооружений, тем не менее поражал изяществом и гармонией.

Многочисленные туристы жаждали сфотографироваться с гвардейцами, стоящими на карауле.

— Ваши гвардейцы очень напоминают гусар русской армии, — заметил Глеб Владимирович, обращаясь к Убон.

Девушка объяснила, что форма королевских гвардейцев позаимствована у офицеров русской армии. Принца Чукрабона, обучавшегося в российской Академии Генерального штаба, так впечатлили русские гвардейцы, что он решил одеть свою армию в их форму. Правда, в последние десятилетия ее носит

исключительно почетный караул короля. Но национальный гимн, созданный при участии русского композитора Петра Андреевича Щуровского, дважды в день звучит во всех уголках Таиланда.

— Да-а, — протянул Глеб Владимирович, — я и не предполагал, что и в далеком Таиланде обнаружится столь явный русский след.

— Ну что вы! Связи наших стран куда более тесные, чем может показаться на первый взгляд, — ответила Убон. — В две тысячи седьмом году, по случаю сто десятой годовщины установления тайско-русских дипломатических отношений и в память о пребывании Рамы V в Петергофе, наше правительство выделило шесть миллионов долларов на реставрацию этого шедевра.

— Однако! — многозначительно произнес Глеб Владимирович, вызвав своей репликой недоумение Убон.

Пройдя через рыбный рынок, изобилующий экзотическими сушеными морскими продуктами, компания села в стоящий у причала невообразимо мутной реки Чаупхрая катер, который, юрко лагурируя между бесконечным потоком паромов, прогулочных катеров, баркасов, похожих на ореховую скорлупу лодочек и прочих немислимых плавсредств, помчал их к противоположному берегу, к храму Утренней Зари.

Воспользовавшись паузой в экскурсии, Полина спросила:

— Глеб Владимирович, а что это за романтическая история, о которой знают все, кроме меня?

— Во время своего путешествия по странам Востока с тысяча восемьсот девяностого по тысяча восемьсот девяносто первый год цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, посетил в том числе и Сиам — так раньше назывался Таиланд, — где был тепло встречен королем Рамой V. Кстати, исследуя творчество Сунтона Пу, я узнал, что во время своего визита в эту страну отпрыск царской фамилии побывал в театре Лакхон на представлении пьесы Пу «Пхра Апхаймани». Это была одна из основных причин, побудивших меня подготовить доклад о его творчестве.

Николай был так тронут радушием сиамского короля, что пригласил его на свою коронацию. Рама не смог приехать на церемонию, но послал делегацию во главе со своим старшим сыном. Сам же посетил Россию на следующий год — стало быть, в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, — и его так восхитила наша загадочная северная страна, что позже он отправил своего младшего сына учиться сначала в Пажеский корпус, а затем и в Академию Генерального штаба.

Молодой принц влюбился в простую русскую девушку — кажется, ее звали Катя и она была медсестрой, — женился на ней и увез в Сиам. Вот такая

она, любовь, — многозначительно закончил свой рассказ Глеб Владимирович.

— А я тоже кое-что знаю об отношениях между нашими странами, — сказала Полина. — Например, то, что статуя Будды в буддистском храме, который находится на Приморском шоссе, подарена тайским королем. К сожалению, каким и когда именно, не могу вспомнить.

Тем временем катер причалил к берегу. Необычность храма Утренней Зари, кроме того, что его главная пагода — самая высокая в Бангкоке, заключалась в оригинальной отделке его стен. Они были украшены рисунками и мозаикой из обломков цветного китайского фарфора. При свете солнца разноцветные осколки играли и переливались всеми цветами радуги.

Убон рассказала, что по легенде, очень давно в реке Чао Прайя затонуло китайское судно, перевозившее фарфоровую посуду. Местные жители, поднявшие его со дна, решили использовать осколки фарфора в украшении храма. Но этого материала не хватило, и тогда каждый житель города принес сюда чашку, тарелку или иной предмет из домашней утвари, чтобы украсить храм, лишь бы он не остался недостроенным.

К вечеру съехались все участники конференции, и министр образования устроил прием на огромном катере, оформленном в национальном стиле.

Столы на его нижней и верхней палубах были заставлены такой изумительной красоты изысканными блюдами, что к ним боязно было даже прикоснуться. На вкус шедевры тайского кулинарного искусства оказались столь же превосходны.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул Глеб Владимирович.

Отчалили засветло. Гости любовались берегами Чаупхрая. Утонченные силуэты буддистских храмов соседствовали здесь с гигантскими небоскребами, роскошные дворцы — с ветхими рыбацкими хижинами на деревянных сваях, уходящих под воду. Редкое очарование придавали реке стирающие белье женщины и плескающиеся подле них дети. Слева и справа от реки отходили многочисленные каналы, что напоминало паре родной Петербург.

Фольклорные ансамбли сменяли друг друга. Необычным было все: мелодии, голоса, телодвижения, костюмы. Исполнительницы то и дело приглашали гостей на сцену и предлагали им танцевать вместе с ними. Полина оказалась такой музыкальной и пластичной, что в конце шоу не уступала в исполнительском мастерстве профессиональным артисткам. Глеб Владимирович с нескрываемым удовольствием слушал комплименты мужчин в ее адрес.

Кромешная тьма южной ночи в считанные минуты накрыла реку и древний город ангелов. Оригинально подсвеченные мосты, дворцы и небоскребы придавали ему волшебное очарование. Таинственно

сверкающие по берегам реки верхушки буддистских храмов даже в ночи отливали золотом.

Прогулка закончилась далеко за полночь.

— Я пришел к выводу, что тайское гостеприимство, пожалуй, вполне может соперничать с русским, — заметил Глеб Владимирович, прощаясь с Полиной.

Утомленная жарким и насыщенным впечатлениями днем, Полина вошла в номер и без сил рухнула в кресло. Вскоре ее сморил сон, и она оказалась у огромного фикуса, под которым восседал Будда.

— Ты просила меня об исполнении естественного для каждой женщины желания быть рядом с любимым мужчиной и вместе с ним воспитывать сына, — обратился к ней Будда. — Я исполняю все разумные желания. Выполню и твое.

У Полины затрепетало сердце в предвкушении чуда.

— Я выполню эту простую просьбу, — продолжал Будда. — Но если сделаю это немедленно, нарушится Великая гармония Вселенной и твоя жизнь превратится в ад.

Люди постоянно испытывают страдания, причина которых — довлеющие над ними желания. Любовь часто бывает эгоистичной, вызывает загрязнение ума и превращается в потребность обладать другим.

Человек есть частичка Вселенной, законы которой он должен соблюдать ради гармонии. А гармония Вселенной зиждется на равновесии между противоположностями. Страсть не должна угнетать разум, иначе равновесие нарушится, Вселенная же непременно его вернет. Соблюдай Великий закон Вселенной — и она сама выведет тебя к счастью. Твое счастье — в достижении максимального равновесия.

Любовь несравненно сильнее разрушения. Ее священная сила — в радости, в согревающем, а не испепеляющем огне, в животворящем, а не ослепляющем свете. Поэтому ты будешь его возлюбленной и единственной женой в следующей жизни, — закончил свою речь Будда и растворился в пространстве.

Полина на мгновение очнулась от дремы со смешанным чувством радости и отчаяния.

— И все же лучше бы в этой жизни, — пробормотала она и вновь погрузилась в сон, в глубине души надеясь, что в его продолжении вопрос решится как-то иначе.

Благодаря разнообразной и интересной культурной программе конференция больше напоминала туристическую поездку.

Утренние заседания были и в самом деле утренними. Они начинались в семь часов и заканчивались к полудню. После обеда участники конференции отправлялись на очередную экскурсию.

За четыре дня успели побывать в загородном королевском дворце и древней столице Сукхотхай, посмотреть шоу крокодилов и шоу слонов.

Двухдневная экскурсия в Сукхотхай произвела на них особое впечатление.

Великая Кхмерская империя, процветавшая пять столетий на территории современных Камбоджи, Вьетнама, Таиланда и Лаоса, с центром в Ангкоре, разьедаемая внутренними противоречиями, к концу восемнадцатого века утратила былую мощь. На северо-запад с земель Китая пришли народы, называвшие себя таи, что означает «свободные». Закрепившись на плодородных землях, они бросили вызов господству кхмеров. Город Сукхотхай, что в переводе на русский означает «рассвет счастья», основанный в тысяча двести тридцать восьмом году, стал столицей зарождающегося тайского государства. И вот теперь, полуразрушенный, но по-прежнему величественный, он привлекал тысячи туристов со всего мира.

После экскурсии все разбрелись по этнографическому парку. Глеб Владимирович и Полина направились к храму, стоящему на двадцати четырех слонах, чтобы поближе рассмотреть это необычное сооружение. Зрелище было впечатляющее. Слоны, выполненные в натуральную величину, выглядели, как живые.

— Бедняжкам, наверное, тяжело держать на себе такую махину, — заметила Полина.

— Они же слоны, это их участь, — ответил Глеб Владимирович. — Мне, пожалуй, в этом отношении эрмитажных атлантов больше жалко. Здесь хоть тепло, а наши, бедные, стоят полунагие и в зной, и в лютый мороз.

Причудливые сооружения храмового ансамбля отражались в водоемах. Рядом с цветками нежных лотосов то и дело появлялись головы цветных карпов, жадно глотающих воздух.

Глеб Владимирович обнял Полину за плечи и, как тогда, в псковской гостинице, они стояли, прижавшись друг к другу, и любовались древними развалинами. Сердце молодой женщины билось так сильно, что ей казалось, будто рыбы ныряют под листья лотосов, испугавшись его стука. Полине так хотелось повернуться к нему, обнять и осыпать его лицо поцелуями, но горький осадок, оставшийся после того вечера, останавливал ее.

На противоположном берегу пруда стоял довольно хорошо сохранившийся храм, вокруг которого сновали люди. В самом здании было много монахов, распевавших мантры, и тайцев, исполняющих какие-то ритуалы. На выходе встретили Убон. Она объяснила им, что в беседке перед входом можно приобрести набор для совершения ритуала.

— Церемония очищения кармы называется «тамбун», — сказала она. — Зажженную свечу и ароматические палочки вы ставите перед одним из изваяний Будды, цветов лотоса опускаете

в чашу, а листочек сусального золота приклеиваете к одной из статуй.

— Не то чтобы моя карма была сплошь загажена грехами, но из почтения к Вселенной я готов совершить этот ритуал, тем более в таком намоленном древнем храме, — совершенно серьезно сказал Глеб Владимирович и направился к беседке.

Вернувшись к Полине, он вручил ей набор для проведения ритуала и со словами: «Хочу пообщаться с высшими силами тет-а-тет» ушел в другой конец храма.

Полина ничего не просила у Будды. Молча совершив ритуал, она неожиданно для себя ощутила необыкновенные легкость и бодрость.

По окончании конференции они отправились на Пхукет — роскошный тайский курорт, расположенный на живописном острове.

Интерьеры гостиницы, оформленные в национальном стиле, ее доброжелательные и внимательные сотрудники с подкупающе искренними улыбками сулили комфортный отдых. Получили ключи и разошлись по номерам, договорившись отправиться на ужин через полчаса. В назначенное время в дверь номера Полины постучали.

— Входите, — крикнула она.

Дверь открылась, и на пороге появился настоящий денди в белоснежном костюме. Полина с трудом узнала в нем Глеба Владимировича.

— Вот это да... — растерянно пробормотала она.

Войдя в номер и закрыв за собой дверь, Глеб Владимирович, не произнеся ни слова, решительным шагом направился к Полине, и какая-то неведомая сила толкнула ее к нему навстречу. Через мгновение они уже сжимали друг друга в неистовых объятиях, как изголодавшиеся любовники, которые вынуждены были надолго расстаться.

Поужинать паре удалось далеко за полночь. Все рестораны были уже закрыты. К счастью, уличные продавцы, приспособившие под мангалы и прилавки велосипедные коляски, распродавали оставшуюся снедь припозднившимся горожанам и туристам. Глеб Владимирович и Полина с жадностью поглощали еду прямо у коляски под удивленным взглядом торговца.

Внутреннее убранство отеля напоминало оазис. Сообщающиеся бассейны с барами, фонтаны и водопады словно призывали не ходить к морю, но Глеб Владимирович и Полина туда, разумеется, пошли и не пожалели. Солнце отражалось в морской глади тысячью бликов. Теплые волны ласкали разгоряченные тела. Изумрудные брызги весело разлетались в разные стороны. Непуганая рыба, казалось, получала свою порцию удовольствия, плескаясь рядом с людьми. Море затягивало и не отпускало. Лишь быстро заходящее солнце заставляло выйти на берег.

Полине не с чем было сравнивать, но ей казалось, что нет лучшего места на Земле. Фраза: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» без конца крутилась в ее голове.

Полина наслаждалась кристально чистым морем и нежным песком — все это было для нее внове, все дарило радость. Но самое главное, рядом был он — ее любимый, самый лучший мужчина на свете. Любое его прикосновение вызывало в ней острое, как ожог, желание. Полину это пугало, но она была не в силах совладать с собой.

Проснувшись ранним утром, когда солнечный свет едва пробивался сквозь занавески, Полине часто хотелось вскочить и побежать на пустынный в это время пляж, чтобы в одиночестве насладиться купанием в ласковых водах лазурного Андаманского моря. Но, боясь разбудить Глеба Владимировича, она подолгу лежала без движения, с любовью и нежностью рассматривая каждую черточку его лица, словно хотела навсегда сохранить их в памяти. «Это сон или я в раю? — спрашивала она себя и сама же отвечала: — Конечно же, в раю. Так беззаботно и радостно может быть только там».

Забавно, но она по-прежнему называла его на «вы» и по имени-отчеству, не осмеливаясь перейти на «ты», и во время любовных утех старалась не использовать местоимения. И хотя Полина в полной мере осознавала всю нелепость сложившейся ситуации, перейти на «ты» она все же не решалась.

После кулинарных изысков Бангкока их трудно было чем-то удивить, но, посещая маленькие ресторанчики острова, они открывали для себя все новые и новые блюда. Диковинная морская живность, обитающая в огромных аквариумах, вылавливалась на глазах посетителей ресторана и виртуозно готовилась поварами. Это было настоящее кулинарное шоу.

Огромный окунь готовился на пару и подавался на металлической подставке, под которой для поддержания жара горела свеча. Зубчики чеснока и зеленого перчика чили просвечивали сквозь кинзу и цедру лайма, возбуждая аппетит. Нежные кусочки рыбы, сдобренные пряным кисло-сладким соусом, таяли во рту.

Креветки, лангусты, крабы в каждом ресторане готовились по фирменному рецепту и везде имели свои неповторимые вкус и аромат.

Тайские блинчики всевозможной формы, приготовленные из тончайшего пласта рисовой лапши, подавались с самой разнообразной начинкой — от моркови и салата до мясного фарша. Зеленый кисло-сладкий пряный соус придавал им изысканный вкус.

А вот самое знаменитое блюдо тайской кухни — кисло-острый суп том ям, обильно приправленный оригинальными специями, — оценен не был. Вместо него Глеб Владимирович заказывал джим джам. Блюдо готовилось на столе прямо перед посетителями. Официант приносил маленький мангал

с тлеющими углями, на который ставил глиняный горшок, наполненный жирным мясным бульоном. На отдельном подносе лежали разнообразные травы и овощи, яйца, мясо, лапша и, конечно же, священный тайский базилик. Все это измельчалось и поочередно загружалось в котелок, где долго тушилось. К концу ужина Глеб Владимирович собственноручно разливал сытный и ароматный суп.

По пути на море и перед возвращением в отель они устраивались за столиком на улице возле небольшой лавчонки. Ее приветливая хозяйка выбирала для них лучшие плоды манго и делала фреш, взбивая в блендере нежную мякоть фрукта со льдом. Они подолгу цедили божественный напиток и представляли, как в холодном и дождливом Питере будут вспоминать эти блаженные минуты. А блаженными для Полины были все минуты, проведенные с ним на Богом благословенном острове Пхукет.

Каждый вечер перед ужином они заходили в массажный салон. Если человек попадает в руки настоящего мастера, то получает поистине райское наслаждение. Именно таковой оказалась массажистка Полины — маленькая худенькая старушка. С первых прикосновений ее нежных, но сильных рук молодая женщина начала ощущать свою плоть. Затем почувствовала потоки жизненной энергии.

И, наконец, растворилась в невесомости и воспарила над собственным телом, над землей. Блаженству не было предела!

Крохотный продавец туров, называвший себя русским именем Толя, так распереживался по поводу их короткого отдыха, во время которого пара не сможет увидеть и десятой доли достопримечательностей Пхукета, что Глебу Владимировичу пришлось его заверить в том, что они обязательно приедут на остров еще раз.

По Толиному плану знакомство с островом начали с обзорной экскурсии, включающей посещение этнографической деревни.

Живописные холмы и склоны, поросшие экзотической растительностью, поражали буйством красок. Со смотровых площадок открывался потрясающий вид на нежно-бирюзового цвета Андаманское море, усеянное очаровательными островками. Изумительно красивые бухты ютились среди скал.

Знакомство с этнографической деревней началось с поездки на телеге, запряженной двумя мощными буйволами, неторопливо двигавшимися мимо рисовых полей и фруктовых плантаций. В крестьянских лачугах сустились женщины, рядом играли дети. Прогулка на слонах в джунглях по руслу высохшей реки убедила всех в том, что умереть с голоду в Таиланде совершенно невозможно. Глеб

Владимирович насчитал больше десятка видов деревьев со съедобными плодами.

Затем они побывали с экскурсией на острове Джеймса Бонда, названного так после съемок здесь одной из частей бондианы — «Человек с золотым пистолетом». Двадцатиметровый «Джеймс Бонд», подмытый морским приливом, диаметром у основания не больше пяти метров, казался каменной глыбой, покоящейся на тонкой ножке. Этот дикий остров стоял так зыбко, что возникало ощущение, будто он вот-вот упадет.

Через несколько минут причалили к плавучей деревушке, где на нескольких плотках жили мусульмане, зарабатывающие на жизнь доставкой туристов к островам, а также торговлей жемчугом и сувенирами, изготовленными из даров моря. Маленький таец с лукавой улыбкой, не скрывая своего восхищения большой белой женщиной, вешал на шею Полины все новые и новые нити с белым, розовым и черным жемчугом. Полина попыталась было их снять, но он яростно протестовал, настаивая на покупке доброй дюжины ожерелий.

— Сколько? — спросил Глеб Владимирович.

— Шесть тысяч бат, — выпалил таец.

Смехотворно низкая цена удивила Глеба Владимировича, но, вспомнив совет экскурсовода всег-

да торговаться и называть цену в два раза ниже запрашиваемой продавцом, решительно заявил:

— Три тысячи, и ни батом больше.

— Давай, — радостно по-русски ответил таец, и обе стороны сделки разошлись, довольные друг другом.

Здесь же туристов ожидали каноэ, на которых через мангровые заросли добродушные гребцы доставляли их в лагуну внутри острова, похожего на стакан, с небольшим промывом у основания. Попасть в полую часть этого необычного острова можно было только в короткий период отлива.

Увешанная жемчужными ожерельями Полина сидела в каноэ рядом с Глебом Владимировичем и счастливо улыбалась.

На шоу «Сиам Нирамит — волшебное путешествие в королевство Сиам» зал ревел от восторга. Фантастические спецэффекты погружали зрителей в разные исторические эпохи. Вот перед ними возникла тайская деревня с крестьянами и всевозможной живностью, которая, словно профессиональные статисты, четко знала, куда и в какой момент надо двигаться. Рыбаки и торговцы плыли по реке, протекающей здесь же, на сцене. Зрителей изрядно напугала гроза, разразившаяся перед ними, с проливным дождем, громом и молнией. Полина дала волю эмоциям и, как ребенок, восторженно реагировала на происходящее.

Шоу «Фэнтези», изобиловавшее современными технологиями и спецэффектами, оказалось еще более грандиозным. Это был незабываемый театрално-этнографический шедевр, пронизанный тайской экзотикой.

Последний день на этом острове блаженства они провели в постели. Никогда прежде Полина не была так счастлива. Она наслаждалась каждым мгновением их близости и при этом смущалась и удивлялась собственной ненасытности. Лишь к вечеру спустились они к морю, держась за руки, словно боялись потеряться. Устроившись на теплом песке, пара слушала шум волн и любовалась неоновым свечением планктона.

В этой стране, созданной для наслаждения, время, которое должно было тянуться счастливую вечность, вдруг сжалось до мгновения, и возникло ощущение, что они только что приехали сюда.

Когда их губы расстались, Полина поняла, что никогда в жизни не прильнет к другим губам.

Вернувшись домой, Полина прямо с порога объявила мужу:

— Я люблю другого мужчину и поэтому ухожу. Кирилл отказывался верить своим ушам.

— Родная, этого не может быть, ведь всего две недели назад у нас все было прекрасно! Что могло случиться за это время? — растерянно спросил он. — Впрочем, это абсолютно не важно. Главное, я по-прежнему люблю тебя и вместе мы справимся с любой ситуацией. Не надо только рубить с плеча. Все поправимо.

Кирилл попытался обнять ее, но она отстранилась и бессильно опустила на чемодан. Полине было почти физически больно продолжать этот разговор, но она твердо решила довести начатое до конца.

— Кирилл, ты, наверное, самый лучший в мире человек и очень дорог мне, но... я давно... да что там, всю жизнь люблю другого. Ты сам однолюб, поэтому поймешь меня как никто другой, — выпалила она и разрыдалась.

Он сел напротив нее на корточки и спросил:

— Так ты уходишь к нему?

— Нет, — ответила она обреченно. — Он женат.

— Я действительно тебя понимаю. Помни только одно: ты можешь вернуться сюда в любое время и всегда можешь рассчитывать на меня, что бы ни случилось. Моя любовь к тебе — это как пожизненный приговор, не подлежащий обжалованию. Должно же быть что-то постоянное в этом изменчивом мире, — горько пошутил Кирилл и спросил: — А ты позволишь мне видиться с Егором?

— Господи, ну конечно! Ведь ты хоть и не биологический, но зато самый настоящий его отец,

притом самый лучший в мире! Да к тому же ты знаешь, как он к тебе привязан, — ответила Полина. — Я хочу, чтобы ты помнил: ты всегда будешь для меня и сына родным человеком. Не знаю, сможешь ли ты меня когда-нибудь простить за ту боль, которую я тебе причинила...

— Уже простил. Надеюсь, ты будешь счастлива.

На следующий день они с Егором перебрались в родительский дом. Отец, больше года прикованный к постели, был так плох, что не принимал случившееся за реальность. С одной стороны, он не мог нарадоваться счастьем дочери в браке, а с другой — теперь, когда дочь с внуком постоянно находились рядом с ним, ему вроде бы становилось лучше.

— Не огорчайся: какое-то время они поживут у нас, а там, глядишь, все образуется и вернется на круги своя, — утешала больного мужа Ирина Викторовна.

И он окончательно успокоился и верил, что все закончится благополучно, тем более что Кирилл постоянно звонил, интересовался его здоровьем, и они обсуждали детали поездки на рыбалку, которую запланировали еще год назад.

Отец ушел тихо, во сне, — и дом будто опустел. После его смерти Ирина Викторовна, казалось,

утратила всякий интерес к жизни и выглядела бесконечно усталой и отрешенной. Полина с трудом узнавала в этой внезапно постаревшей женщине с потухшим взглядом и шаркающей походкой свою энергичную, ни секунды не сидящую без дела маму. Теперь Ирина Викторовна часами неподвижно сидела в кресле, уставившись невидящим взглядом в противоположную стену. Даже горячо любимому ею Егорушке удавалось вывести ее из этого состояния совсем ненадолго.

— Не обижайся на меня, Полина, за эти слова, но пусто мне на земле без моего Жоры, — сказала как-то Ирина Викторовна и вскоре ушла из жизни.

Полина осиротела. Глеб Владимирович, понимая, как тяжело ей было пережить почти одновременный уход родителей, старался как можно больше времени проводить с ней и Егором. Часто возил их за город, за что Полина была ему бесконечно благодарна.

Глеб Владимирович понимал, что именно из-за него молодая женщина рассталась с мужем, и чувствовал себя очень виноватым перед ней: ведь ничего больше, чем любовная связь, он ей предложить не мог, да она и не требовала. Он старался уделять Полине и Егору как можно больше внимания, насколько это было возможно, но у него была семья и бросать ее он не собирался ни при каких

обстоятельствах. Глеб Владимирович не пытался заменить Егору отца, да в этом и не было надобности: Кирилл очень любил сына, и они много и охотно общались. Может быть, именно поэтому мальчик достаточно безболезненно пережил развод родителей. К тому же он видел, что они по-прежнему уважительно и тепло относятся друг к другу и очень его любят. Тем не менее Глеб Владимирович брал Егора с собой, когда ехал в лес или на рыбалку, как когда-то своих маленьких, а теперь уже совсем взрослых сыновей.

Полина была благодарна ему за участие и поддержку. Но Глеб Владимирович был рядом с ней далеко не так часто, как ей этого хотелось. Да что уж там лукавить — ей хотелось, чтобы он был рядом всегда!

Когда он обнимал ее своими сильными и в то же время ласковыми руками, она чувствовала себя ребенком, уютно спрятавшимся под одеялом, где тепло, надежно и таинственно. Но когда они разлучались, Полина погружалась в пустоту одиночества. Ей становилось невыносимо тоскливо, хотя, как ей казалось, она была готова довольствоваться тем малым, что мог ей дать Глеб Владимирович в сложившейся ситуации. Ведь она знала, на что идет, знала, что у него семья, которую он никогда не бросит. Слава богу, у нее был сын, ее Егорушка! При одной мысли о нем Полина светлела лицом, и все ее проблемы переставали казаться такими уж значительными.

Со временем на кафедре все поняли, что Полина рассталась с Кириллом, хотя никто не говорил с ней об этом. Лишь однажды мудрая Ольга Владимировна, уловив момент, когда они остались на кафедре одни, завела с ней разговор:

— Видите ли, Поляночка, чаще всего мы видим мир вокруг себя таким, каким хотим его видеть, а не таким, каким творят его обстоятельства. Мы редко стремимся войти в положение другого человека и с его позиции оценить ситуацию, а потому нередко воспринимаем мир искаженным и через это искаженное пространство пытаемся выстроить свою жизнь. Результат один — потрясение и саморазрушение.

— Я понимаю, о чем вы, — ответила Полина, — и воспринимаю обстоятельства такими, какие они есть.

— Зачастую, даже глядя в зеркало, мы не видим своей реальной сущности. А когда находимся в состоянии эмоционального напряжения — кажется, именно так называет Константин Константинович любовь, — мы и вовсе воспринимаем все в розовых тонах. А жизнь вовсе не такая легкая и безмятежная, как нам хотелось бы. У каждого человека есть своя собственная история, обязательства, долг, понятия чести и совести. И когда кто-то способствует отказу другого от его ценностей, страдают все.

— Спасибо вам, Ольга Владимировна, за участие и добрый совет! Я ценю ваше мнение жизненный опыт и деликатность, и впредь, прежде чем что-то сделать, вспомню о нашем разговоре.

— Знаете, я объездила всю Европу, — улыбаясь, сказала Ольга Владимировна, — а вот в экзотических странах так и не побывала: боюсь подхватить какую-нибудь заразу. Вам понравилось в Таиланде? Что вас там особенно впечатлило?

— Да все. Это рай на земле: солнце, море и дружелюбные, постоянно улыбающиеся тайцы, прекрасно развитая индустрия развлечений и бесподобная кухня! Правда, сравнивать мне не с чем — я ведь больше нигде не была.

— Счастливая! — воскликнула Ольга Владимировна. И, поймав недоуменный взгляд Полины, пояснила: — Ведь у вас еще все впереди.

После этого разговора они прониклись друг к другу еще большей симпатией и всегда были искренне рады встрече.

Последнее время Полина была сама не своя. А всему виной бесконечные разговоры Светки о том, что она, Полина, редкостная дура и другая, нормальная, женщина уже давным-давно рассказала бы мужику, что именно он отец ее сына.

— Я не понимаю: ты что, не хочешь, чтобы он на тебе женился? — вопрошала ее подруга.

— Да нет, наверное, хочу, — неуверенно отвечала Полина. — Но ведь он женат и у него двое сыновей.

— Господи, какая же ты все-таки идиотка! Те его сыновья уже давно взрослые самостоятельные люди, а Егора еще растить и растить!

— Но у мальчика есть Кирилл, и ты прекрасно знаешь, что далеко не каждый родной отец так относится к своим детям, как он к Егору.

— Но ты же ведь не хочешь быть с ним. Хотя здесь я тебя, подруга, совершенно не понимаю, ведь все при нем: красавец, умница, прекрасный специалист, зарабатывает более чем прилично, вас любит без памяти... Не знаю, правда, что он в тебе нашел... А ты вцепилась в этого Глеба Владимировича и хорошему человеку, можно сказать, жизнь сломала.

— Да все я понимаю, Светка, — тяжело вздохнула Полина. — Вот только люблю я его и ничего не могу с этим сделать.

— Ах, любишь! — взвилась подруга. — Тогда топай к нему и расскажи ему все, как есть. И если, как ты говоришь, он глубоко порядочный человек, ты наконец получишь его в полное и безраздельное пользование.

И Полина после всех этих разговоров начала всерьез подумывать о том, чтобы последовать совету Светки. Останавливало ее только то, что она знала, как Глеб Владимирович любит свою семью и дорожит ею, и если его поставить перед выбором, он, может быть, и уйдет к ней, однако вряд ли их

отношения останутся прежними. Но как же хотелось быть счастливой!..

Разговор с Ольгой Владимировной, казалось, все расставил на свои места. Полина решила оставить все как есть и довольствоваться теми крупными частями счастья, что даровала ей судьба. Но в полудреме, когда холодная воля таяла, как сосульки в лучах весеннего солнца, она чувствовала жгучее прикосновение его плоти и засыпала с мыслью о потрясающем любовнике. Здесь она уже ничего не могла с собой поделать. Предательские мысли о возможности их союза вновь пронзали все ее существо, принося с собой терзания, бессонные ночи, бесконечные внутренние диалоги, которым не суждено было состояться...

Потом они вместе побывали в Испании, Италии, Франции... Каждая такая поездка становилась для Полины настоящим праздником, и она ждала их с большим нетерпением: ведь во время них он принадлежал только ей, ей одной.

Полина не помнила, как оказалась у дверей своей квартиры. В какой-то момент она словно очнулась и с ужасом осознала, что дома ее ждет Егор. Господи, как ей сказать сыну о смерти Глеба Владимировича, ведь они в последнее время так подружились! Но сказать придется, иначе как она сможет

объяснить его исчезновение из их жизни? «Так, сейчас главное — собраться, взять себя в руки», — подумала Полина. Трясущимися руками она попыталась достать из сумочки зеркальце. Это удалось ей сделать далеко не с первой попытки. Взглянув в него, Полина пришла в ужас: даже природная смуглость не могла скрыть мертвенной бледности ее лица, растрепавшиеся волосы свисали мокрыми прядями... Поднявшись на пролет выше и поставив сумку на подоконник, она принялась судорожно приводить себя в порядок. Вытерев лицо и причесавшись, Полина спустилась вниз и попыталась вставить ключ в замочную скважину, но он упорно не желал туда входить, и она нажала на кнопку звонка.

— Кто там? — прозвенел фальцетом до боли родной голос сына.

— Это я, — ответила она.

— Кто «я»? — послышалось в ответ.

— Да я же это, сынок!

Дверь отворилась, и Егор с ужасом выпалил:

— Что с тобой, мама?

Полина без сил опустилась на стоящую в прихожей тумбочку.

— Что с тобой, мама? — с тревогой, перерастающей в страх, переспросил Егор. — Что-то случилось?

— Да, Егорушка, случилось. Сегодня умер Глеб Владимирович.

— Как умер? Он же не болел!

— Так, умер. Ночью, во сне.

Каждое слово давалось Полине с огромным трудом. Сейчас ей больше всего на свете хотелось рухнуть на кровать и завывать, завывать в голос, по-бабьи и в этом вое хоть как-то избыть терзавшую ее невыносимую боль. Растерянный Егор топтался возле нее, не зная, что сказать ей в утешение.

— Жалко. Он был хорошим, — наконец произнес он.

«Он был прекрасным человеком, и он был твоим отцом, — подумала Полина. — Не знаю, решусь ли я когда-нибудь рассказать тебе об этом. Но точно не сейчас. Ты считаешь Кирилла своим отцом, он любит тебя, ты — его. И пусть все будет по-прежнему. Ведь ты все равно не сможешь разделить мою скорбь».

— Да, родной, он был хорошим человеком, и ты ему очень нравился, — вымученно улыбнулась сыну Полина. — Знаешь, Егор, я очень устала, так что, пожалуйста, пойду прилягу. Ужинай без меня, сынок.

Войдя в спальню, Полина упала на кровать, натянула на голову одеяло и истошно заревела.

Полина никак не могла смириться со смертью Глеба — так она его теперь мысленно называла. Для нее он был по-прежнему живой, самый любимый и самый желанный, отец ее ребенка. Засыпая, она вспоминала самые яркие эпизоды из их совместных путешествий, их разговоры, их жаркие ночи... Может

быть, поэтому он часто снился ей — и тогда утром Полина просыпалась счастливой, но далеко не всегда могла вспомнить, что именно видела во сне, хотя ей этого очень хотелось. В такие дни, если была возможность, она подолгу не вставала с постели, надеясь снова заснуть, чтобы увидеть его еще раз.

А еще Глеб оставил ей завет, как жить свободно и быть в ладу с собой.

Как-то они долго говорили о постоянных жизненных противоречиях, о чувстве вины и муках совести, и он сказал, что, как ему кажется, он знает, в чем заключается гармония жизни.

— И в чем же? — спросила его Полина.

— Не вступать в конфликт с самим собой, — ответил Глеб.

— А вы в ладу с собой?

— Да, пожалуй... — задумчиво протянул он. — Я нахожусь в состоянии психологического равновесия с того момента, как стал придерживаться принципа: «Живу, как чувствую».

— Как это? — заинтересовалась Полина.

— Часто мы думаем одно, а говорим другое, делаем то, что не хотим, ломаем и насилуем себя, разрушая главное — свое «Я». Последние лет двадцать я говорю исключительно то, что думаю, делаю то и так, что и как хочу.

— Но это невозможно, так не бывает!

— Почему же? Очень даже возможно. Другое дело, что ты должен быть убежден в своей правоте

и у тебя должны быть аргументы и решимость, чтобы отстоять свою позицию, а для этого нужны знания и жизненный опыт. Стало быть, жить, как чувствуешь, можно лишь на определенном этапе зрелости. Впрочем, компромиссам есть место и в этой философии жизни.

— Ну хорошо, а если человека сжигает желание оскорбить, унижить, разрушить другого?

— Тогда он входит в конфликт с миром, а такая откровенно разрушительная жизненная позиция не приносит ему душевного равновесия и счастья.

— И человек страдает?

— Может быть, и не страдает, а считает себя победителем, но в конечном итоге проигрывает и, что самое главное, разрушает себя.

Полина часто вспоминала свое видение Будды и слова, сказанные им. Они служили ей утешением. Конечно, она не была буддисткой, но кто знает...

Всё проходит и уходит в неизвестность. Остается лишь любовь, ради которой стоило ждать, терпеть и бороться.

Да, ее счастье длилось недолго — всего пять лет. Но это были годы, наполненные такой любовью, таким обилием впечатлений, каких многим женщинам не довелось испытать и за всю жизнь. И все это благодаря ему, ее Глебу. А главное — у нее есть Егор, их сын, так похожий на отца, и она сделает все возможное и невозможное, чтобы он вырос достойным человеком. Ради этой цели стоило жить!

*Как много тех, с кем можно лечь в постель,
Как мало тех, с кем хочется проснуться...
И утром расставаясь, улыбнуться,
И помахать рукой, и улыбнуться,
И целый день, волнуясь, ждать вестей.*
Эдуард Асадов

Глава II. Глеб

Отца Глеба после окончания Ленинградского высшего военно-морского училища распределили в Керчь, где в первый же день он встретил прекрасную гречанку Софию и два года ждал согласия ее родственников на брак. Родители много раз возили маленького Глеба в Ленинград к бабушке, и он так в него влюбился, что после окончания школы вопрос, в каком городе продолжать образование, перед ним не стоял: в Питере, и только в Питере!

Учеба в институте, служба в армии, аспирантура, женитьба пролетели как одно мгновение. Жизнь была такой яркой и насыщенной! Часто ночи напролет, сначала с друзьями, а затем и с прелестной умницей Верой они играли джаз, танцевали, спорили об искусстве или просто бродили по улицам.

Темп жизни замедлился, когда Глеб Владимирович начал работать преподавателем и у них с Верой один за другим родились два сына.

Из дневника Глеба:

Как-то в первой половине восьмидесятых, когда власть в стране переходила от одного потенциального покойника к другому и держава начала раскачиваться, Евгений Михайлович пригласил меня в кабинет. Достав бутылку коньяка, что было хорошим знаком, он сказал: «Я с приятелем заскочил на днях в Пушкинский Дом и попал на твоё выступление. Мне понравилось. Но особенно впечатлило твоё уверенное и убедительное отстаивание собственной позиции. Мы хотим повысить статус института до уровня академии. На днях придут журналисты — как ты понимаешь, вовсе не для того, чтобы нас поддержать. Нужны умные головы, и среди прочих я решил позвать тебя. Людмила Владимировна сообщит, когда и где. Вытьём за успех предприятия!»

Корреспонденты нескольких центральных газет, вероятнее всего, имели установку если не погубить идею повышения статуса, то по крайней мере не превратить это в тенденцию. Так случилось, что, когда они задавали каверзные вопросы, все предпо-

читали отмалчиваться и в драку лезли только ректор и Глеб.

— Ну что, как вы думаете: надерут нам задницу журналюги? — спросил Евгений Михайлович, когда корреспонденты ушли.

— Надерут, — угрюмо ответил парторг.

— Ну ладно, все свободны, а ты останься, — кивнул он в сторону Глеба.

Дождавшись, когда за последним сотрудником закроется дверь, Евгений Михайлович повернулся к Глебу и спросил:

— Что это ты такое нес про расширение международных связей? Ты что, подставить меня решил?

Евгений Михайлович всех знакомых называл на «ты», а если переходил на «вы», то это не предвещало ничего хорошего.

— Как какие связи? — удивился Глеб. — А болгарская команда КВН, а немецкая студенческая баскетбольная команда, а поляки, которые на будущей неделе приезжают к нам на конференцию, — это что, не международные связи?

— Молодец, а я и не подумал! Вот ты и займись обратной связью. Подумай, с кем можно заключить договор о научном сотрудничестве, об обмене студентами и что там еще... В общем, поразмысли — через неделю жду. Разрешаю тебе привлекать кого сочтешь нужным.

Глеб тщательно проработал вопрос, и через неделю они обсуждали возможности сотрудничества с десятком институтов из соцстран. На переговоры Евгений Михайлович посылал исключительно его, выражая таким образом абсолютное доверие. Зарубежные коллеги на удивление охотно, словно давно ждали предложения о сотрудничестве, соглашались и на совместные конференции, и на научное взаимодействие, и на обмен студентами.

К счастью, по следам корреспондентского рейда публикаций так и не последовало, что было добрым знаком. Ведь хвалили обычно редко, а ругали часто и за ругательными статьями в газетах обычно следовали оргвыводы.

Международное сотрудничество приняло поистине вулканообразный характер. Не осталось ни одной европейской соцстраны, куда бы студенты не ездили на практику, а от предложений дружественных латиноамериканских и африканских стран просто не было отбоя. Появились проекты по целевым студентам, по открытию докторантуры и многие другие. Статус академии институт получил. И когда на кафедре литературы образовалась вакансия заведующего, другой кандидатуры, кроме молодого, талантливой и энергичного Глеба, никто и не видел.

Из министерства пришла разнарядка на пятых преподавателей в школу деловых игр. В число счастливчиков, которым предстояло за казенный счет провести месяц в Одессе на побережье Черного моря, оказался и Глеб.

И сами-то по себе курсы оказались очень интересными. Но особая прелесть заключалась в том, что они проходили в июне на туристической базе, расположенной на самом берегу моря. С двенадцати до трех — обеденный перерыв, во время которого все устремлялись на пляж.

В группу из академии кроме Глеба входили две женщины и двое мужчин. Женщины — с кафедры философии, а мужчины — психологии и искусствоведения. Он встречал их в коридорах вуза, но знаком с ними не был.

Их пятерка — а именно из пятерок состояли команды играющих — блистала на практических занятиях. Все примерно одного возраста, независимые, оригинально мыслящие и творческие. Но в центре внимания они находились еще и потому, что Глеб, прекрасно знавший поэзию, превосходно декламировал стихи, причем чаще всего мало кому известные, Константин знал ответы на все животрепещущие вопросы человеческого бытия, Семен пел под гитару бардовские песни, и без него не обходилась ни одна пирушка, которые устраивали каждый день.

Тот месяц и сдружил Глеба, Семена и Константина на всю жизнь.

Из дневника Глеба:

В этот незабываемый день мы буквально столкнулись с Евгением Михайловичем у входа в академию. Я поздоровался и открыл перед ним дверь.

— Нет-нет, ты первый, сегодня у тебя праздник, — весело похлопал он меня по плечу и пропустил вперед. — Заходи ко мне.

— Когда? — спросил я.

— Да прямо сейчас.

Мы вместе вошли в ректорский кабинет.

— Коньяк утром пить не будем, хотя стоило бы. Людмила Владимировна, — обратился он к секретарше, нажав кнопку переговорного устройства, — приготовь нам два кофе. Я решил назначить тебя первым проректором, — без обиняков начал он. — Сергеев все хуже и хуже справляется со своей работой, а мне нужен молодой, энергичный, амбициозный помощник. Эта должность для тебя.

— Евгений Михайлович, на живое место не пойду, — заявил я.

Вопреки ожиданиям он не вспылал, как обычно бывало, когда ему перечили, а спокойно продолжил:

— Мне осталось пять лет до пенсии. Поработай со мной, пооботрешься во властных структу-

рах, подучишься — и получится из тебя приличный ректор. Ну как?

От такого неожиданного поворота событий в горле пересохло, запершило, и я закашлялся. В кабинет вошла Людмила Владимировна и поставила на стол поднос. Я схватил чашку, сделал большой глоток кофе, чтобы прекратить кашель, и спросил:

— А как же докторантура?

— Какая докторантура? — искренне удивился Евгений Михайлович.

— Как какая? Вы же обещали направить меня на три года в докторский отпуск.

— Ты же говорил, что у тебя все на мази, — так вот и защищайся. Кто тебе мешает? Время у тебя есть, не получится за три — защитишься через пять лет.

Ах, как хотелось быть ректором в сорок лет! Но еще больше не хотелось прослыть карьеристом, идущим к своей цели по головам, ведь Григорий Анатольевич Сергеев работал с ректором с первого дня и многих спас от его гнева.

— Евгений Михайлович, когда у нас родился второй ребенок, мы наконец-то получили право на кооператив, — сказал я. — Полгода назад перебрались наконец-то из коммуналки в трехкомнатную квартиру, жена не работает, и мы в долгах как в шелках. Я никогда не расплачусь, если не сделаю рывок. На трехлетний отпуск рассчитывал не столько для завершения диссертации, сколько для заработка.

Изредка я езжу по Союзу с лекциями от общества «Знание», а это большие деньги. За два года постоянных поездок я верну деньги, взятые в долг на первый взнос. Надеюсь, вы меня поймете.

— *Серьезный аргумент. И что, много ты должен?*

— *Много, но я все продумал и через два года рассчитаюсь с долгами.*

— *Честно тебе скажу: расстроил ты меня, но это убедительная причина, и я действительно обещал тебе отпуск. Что тут поделаешь — иди, готовь документы в докторантуру.*

Когда Глеб после защиты докторской диссертации вернулся в академию, Евгения Михайловича уже не было в живых.

Внук дворянина и сын репрессированного инженера-конструктора, Евгений Михайлович Приозерский был ревностным приверженцем коммунистической идеи. Сословность, с его точки зрения, дискриминировала, унижала и разрушала личность. А причиной гибели его отца стала не система, а человеческие пороки — зависть, ущербность, ненависть.

После разоблачения культа личности Сталина он стал партийным работником и, получив доступ к архивам НКВД, изучил дело отца. К своему ужасу, он обнаружил пачку доносов соседей и сотрудников, друзей и родственников, обвинявших отца в шпионаже.

Благодаря железной воле, целеустремленности и работоспособности Евгений Михайлович всегда добивался поставленной цели. Сталкиваясь с сопротивлением, признавал только одну тактику — идти напролом. Ради достижения цели мог пожертвовать хорошими отношениями. Ко всем, не исключая себя, предъявлял высокие требования. Разгильдяи и лодыри, подвергавшиеся резкой критике ректора, его люто ненавидели.

— Ваша любовь мне ни к чему, — не уставал повторять он. — Работайте хорошо, будьте порядочными людьми — вот все, что от вас требуется.

Когда в тысяча девятьсот девяносто первом году система пала, деньги стали сильнее власти, беспредел заменил закон, сила и наглость стали основными способами достижения цели.

На его глазах разрушалась великая страна, строительству которой он посвятил всю жизнь.

Начавшаяся бестолковая реформа высшей школы сводилась к бюрократизации образовательного процесса и приводила к деградации вузов. Менеджеры — бывшие торговцы женскими сапогами и колготками, не имевшие ни малейшего отношения к системе образования, — перекраивали ее на свой торговый лад.

Все эти перемены Евгений Михайлович переживал как личную трагедию, как закат гуманизма на планете. Перед ним образовалась зияющая пустота, которая затягивала его в свое черное

пространство, не стало уверенности в завтрашнем дне, надежд на будущее.

К нему — сильному, жизнелюбивому человеку — все чаще стали приходить мысли о бессмысленности дальнейшей жизни. Островком психологического комфорта оставалась семья. Жена и дети всегда и во всем поддерживали его. Но однажды, когда он в очередной раз стал рассуждать о безыдейности коммунистов, массово сдающих партийные билеты, жена в сердцах заметила:

— Так и шел бы на баррикады, раз ты такой идейный!

Эти слова, сказанные самым близким человеком, надломили его. Он ощутил боль и стыд за свои беспомощность и трусливость. Ему стало неуютно дома, и он все чаще и чаще допоздна засиживался в своем кабинете, погружаясь в депрессию.

Однажды, когда секретарша Людмила Владимировна, проработавшая с ним четверть века, постучав в дверь, приоткрыла ее и попросила разрешения уйти домой, он не ответил привычным «Да, конечно». Евгений Михайлович, не моргая, смотрел сквозь нее куда-то в пустоту, и она, немного потоптавшись на пороге, ушла, расценив его молчание как разрешение.

Уборщица долго крутилась вокруг кабинета ректора, не решаясь делать уборку в его присутствии. Лишь поздним вечером она поинтересовалась у охраны, когда собирается уходить ректор.

Дежурный позвонил в кабинет, но на звонок никто не ответил. Выждав некоторое время, все же решились войти.

Евгений Михайлович по-прежнему сидел в кресле, его некогда живые лучистые глаза холодно смотрели в пустоту. Он был мертв. Горячее сердце коммуниста не могло вынести наступления ледникового периода, безжалостно уничтожавшего его страну.

Рано утром в приемную ректора, где уже собралось немало сотрудников, вкатился круглый, как мяч, Сергей Павлович Золотов — бывший парторг академии.

— Какое горе, какое горе! — причитал он. Его маленькие добрые глазки часто моргали, по круглым румяным щечкам катились слезы.

Сергей Павлович имел репутацию человека добрейшей души, честность и искренность которого ни у кого не вызывали сомнений.

Его открытость подкупала, от него никогда и никто не ждал подвоха. Любая его оценка, любое предложение воспринимались не иначе как глас истины. К нему прислушивались, и его кандидатуру на пост ректора считали самой подходящей.

Сергея Павловича избрали единодушно и не ошиблись. На ближайшем же собрании он провозгласил:

— В ситуации, когда государство забыло о существовании высшей школы и образования в целом, я объявляю новую экономическую политику. Любая инициатива, приносящая академии доход, повышающая ее престиж, будет приветствоваться и поощряться. Шестьдесят процентов от привлеченных финансов поступят в распоряжение руководителя подразделения. Дерзайте и богатейте! Отныне ваше материальное благополучие в ваших руках.

И лед тронулся — деньги потекли рекой. Помимо платного образования и прагматичной ориентации научной работы на каждой кафедре стали появляться структуры и подструктуры, приносящие вузу доход, и открываться новые специальности, пользующиеся спросом у молодежи. До сей поры далеко не самый известный в городе вуз отметился самой высокой заработной платой среди других высших учебных заведений города.

В ситуации, когда жалование не выплачивалось месяцами и отчаявшиеся бунтари встречались у метро с вызывающей табличкой: «Помогите бедному доценту, мне три месяца не платили зарплату», когда профессора предпочитали открывать мастерские по ремонту домашней утвари, чтобы прокормить свою семью, когда вузы оказались брошенными на произвол судьбы, это было не просто спасение, это был прорыв.

Из дневника Глеба:

Студентки, влюбленные в преподавателей, — явление довольно распространенное, но студентки, демонстрирующие свою любовь посредством блистательной учебы, — это что-то оригинальное!

На первом курсе появилась девушка по имени Полина. Выступает на всех семинарах, и если кто-то оспаривает мою точку зрения, она отчаянно отстаивает ее как свою собственную.

Ну, выступает и выступает. Редко, но встречаются умницы, к тому же активные. Однако не проходит и дня, чтобы мы с ней не пересеклись. Видимо, она изучила мое расписание и, как бы случайно, с забавным потеряннным видом постоянно оказывается у моей аудитории.

Это не предвещает ничего хорошего.

Глеба, Костю и Семена многое объединяло. Все трое активно интересовались политикой, причем их взгляды были чаще всего кардинально противоположными, а потому спорили они до хрипоты, отстаивая каждый свою точку зрения. Каждый из них получал колоссальное удовольствие, приглашая друзей на премьеру спектакля или выставку. Они любили путешествовать и часто ездили отдыхать все вместе. Редкий случай — их жены подружились, и кулинарные вечера сближали их еще больше.

Все трое имели дачи. И если у Кости с Семеном были маленькие летние домики на маленьких же клочках земли, то у Глеба была не дача, а целое сельскохозяйственное угодье. Что только не росло на его огромном участке! Яблони, груши, черешня, всевозможные ягодные кусты, а вдобавок — мощное, типично южное ореховое дерево; в теплицах же зрели сладкие арбузы и дыни. Но больше всего он гордился виноградником. Его в огромной теплице было более десяти сортов. Виноградные грозди поражали своими размерами.

— Такого крупного и сладкого винограда нет даже в доме моих родителей, хотя все это родом отсюда, — хвастался Глеб.

Однако его попытки вырастить персики так и не увенчались успехом. С завидным постоянством привозил он из Крыма саженцы, но они вымерзали через два-три года.

— Уймись, — увещевала его жена, — не приживутся они в таком холоде.

— То же самое все говорили о винограде, — отвечал Глеб. — И что мы видим? Урожай такой, что девать некуда, — в пору винокурню строить.

Он вырос в собственном доме, его предки по материнской линии — понтийские греки — жили в районе Керченского пролива и занимались садоводством. Он называл себя крестьянином в этом поколении и любил землю. Именно любил. Он прикасался к ней, словно к телу любимой женщи-

ны, и она отвечала ему взаимностью, давая потрясающие урожаи.

— Никто не может притрагиваться к земле без любви к ней и страстного желания возделывать ее, — утверждал Глеб, и домочадцы охотно передали ему бразды правления. Вера, на зависть соседкам, нежилась в гамаке и лакобилась клубникой, собранной для нее мужем. А сыновья все чаще и чаще находили предлог остаться в городе, для проформы обратившись к отцу с вопросом:

— Пап, а ты на нас правда не обидишься, если мы не поедем на дачу?

— Поразительно! — как-то заметил Костя. — Мне кажется, воткни ты в землю палку — и она начнет расти.

— А мы это сейчас проверим, — оживился Глеб и, наломав веточек смородины, крыжовника, яблонь и груш, аккуратно закопал их в землю, что-то нежно нашептывая. Листья на них распустились одновременно с родительскими ветвями. Через три года он рассадил выросшие и окрепшие саженцы.

Огромный участок с трехэтажным домом достался Глебу в два раза дешевле стоимости земли. Дом, как крепость, возвышался на холме, его парадная часть смотрела на пологий спуск, уходящий в сосновый бор.

Его бывший владелец — генерал-майор, занимавшийся обеспечением продовольствием Северо-Западной группы войск, — в начале лихих

девяностых затеял строительство трех баз отдыха для военнослужащих. Готовые постройки признали непригодными для эксплуатации, и генерал выкупил их за бесценок, поселив там своих многочисленных родственников. В конце девяностых «лафа» кончилась, и против него возбудили уголовное дело, но он успел сбежать за границу. Заочно его осудили и лишили звания. Родственники в панике без лишней огласки стали распродавать недвижимость. Так пятьдесят соток земли у озера с огромным домом достались Глебу за смешные деньги.

— Это награда за все мои мытарства, — любил повторять он, переезжавший с семьей десятки раз из одной коммуналки в другую, отвоевывая у жизни сантиметры жилплощади.

Они часто собирались друг у друга на дачах, но чаще всего бывали у Глеба, где до самого Нового года из подвала извлекались огромные грозди винограда и торжественно подавались к столу.

Глеб радушно принимал гостей на «симпозиумах» — так он называл эти встречи.

— А почему симпозиум? — поинтересовался как-то Константин.

— Ты что, забыл о моих корнях? Моя мать — гречанка, а в Греции, как известно, не на пьянку приглашают, а на интеллектуальные беседы, сопровождаемые вином и изысканной закуской.

— Ну, положим, теперь у вас в Греции тоже пьянки, а не симпозиумы, — ехидно заметил Костя.

— Это они с горя от четырехсотлетнего османского владычества запили, — рассмеялся Семен.

Так с легкой руки Глеба они собирались уже много лет, наслаждаясь интеллектуальными беседами, угощая друг друга приготовленными ими же изысканными блюдами, и жизнь свою без «симпозиумов» уже не мыслили.

Из дневника Глеба:

Как?! Как я мог преступить?

Существует весьма распространенное мнение, будто научные руководители спят со своими аспирантками. Это не так. Ни один уважающий себя мужчина не позволит себе воспользоваться зависимым положением девушки. Впрочем, я знал подонков, промышлявших этим, — все как на подбор ничтожные люди. Знал и о ситуациях, когда бедные жертвы вынуждены были уходить из аспирантуры из-за домогательств руководителя. Но это редчайшие случаи. Я никогда не позволял себе такого.

До сего дня.

То, что произошло, требует самооправдания.

Я ведь ей не нужен уже как руководитель, она ни в коей мере не зависит от меня, так как уже через месяц защитит диссертацию.

Все началось в псковском ресторане, когда мы танцевали.

Лучший тест на сексуальную совместимость — танец, тем более такой, как танго. Если партнерша покорно следует каждому вашему движению, если вы с ней двигаетесь как единое целое под эту знойную, пробуждающую страсть музыку — это показатель того, что вам будет хорошо вместе. Ведь танго — это танец, имитирующий любовную игру.

А мы с ней танцевали именно танго, и она оказалась великолепной партнершей. Было от чего закружиться моей седой голове!

Но даже не это послужило поводом попроситься к ней в номер. Ведь она была так хороша в этот вечер! И зная о ее подчас чрезмерной застенчивости, мне хотелось дать ей понять, что она потрясающая женщина и способна свести с ума любого мужчину.

«Зайду в номер, обниму ее, поцелую руку и попрошаюсь, — думал я. — Достойный финал вечера. Разумно, красиво, уважительно и дальновидно. Вдруг, когда-нибудь потом, появится повод, так пусть это станет отправной точкой». Но она неожиданно перехватила инициативу, весьма искусно изобразив, что от страсти теряет сознание. Разумеется, я не мог ударить в грязь лицом.

Ну что, я оправдан? Похоже, что да.

Поздней осенью они сидели у камина, собственноручно сложенного Костей, пили ром «Мама Хуана», привезенный им из Доминиканы, и вспомина-

ли, как выживали в начале девяностых годов теперь уже прошлого века.

— Слушай, Костя, а как ты рискнул заняться бизнесом? — спросил Семен. — И почему именно хлебным?

— Ну, почему хлебным — это понятно. Хлеб едят всегда, и чем голоднее время, тем больше. По объему потребления хлеба на душу населения определяется благосостояние страны. А в девяностых, как вы помните, время было совсем голодное. Вот как выживали ваши семьи?

— Я водил экскурсии по городу и играл в холле Европейской гостиницы, — отозвался Семен. — Помню, наши студентки, промышлявшие там проституцией, пока учились, делали вид, что не узнают меня, а потом стали здороваться — сначала снисходительно, затем с презрением.

— А я, как вы помните, бомбил. Один раз чуть не убили, отбирая машину. Газовый пистолет спас, — сказал Глеб.

— Ну а мы сначала решили бройлеров разводить — надеялись разжиться на продаже курятины, — но они столько жрут, что кормов было не напастись! — усмехнулся Константин. — Приезжаю как-то на дачу, а моя бедная Аня стоит у птичьего загона и плачет. «Что случилось?» — спрашиваю. А она: «Вот, на последние талоны купила пять килограммов проса, а эти, с позволения сказать, цыплята за пять минут в драку все съели. Больше кормить нечем».

Конечно — их тридцать голов, да здоровые такие вымахали за пять месяцев! Покормили их еще пару дней рубленой крапивой и забили. Продавать было себе в убыток. Да и где, кому? Закатали в собственном соку и год питались.

Родители Ани перед смертью успели приватизировать квартиру. Мы хотели ее детям оставить, а потом на семейном совете решили продать и купить пекарню. Наняли мастера и всей семьей ему помогали выпекать хлеб. Здесь же из окна и продавали. Дело пошло. Наняли рабочих, потом запустили три смены, поднялись и купили большую квартиру в центре.

Примечательно, что мы были еще в процессе оформления и, кроме районной администрации, никто об этом не знал. Тем не менее к нам домой пришли бандиты и потребовали плату за «крышу».

— И что, вы безропотно стали платить? — возмутился Глеб.

— Послушай, ты спрашиваешь так, будто жил в это время в другой стране! Как будто не видел ежедневно пылающие ларьки. Методы, применяемые к тем, кто пытался сопротивляться, были изуверские: сначала жестоко избивали, потом жгли, затем либо насильовали кого-то из членов семьи, либо сажали на иглу, а если все это не помогало — убивали.

— А что, власти не могли справиться или была другая причина? — поинтересовался Семен.

— Во-первых, они сами были в доле: они же и наводили бандитов. Во-вторых, с запуганных людей проще брать взятки. Мы платили налоги, ровно столько же брали бандиты, и столько же уходило на взятки. Однако и это власть имущих не устраивало. Рвите меня на куски, но я не отрекись от мысли, что кризис девяносто восьмого года создали искусственно. Вспомните: страна стала подниматься, в магазинах появились товары, причем немало произведенных здесь, в России. Но для чиновника, как и для госбюджета, импортировать в десятки раз выгоднее, чем производить самим. Цены стали доступными, все определенно начали жить лучше. У людей появилось достоинство. Лично я испытывал это чувство не как профессор, а как булочник. Мебельщики, колбасники, чулочники почувствовали, что они *могут*. И власти испугались. Им нужна была толпа баранов не просто блеющих, а блеющих в одной тональности, чтобы не раздражало. Думающие инициативные люди — величайшая опасность для бюрократа! Экономически независимым и свободно мыслящим трудно навязать чужую волю, им не прикажешь, не вынудишь за продуктовый пакет голосовать за «кого надо».

Притом и весь так называемый враждебный мир был заинтересован в развитии среднего бизнеса. Сколько денег растворилось на просторах нашей необъятной родины? А я скажу: девять миллиардов, направленных американцами для недопущения

кризиса. Ведь до сих пор концов не нашли. Безусловно, влиять на пару десятков олигархов легче, чем на десятки тысяч самодостаточных производителей, смертельно опасных для чиновников.

Наступила гнетущая пауза.

— Все как-то не совсем справедливо, — прервал тишину Семен. — Посмотрите вокруг. Сколько хороших, образованных и трудолюбивых людей бьются как рыба об лед и при этом влчат жалкое существование! А рядом с ними преуспевают пустышки. Как, почему? Костя, ты у нас знаток человеческих душ и судеб. Как объяснишь эту несправедливость?

— У меня на сей счет своя теория. Все люди случайным образом рождаются в одном из двух потоков: светлом или мутном. Рожденные в светлом потоке, подчас не прилагая никаких усилий, проплывают по жизни легко, без проблем, преуспевая во всем. И даже если они заплывают в мутную заводь, их быстро выносит мощный поток. А уж если они прилагают хоть малейшее усилие, то процветают. Вся жизнь Глеба — демонстрация первой части моей теории. Теперь вторая часть. Родившиеся в мутном потоке неизбежно обречены на пребывание в зловонной массе. Но! — Константин привстал и многозначительно поднял вверх указательный палец. — В каждом, даже самом мутном потоке есть быстрая и чистая вода — место, откуда грязь устремляется к берегам и ко дну. И если человек беспрестанно работает, стремясь удержаться там,

то и он оказывается в относительно чистом потоке, то есть благополучен, успешен и счастлив. Вот я, например.

— В индуизме это объясняется кармой, заслуженной в прошлой жизни, — заметил Глеб. — Прожил жизнь праведно, как я свою прошлую, — после реинкарнации родился не гиеной, а человеком, да к тому же, по Костиной теории, — в светлом потоке. И наоборот. Замечу: карму можно в существенной степени очистить или опоганить на протяжении всей жизни, начиная с момента зачатия. Согласно канонам индуизма, зачатие новой жизни — это Санскара. И многое в судьбе человека зависит от того, в какой пространственно-временной среде оно происходит. Этот сакральный акт должен произойти в энергетически чистом пространстве и в строго определенное время, обозначенное Вселенной. В Индии время и место рассчитывают и объявляют брахманы. Кто следует их рекомендациям, тот блажен.

— Перехожу в индуизм, — мечтательно произнес Семен.

— Хочу разочаровать тебя, Сеня, — заметил Костя. — Технология наращивания крайней плоти к поцу еще не отработана. А у индусов, знаешь ли, с этим делом строго.

Все рассмеялись.

— Шутки шутками, а помните Валентину из Одессы? Ведь в какой клоаке родилась и выросла, но нашла же в себе силы выбраться!

Костю часто называли спасителем. Он никогда не ставил доек и не единожды принимал экзамены у нерадивых студентов, вызывая тем самым недовольство деканатов. Константин всегда старался помочь людям: налаживал давшие трещину взаимоотношения в семьях сотрудников, вытаскивал из, казалось бы, тупиковых ситуаций знакомых своих знакомых. И, наконец, у него всегда можно было перехватить до полочки. Словом, спасти человечество было его призванием. Но лишь друзья знали, что называть его так стали в связи с одной романтической историей.

Однажды, будучи молодым преподавателем, он, что называется, за компанию поехал на повышение квалификации в школу деловых игр. Курсы находились в Одессе, вернее — на ее окраине, где на берегу моря стоял роскошный по тем временам отель. Рядом с ним было построено несколько десятков фанерных домиков, в которых жили слушатели. Занятия были необременительными, интересными и даже полезными, но самой большой ценностью этой поездки было море. На пляже возникали оживленные дискуссии, и как-то раз разговор зашел о технологии привлечения внимания интересной женщины. Мало-помалу оптимистов оставалось все меньше и меньше, и вот настал момент, когда непоколебимым в возможности успеха оказался один Костя. И тогда кто-то заметил:

— Если ты так уверен в теории, то докажи ее на практике! Вон там, видишь, сидит девушка. Обольсти ее или хотя бы просто познакомься с ней.

И действительно, неподалеку от того места, где обычно располагалась их компания, лениво и величественно, словно львица после кровавой трапезы, возлегала девушка под единственным на всем пляже грибком. На ней был весьма откровенный белый купальник, который скорее подчеркивал, нежели скрывал все достоинства ее великолепной фигуры. Она снисходительно взирала на мужчин, которые буквально пожирали ее своими жадными взглядами, то и дело пытаясь оказать ей знаки внимания. Девушка была царственно красивой и вызывающе сексуальной.

И вот эту царицу Семирамиду — посланницу богов — предстояло обольстить Константину. Безумие! Ну что ж, была не была! В конце концов, он психолог, а она... она просто девушка. Костя встал и решительно заявил:

— Ну что ж, смотрите и учитесь!

На его счастье, в этот момент девушка достала сигарету и зажигалку и собралась закурить. Но ей это не удалось: по какой-то причине зажигалка не срабатывала. После нескольких не увенчавшихся успехом попыток девушка с досадой отбросила ее в сторону и обратилась за помощью к проходящему мимо мужчине. Но тот только развел руками. Девушка начала озираться по сторонам, надеясь

найти курящего человека и с его помощью разрешить свою проблему. Увидев это, Костя схватил лежащие в куче сигарет спички, подошел к ней и, дав прикурить, как бы между прочим заметил:

— Такая девушка, как вы, не может, просто не имеет права просить! Вы созданы для того, чтобы мужчины выстраивались в очередь, наперебой предлагая вам свои услуги.

— Это как? — заинтересовалась она.

— Очень просто. Вы вообще не должны были закуривать. Вы должны были достать сигарету и просто держать ее в руке, сидя с отрешенным видом, — и уже через минуту здесь бы образовалась очередь из желающих вам угодить!

— Вы так думаете? — с сомнением в голосе спросила она.

— Не просто думаю, я в этом уверен и готов доказать вам, что так оно и есть. Правда, сию минуту это не сработает, потому что действие с моим участием уже отложилось в зрительной памяти окружающих и в данной сцене они себя не увидели, а потому, согласно стереотипу, будут ждать участия других. Но когда через час-другой или, скажем, завтра мизансцена изменится, можем провести эксперимент. Вы будете здесь завтра?

— Да, я уезжаю через четыре дня, — ответила она.

— Ну, вот и славно! Завтра, если не возражаете, проверим силу вашего магнетизма. Кстати, как

вас зовут? Экспериментаторы обычно обращаются друг к другу по имени.

— Инесса, — ответила она. — Ой, нет, Валя.

— Так Валя или Инесса?

— Валя, Валентина. А Инесса — это я так иногда представляюсь шутки ради.

Когда на следующий день Костя пришел на пляж, Валя уже была там. Он подошел к ней, поздоровался, сел рядом, многозначительно взял ее ладонь и, положив в свою, сказал:

— Сейчас я отойду, а вы минут через пятнадцать-двадцать возьмете сигарету и с задумчивым видом будете смотреть вдаль. Только умоляю вас: не обращайтесь ни к кому с просьбой дать прикурить. Уверяю: ждать придется совсем недолго.

Эксперимент прошел на ура. Сразу трое мужчин кинулись к девушке и защелкали перед ней зажигалками.

Некоторое время спустя Костя подошел к ней, и она с удивлением спросила:

— Как тебе это удалось?

— Вовсе не мне — это тебе удалось. Это ты — та, которую, возможно, в себе и не подозревала.

Они легко перешли на «ты», словно были давно знакомы. Весь остаток дня молодые люди провели вместе. Купались, ужинали в шашлычной, и он рассказывал ей о писателях и поэтах, некогда бывавших в этих местах, об индуизме и биоэнергетической сущности всего живого, читал стихи, а она

с наивным детским восторгом все повторяла: «Какой ты умный!»

Костя проводил девушку до гостиницы, и они уже стали прощаться, как вдруг она попросила:

— Не мог бы ты завтра прийти пораньше? Я ведь через три дня уезжаю, а мне так много надо рассказать тебе...

Когда утром, сбежав с занятий, Костя пришел на пляж, Валентина уже сидела под грибком. Увидев его, она вскочила, подбежала к нему, уткнулась в плечо и прошептала чуть слышно:

— Я здесь с раннего утра, всю ночь не спала, ждала встречи с тобой!

Костя опешил. Такого поворота событий он не ожидал.

— Ты знаешь, со мной никто никогда в жизни не разговаривал так, как ты. Мне так легко и светло с тобой, будто я до тебя и не жила вовсе, будто я совсем другая. А какая именно — может быть, ты мне расскажешь?

И она поведала трагическую историю своей жизни.

Валя родилась на Украине, в маленьком городке. Ее отец был горьким пьяницей и, напившись, зверски избивал их с матерью. Когда она училась в первом классе, мать, не выдержав издевательств и бесконечных побоев, как-то ночью собрала вещи, и они уехали к родственникам в Днепропетровск. Там женщина вскоре познакомилась с мужчиной, ко-

торый показался ей веселым и ласковым. Он предложил ей с дочерью переехать к нему, и, поскольку у нее было ни жилья, ни средств к существованию, Валина мать, недолго думая, согласилась. Это было роковое для Вали решение. Мужчина оказался педофилом — он сразу стал приставать к девочке, а затем изнасиловал ее и продолжал это делать постоянно на протяжении многих лет с молчаливого попустительства матери, которая делала вид, что ничего не замечает.

Когда Валя собиралась на выпускной вечер, отчим, не в силах совладать с похотью, разорвал на ней нарядное платье, схватил за волосы и, поставив перед собой на колени, принудил заняться оральным сексом, приговаривая:

— Теперь ты взрослая, теперь тебе все можно.

Мать, которая тоже собиралась пойти с дочерью на выпускной, сначала молча наблюдала за этой сценой, а потом так же молча взяла топор и зарубила насильника. Ее посадили. На суде, где народу было не меньше, чем на концерте заезжей звезды, женщину без конца спрашивали:

— А когда это началось? А как часто это происходило? А почему вы не обращались в милицию?

После случившегося в Днепропетровске оставаться было невозможно, и Валя уехала в Киев, где прямо на вокзале ее вычислил сутенер. С ее данными она скоро стала дорогой валютной проституткой.

— Мне двадцать два года, у меня куча денег, шикарная квартира, уймаща клиентов и ни одной родной души — профессия не позволяет, — горько усмехнулась Валентина. — Знаешь, ты первый человек, которому я решилась рассказать свою историю. Ты дал мне понять, что я заслуживаю большего, и знаешь — я тебе верю. Один умный человек сказал: «Никогда не поздно начать жизнь сначала, даже за день до смерти». Для меня этот день настал, и не потому, что ты мне что-то открыл, нет, ты подошел ко мне, улыбнулся и сказал: «Ты другая». И я поняла, что родилась вновь здесь, теперь, рядом с тобой и, может быть, от тебя. Да-да — от тебя. Ты — мой спаситель!

В день отъезда Валентина попросила проводить ее. Едва они вошли к ней в номер, она обняла его и стала нежно целовать в глаза, губы, шею. Он знал много женщин, но таких горячих губ не встречал никогда.

Они сплелись в объятиях и растворились в nirване. Он слышал ласковый шелест листьев, пение райских птиц и журчанье родника.

— У нас еще есть время — давай посидим в кафе, — сказала Валентина, когда они спустились вниз.

Сев за столик и заказав шампанское и фрукты, они сидели молча, глядя в глаза друг другу. Им было хорошо вместе, но оба понимали, что расстаются они навсегда и вряд ли когда-нибудь встре-

тятся. И от этого обоим было грустно, но грусть эта была легкой и светлой.

— Мне пора, — нарушила она молчание. — Нет-нет, пожалуйста, не вставай, я не хочу с тобой прощаться, я хочу навсегда остаться с тобой здесь. И там, в номере, — полушепотом добавила она. — Сейчас придет такси, и я поеду сама.

С этими словами она подошла к Константину, наклонилась и поцеловала на прощание. Капля слезы, такая же горячая, как ее губы, упала ему на щеку.

Через много лет в университет на его имя пришло письмо:

«Милый, нежный, дорогой мой СПАСИТЕЛЬ, когда мы не расстались с тобой, я ведь не расстаюсь с тобой ни на минуту, я сделала все так, как ты велел.

Поступила в университет на подготовительные курсы и буквально вырвалась из прошлой жизни. Даже не предполагала, что это будет так нелегко. Мне было невдомек, что вокруг меня кормилось столько людей и все они что-то потеряли. Меня просили, мне угрожали, меня избивали, поджигали квартиру, но я выстояла.

Я так боялась не поступить в университет и тем самым, как мне казалось, подвести... нет, предать тебя, что занималась днем и ночью,

поэтому не исполнила другого твоего предписания — не устроилась на работу. Благо мое жалкое существование в детстве и страх перед нищетой научили откладывать деньги на черный день. Спасительный инстинкт самосохранения! И вот они очень даже пригодились. На курсах я завела друзей, которые, к моему стыду и восхищению одновременно, открыли для меня Киев с его древней историей и культурой. Я изо всех сил старалась понравиться тебе и каждый день открывала для себя что-то новое.

На вступительных экзаменах я блистала, пересыпая, как ты меня учил, свои ответы информацией из истории, искусства и литературы. По всем предметам получила пятерки и поступила в университет на факультет социологии. Учиться было на удивление легко. Так легко, что, извини за нескромность, меня уже на первом курсе представили к повышенной стипендии. Потом я написала тебе очередное письмо, в котором, следуя твоим наставлениям, оценила свой успех, закрепила шаги успеха в своем сознании, проанализировала ошибки, наметила способы их устранения и, еще раз насладилась своей положительной самооценкой.

Если честно, мне долго не удавалось работать над собой так, как ты учил. «А зачем? Хвастовство все это», — думала я, но все же не могла тебе отказать и вот придумала рассказывать все это в письмах. И — о чудо! Поскольку мне бесконечно хотелось с тобой общаться, я ждала повода, чтобы

написать о своих успехах и победах. И тогда приходилось их добиваться, чтобы иметь право обратиться к тебе. Нет-нет, не ищи их в своем почтовом ящике, я их никогда не отправляла.

Но все рухнуло в одночасье. Поступив в университет, я решила ни с кем не вступать в близкие отношения до его окончания. Разумеется, я дружила со многими ребятами, но если кто-то пытался сблизиться со мной, деликатно объясняла, что у меня есть молодой человек, который служит в армии. К этому относились уважительно до тех пор, пока один назойливый ухажер каким-то образом не узнал о моем прошлом. Он предъявил ультиматум: либо я его обслуживаю где и когда ему угодно, либо он всем расскажет, что я была проституткой. И поскольку я его решительно и далеко послала, этот «страстно влюбленный» выполнил свою угрозу. Однокурсницы объявили мне бойкот, гнусные предложения сыпались со всех сторон, мне без конца подсовывали в сумку скабрзные записки. И когда одна преподавательница при всех заявила, что она отказывается принимать экзамен, как она выразилась, «у путаны», мне стало так нестерпимо больно, что я решила покончить с собой. Вернувшись домой, без колебаний привязала к люстре веревку, проверила ее на прочность, сунула голову в петлю и оттолкнула стул.

Крюк не выдержал, и вместе с люстрой я грохнулась на пол. Показалось, что какое-то время, доли

секунды, меня не было на этом свете, но не было и на том. А там была холодная немая пустота. И тогда я здорово на себя разозлилась: разве для того у меня не было детства, разве для того я терпела столько унижений, разве для того я встретила тебя и предприняла невероятные усилия для собственного перерождения, чтобы так легко сдаться из-за каких-то жалких подонков? Нет, ни за что! Им меня не сломить, я добьюсь своей цели и проживу свою жизнь так, как я этого хочу. Я выстою, и никакая мразь не толкнет меня вниз, в прошлое.

Я переехала в Харьков и перевелась в местный университет. По его окончании меня оставляли в аспирантуре, но я решила больше не испытывать судьбу и уехать как можно дальше. Так я оказалась в Новосибирске. Работаю здесь в НИИ социологом, защитилась, заведую сектором. Вышла замуж за хорошего, надежного человека. Он значительно старше меня, известный ученый, физик-ядерщик. У нас растет сын Костя, ему уже 5 лет. Я очень хочу, чтобы он был похож на тебя, и каждый вечер рассказываю ему сказку о том, как одна бедная девочка попала в беду, а добрый и смелый мальчик спас ее. В последнее время вторую часть сказки он придумывает сам.

В прошлом месяце я была на конференции в Петербурге, выступала там с докладом. Похоже, вполне успешно. Жаль, что ты его не слышал, — думаю, ты бы гордился мной.

Была у тебя на работе, даже узнала твой адрес и телефон, но все же не решилась встретиться с тобой. Нет-нет, я жадно и даже страстно этого хочу, но боюсь, что, если мы встретимся, снова влюблюсь в тебя, и это будет любовь уже другой, чистой женщины, которая не сможет позволить себе любить сразу двух мужчин, и тогда мне придется уйти от достойного человека — моего мужа. Я никогда не рассказывала мужу о своей прошлой жизни, да и для меня ее теперь не существует. Моя жизнь началась после встречи с тобой. ТЫ мой СПАСИТЕЛЬ!

P.S. На конверте нет обратного адреса. Думаю, так будет лучше.

Спасенная тобой Валентина.

Волонтеры — славные наивные ребята, беззащитно используемые бессовестными политиками для выживания интеллекта из разрушающейся страны, — съезжались в Россию со всего мира, чтобы помочь освободившимся от «коммунистической тирании» русским вдохнуть воздух свободы. В академии, которая к этому времени получила статус университета, появились посланцы чуть ли не всего «свободного мира». Часто на собственные сбережения, совершенно бескорыстно они приезжали в Россию, чтобы зажечь там светоч знания, и уезжали раздосадованные тем, что учить-то им «невежественных русских» было нечему. Но большой прок

от этих рейдов заключался в том, что наши преподаватели сближались с ними, и, тронутые русской добротой и гостеприимством, волонтеры разыскивали гранты, на которые приглашали российских ученых для сотрудничества. По одному из них Глеб получил возможность два года заниматься научной работой в Библиотеке Конгресса США.

Из дневника Глеба:

Вернувшись из Америки, я обнаружил на кафедре новую сотрудницу. Таких женщин обычно называют роковыми. Потрясающе красивая, с походкой и взглядом хищного животного, она вызывает одновременно желание и страх. От нее исходит необъяснимое, но вполне осязаемое чувство опасности. При этом ее лицо совершенно не обезображено интеллектом. Когда речь заходит о литературе, она явно теряет себя и чувствует себя не в своей тарелке. Интересно, что она здесь делает? Какая нечистая сила занесла ее на кафедру? Я спросил у милейшей Ольги Владимировны, откуда взялось это чудо природы, и она поведала мне, что красавицу привел сам ректор (как гласит молва, по просьбе весьма высокопоставленного чиновника), зовут ее Дина Петровна, ей тридцать четыре года, она специализируется на русской поэзии и два года назад защитила докторскую диссертацию. Ну и дела... Было совершенно очевидно, что эта особа имеет к русской литературе такое же

отношение, как я к отряду космонавтов. Интересно: каким образом ей удалось получить докторскую степень? Ну уж явно не трудами праведными...

На днях Дина Петровна обратилась ко мне с весьма необычной просьбой:

— Не так давно я овдовела, — начала она, стараясь придать своему красивому лицу скорбное выражение. — От покойного супруга мне досталось неплохое наследство. Но в последнее время я стеснена в средствах и приходится кое-что продавать. У меня очень много книг, только я не знаю, представляют ли они хоть какую-то ценность. Не окажете ли вы, Глеб Владимирович, любезность и не просветите ли меня на предмет того, что можно продавать, а что — категорически нет? К сожалению, я не слишком в этом разбираюсь.

Честно говоря, просьба показалась мне странной и не слишком убедительной. Интересно, что ей от меня нужно на самом деле? Конечно, мне, как филологу, было любопытно взглянуть на это книжное изобилие, хотя, честно говоря, я не рассчитывал найти в этой семейной библиотеке что-то из ряда вон выходящее. К тому же я никогда не умел отказывать женщинам, да и все запланированные на этот день дела я уже переделал.

— Ну что ж, — ответил я. — На сегодня я свободен. Мы могли бы поехать прямо сейчас?

— Конечно, — обрадовалась Дина Петровна. — Да вы не беспокойтесь, это совсем недалеко,

к тому же я на машине. Если хотите, я отвезу вас потом домой.

— Нет, спасибо, я уж как-нибудь сам.

— Ну, как вам будет угодно.

Если бы я знал, чем для меня закончится этот визит...

Огромная квартира оказалась набита антиквариатом. Видимо, покойный муж Дины Петровны был подлинным ценителем прекрасного и далеко не бедным человеком.

— Вы пока посмотрите книги в этих шкафах, а я тем временем сварю кофе.

Роскошные издания русских и зарубежных писателей, красочно иллюстрированные альбомы... Каждая книга — раритет, достойный представления на самой престижной книжной выставке. Глеб рассматривал описание коронации Екатерины II, когда Дина Петровна впорхнула в комнату с массивным серебряным подносом в руках. В домашнем полупрозрачном платье, с распущенными волосами, она выглядела совсем юной и невинной и в то же время невероятно соблазнительной.

— Ну, что скажете: чем можно поступиться? Вы будете кофе с коньяком или с бальзамом? Лично я предпочитаю коньяк сам по себе, — заявила она и рассмеялась.

Ее грудной смех звучал так зазывно и многообещающе, что у Глеба не осталось никаких сомнений, зачем именно его сюда пригласили. Его заманили, как подростка пубертатного периода, в полной уверенности, что он попадет в силочок обольщения. И Глеб не смог противостоять этой агрессивной сексуальности и принял правила игры.

С тех пор Дина регулярно и под разными предложениями приглашала его к себе и каждый раз разыгрывала сцену обольщения невинной девушки, где она исполняла роль жертвы, робкой и стыдливой. Глебу нравилась эта игра, она невероятно возбуждала его. Каждое свидание с Диной дарило ему новые ощущения, с ней все всегда было как будто впервые. Он понимал, что впадает в сексуальную зависимость от нее. Эта связь угнетала и истощала его. Дина, похоже, вовсе не собиралась скрывать от коллег их отношения, а напротив, всячески их демонстрировала. Он начал понимать, что эта женщина способна вывернуть всю его жизнь наизнанку. С грохотом, с истериками, со скандалами.

И кто знает, чем бы все закончилось, если бы не трагическая гибель Дины.

Университет процветал. Многие, почувствовав вкус легких денег, пустились во все тяжкие. Жажда наживы затягивала. Алчность, ненасытность,

корыстолюбие и скупость — эти верные спутники сребролюбия — стали разъедать души слабых людей.

Как-то в кабинет ректора зашел проректор по административно-хозяйственной части. Закрыв дверь на ключ, он с заговорщицким видом подошел к столу и выложил из портфеля большой сверток и бутылку коньяка.

— Закуска не жирная? — поинтересовался удивленный такой фамильярностью Сергей Павлович, указывая на пакет. — А то потом не дай бог на деловых бумагах пятна появятся.

— Еще какая жирная! — многозначительно улыбаясь, ответил Валерий Иванович.

Он развернул пакет, и ректор обомлел: там оказалось несколько толстых пачек с пятитысячными купюрами.

— Что это? — в полном недоумении спросил Сергей Павлович.

— Деньги.

— Я вижу, что деньги. Откуда?

— Это нам реставраторы по окончании работ в знак благодарности оставили.

— Какие реставраторы, какая благодарность?! — возмутился Сергей Павлович. — Это провокация, сейчас сюда войдут обэповцы и арестуют нас за взятку, уберите все сейчас же!

— Не арестуют. Я их две недели дома держал — сам боялся, что придут. Но теперь уж точно знаю,

что нет: реставраторы уже приступили к работам на новом объекте.

— А как они справились с нашим объектом? — рассеянно спросил Сергей Павлович, продолжая как замороженный смотреть на купюры и подсознательно желавший уйти от неожиданно возникшего денежного вопроса.

— Отлично! Все пять актов надзирающих организаций с положительной оценкой.

— Вот и славно, а деньги уберите.

— Куда? — искренне недоумевая, спросил Валерий Иванович.

— Куда хотите, главное — с глаз моих долой.

— Не понесу же я их обратно, да и реставраторы не остались в накладе. У них мастера-позолотчики получают в три раза больше, чем вы.

— Как это?

— А вот так. Вы что, не помните, во что нам реставрация обошлась? Деньги сумасшедшие заплатили! А это их благодарность.

Наступила томительная пауза.

— Голова кругом идет, давай наливай, — нарушил гнетущую тишину Сергей Павлович. — И сколько здесь?

— Пять процентов от совокупной оплаты.

— Можешь просто назвать сумму? Мне сейчас не до подсчетов.

— Двенадцать миллионов.

— Да нас же посадят! — побагровел Сергей Павлович.

— Не посадят, потому что этих денег как бы не существует. Документы в полном порядке, отчетность копейка в копейку. Я могу их все вам отдать.

— Нет уж, давай пополам. Ты ведь мог промолчать и оставить все себе.

— Мог бы, но это было бы неправильно.

Валерий Иванович откупорил бутылку, разлил коньяк по стаканам и провозгласил тост:

— За успех предприятия! — И, не чокаясь, выпил его залпом.

Из дневника Глеба:

На кафедре вернулась загадочно исчезнувшая умница Полина. Все эти годы я почему-то чувствовал себя перед ней виноватым — мне казалось, что я чем-то ее обидел.

Она и раньше была весьма привлекательной особой, а сейчас расцвела и стала просто неотразимой. Замужество и рождение ребенка явно пошли ей на пользу.

Студентки подражают ей во всем. Преподавателей, похоже, начинает раздражать их бесконечное «а Полина Георгиевна сказала...».

На литературных вечерах мужчины наперебой стараются привлечь ее внимание, подчас теряя чувство меры.

Ну прямо всенародная любовь какая-то!

А мое отношение к ней?

Это любовь?

Это внимание?

Это забота?

Что это?

Мужское тщеславие вроде удовлетворено. Она не вызывает страсть, но притягивает к себе.

В чем же ее сила?

Настало время очередной аккредитации университета. Реформа высшей школы, осуществляемая менеджерами, отличившимися в успешной продаже сапог и колготок, тем временем набирала силу. К бесконечной череде ненужных бумажек, исчисляемых тысячами, прибавилось тестирование студентов.

Наряду с вопросами типа: «Какого цвета платье было на Наташе Ростовской, когда она пришла на свой первый бал?», призванными определять степень компетентности студентов, тесты изобиловали вопросами, правильные ответы на которые содержались в трех из пяти предложенных вариантов.

Тестирование было задумано так, чтобы даже самый успешный студент непременно провалился. Его коварство заключалось в двух моментах.

Во-первых, на пробном тестировании студентам предлагались примитивные задания, что расслабляло их и давало ложное представление о простоте

теста. Ну а затем они сталкивались с вопросами, ответов на которые у науки нет, а если и есть, то они весьма и весьма приблизительные. Особенно по «Концепциям современного естествознания». Дисциплина входила в учебные планы всех профилей и поэтому была неотъемлемой частью тестирования студентов.

Во-вторых, можно было ответить правильно на восемьдесят процентов задания и все равно не пройти тестирование, так как в каждой группе был ключевой вопрос, неправильный ответ на который перечеркивал девять правильных на предыдущие.

В результате после тестирования студенты выходили из аудитории, свято уверенные, что благополучно прошли тест, дав шестьдесят или более процентов правильных ответов. И каковы же были их разочарование и недоумение, когда они узнавали, что провалили его!

Чтобы успешно пройти тестирование и гарантированно дать девяносто-сто процентов правильных ответов, за спиной каждого студента должен был стоять профессор и подсказывать верные решения, что, безусловно, не допускалось.

Один за другим тестирование проваливали самые элитные вузы. Выход был один: изолировать представителя министерства на время его проведения.

Обычно в университет в качестве председателя аккредитационной комиссии приезжала милая,

доброжелательная и авторитетная дама, хорошо знавшая все сильные и слабые стороны вуза. Члены комиссии не столько проверяли, сколько помогали, указывая на огрехи и ошибки. В результате работа вуза после проверки совершенствовалась с учетом новаций, появившихся в системе образования.

В этот раз с председателем комиссии приехал молодой человек лет двадцати шести-двадцати восьми, который должен был следить за ходом тестирования.

Щупленький, с бегающими глазами и беспокойными ручонками, он с порога объявил:

— Я внимательно изучил результаты вашего предварительного тестирования. У вас очень плохие результаты.

— Как это плохие? — удивился проректор по учебной работе. — У нас средний балл семьдесят восемь процентов — вы нас явно с кем-то путаете.

— Не все так просто, — уклончиво ответил молодой человек и начал с деловым видом перебирать бумажки в портфеле.

Напуганный паникой, возникшей в вузах, где инновационное тестирование привело к печальным последствиям, проректор отвел председателя в сторону и растерянно спросил:

— Лариса Петровна, что нам делать?

— Мне противно об этом говорить, но тестирование проходят лишь те вузы, которые дают взятки этим ушлым молодцам.

— Дожили, — обреченно вздохнул Юрий Николаевич.

— Я жду не дождусь пенсии, чтобы уйти из министерства. Без слез на эту реформу смотреть невозможно! У меня складывается впечатление, что высшая школа разрушается намеренно.

Юрий Николаевич пригласил Глеба в свой кабинет, долго мялся, хотя слыл честным и прямым человеком, невнятно говорил ни о чем. А потом вдруг выпалил:

— Да что я, как двоечник, мямлю! Глеб, надо дать взятку этому молодчику, который будет проводить тестирование.

— А я здесь при чем?

— Еще как при чем! Мне с таким щекотливым вопросом не к кому больше обратиться, а у тебя точно получится.

— А у тебя что, не получится? — не без сарказма спросил Глеб.

— Я его не знаю и не знаю, сколько нужно дать. А вдруг ему покажется мало? Мы же не знаем их аппетитов. И тогда он обвинит меня в даче взятки. А это скандал — я ведь должностное лицо, обеспечивающее аккредитацию. А ты, как рядовой сотрудник, во время тестирования повезешь его в какой-нибудь пригородный музей, для гарантии — подальше, чтобы он не смог неожиданно

вернуться, и там всучишь ему конверт с деньгами. Если он согласится поехать, уже будет понятно, что возьмет. Если нет, то пиши пропало. Но думаю, что поедет, я навел справки: несмотря на молодость, на нем клейма негде ставить. Ведь чувствовал, что все в этот раз будет не по-людски, совсем уж было собрался уходить, да здесь Сергей Павлович: «Значит, как крыса, бежишь с тонущего корабля? Столько лет вместе, а тут на тебе! Нет уж, друг любезный, напрягись. Проведешь аккредитацию, а потом — на все четыре стороны». Вот я к тебе и обращаюсь: выручай, Глеб, позарез надо.

— «Надо» — это, конечно, аргумент, — ухмыльнулся Глеб и взял пухлый конверт.

На следующий день Юрий Николаевич подвел инспектирующее лицо к Глебу и сказал:

— Позвольте вам представить Глеба Владимировича, нашего сотрудника. Он отвезет вас в Пушкин, один из красивейших наших пригородов. Глеб Владимирович — большой знаток дворцово-парковых ансамблей. Надеюсь, вы останетесь довольны поездкой.

Молодой человек испытующе посмотрел на Юрия Николаевича, и тот в ответ убедительно закивал. Молча вышли на улицу, молча сели в машину, и лишь при пересечении Невского проспекта Глеб нарушил гнетущую тишину:

— Вы бывали раньше в Петербурге?

— И не раз, — коротко ответило инспектирующее лицо.

«Ну и слава богу, — подумал Глеб Владимирович, — не буду обременять себя исполнением роли экскурсовода». И тут же поймал себя на мысли, что впервые в жизни не рассказывает взахлеб попутчику о своем любимом городе.

— А что мы так долго едем? — раздраженно бросил инспектирующий. Его худенькое лицо натянулось, и желваки забегали по щекам.

— Да я бы не сказал — нормально едем и, заметьте, без пробок.

Глеб испытывал злорадное удовольствие от его раздражения, но нажал на газ, вспомнив фразу Юрия Николаевича: «А вдруг ему покажется мало?»

В Екатерининском дворце их уже ждали. Экскурсию проводили для них двоих. Молодой человек то и дело нервно поглядывал на часы, рассеянно глядя по сторонам. Пожилую чопорную даму-экскурсовода это явно раздражало, но, найдя в лице Глеба благодарного слушателя, она перестала обращать на инспектирующего какое-либо внимание.

Экскурсия подошла к концу, а Глеб все еще не придумал, каким образом всучить этот проклятый конверт.

Направились в гардероб. Физиономия инспектирующего напряглась и побелела, руки задрожали, он вытянулся и почти провизжал:

— И это все?!

— Да, все, — в недоумении ответил Глеб Владимирович.

— Не пропустите магазин сувениров, приобретайте на память иллюстрированные альбомы, — услышал Глеб Владимирович и механически направился в ларек. Купив альбом и вложив в него конверт с деньгами, он отдал его инспектирующему лицу, небрежно бросив:

— Вот, на память.

Тот тут же, не стесняясь, открыл альбом, достал конверт, судорожно заперевирал там пальчиками и наконец расплылся в довольной улыбке. Он как-то сразу обмяк, щупленькие плечики расслабились и округлились.

— Слава богу, — облегченно вздохнул Глеб.

— Вы что-то сказали?

— Я говорю, нам пора возвращаться.

— Да-да, конечно, — закивал молодой человек, настроение которого явно значительно улучшилось.

Семен пригласил друзей на праздник Пурим. Это торжество в честь библейской героини Эсфирь, спасшей еврейский народ от истребления в Персидском царстве, жена Семена, ее тезка, воспринимала как личное событие. Она очень трепетно относилась к этому празднику. Обязанность правоверных евреев — отмечать Пурим, соблюдая

семь заповедей. Одна из них — веселый пир. И в его приготовлении Эсфири не было равных. Все знали, что в гости к Семену надо приходиться голодным. Его миниатюрная жена была отменной кулинаркой.

— Готовит она так же виртуозно, как играет на скрипке, — любил повторять Семен. Эсфирь только мило улыбалась и щедро наполняла тарелки гостей.

Она работала в оркестре театра оперы и балета и в молодости была первой скрипкой, но, по ее же собственному признанию, если бы не суровый отец, настаивавший на ее музыкальной карьере, непременно стала бы поваром. Готовить ее научила бабушка. Она же, дочь раввина, внушила внучке уважение к еврейским праздникам, и близкие друзья из года в год собирались в их доме, чтобы отметить очередной из них.

Застолье непременно сопровождалось домашним концертом. Семен с Эсфирью музицировали порознь и дуэтом, дочери пели, к ним присоединялись гости. В этот раз дебютировал маленький Исаченок. Облаченный в костюм персидского царя Ахашвероша, он старательно исполнил на фортепиано полонез Огинского.

Все наперебой стали хвалить мальчика. Его распирало от счастья, длинные ресницы над огромными глазами, словно бабочки, порхали вверх-вниз.

— Берта, приготовь нам, пожалуйста, мороженое, — попросил Семен дочь. — И пусть Исаак

тебе поможет. — Ему уже почти десять лет, а он такой разгильдяй и лодырь, каких мало, — с горечью сказал он, когда дочь и внук вышли из комнаты. — Костя, я давно хотел обратиться к тебе за помощью. Понаблюдай, пожалуйста, за ним, пообщайся... Может, потом подскажешь, что с ним делать. Боюсь, пропадет — не в нашу породу пошел.

— Хватит наговаривать на своего внука — прекрасный мальчик! — перебил его Глеб. — Лучше послушай мою историю. Наш младший, в отличие от старшего — отличника с примерным поведением, — с первого класса был жалким троечником и хулиганом. И вот однажды к Вере заехал сотрудник, причем не один. На руках он нес четырнадцатилетнего сына Юру, перекореженного церебральным параличом. Вера попросила меня заняться ребенком, пока они обсуждали свои дела. Мальчик обладал сохранным интеллектом и проявлял потрясающую осведомленность во всех вопросах, которые затрагивались в разговоре. Я позвал своего Сашу, который был его ровесником, и через некоторое время оставил их вдвоем. Минут через пятнадцать из комнаты, где они находились, раздались звуки скрипки.

«Не самый подходящий случай выпендриваться, особенно при его-то способностях, — подумал я. — Ну да ладно, все равно его надолго не хватит». Я ошибался — Саша играл около часа.

Когда коллега Веры собрался уходить, мы вошли в комнату и увидели, что оба подростка плачут:

Юра — на диване, а Сашка — играя на скрипке. При виде этой сцены мы, трое взрослых, замерли. Мне стало мучительно стыдно, что я, отец, даже не предполагал в своем сыне такой способности к состраданию и сопереживанию.

Когда гости ушли, я сказал ему:

— Саша, за твое отношение к произошедшему — именно за отношение — я прощаю все прегрешения, которые ты совершил, и те, которые совершишь, потому что я виноват перед тобой больше, чем ты передо мной. Я, твой отец, занудствовал по поводу ничтожных негативных поступков и не видел твоего доброго сердца.

Какое-то время мы молча постояли и разошлись, улыбнувшись друг другу по-мужски доверительно.

Зачем я рассказываю вам об этом? Не ради идиллической картины и даже не ради того, чтобы продемонстрировать свою мудрость, — покрасовался Глеб, — а ради того, чтобы поведать о метаморфозе, произошедшей после того случая с Сашкой. Он вдруг в одночасье из хулигана превратился в примерного подростка, из троечника — в пятерочника и физико-математическую школу с английским уклоном окончил почти на «отлично».

— Макаренко называет это методом взрыва, — авторитетно заявил Костя. — Это когда в результате психологического потрясения происходит переоценка ценностей и меняется жизненная программа.

— Так вот, никогда никакому Макаренко я бы не поверил, если бы это не произошло на моих глазах. На днях Сашка заезжал к нам. Я у него спрашиваю: «Послушай, что тогда с тобой произошло? Тебя как будто подменили». — «Ты знаешь, — ответил он, — мне вдруг стало безумно за себя стыдно. Когда вы оставили меня с тем мальчиком-инвалидом, я страшно разозлился на вас с мамой. Не зная, о чем с ним говорить, я спросил, какую музыку он предпочитает? Он ответил, что любит скрипичную, потому что когда он ее слушает, боль, которая его постоянно мучает, стихает. Я взял скрипку и начал играть. Я ведь, как ты, наверное, помнишь, ничего особенного исполнить не мог, разве что пару-тройку простеньких пьесок. Но тогда со мной случилось нечто такое, чему я до сих пор не могу найти объяснения. В какой-то момент мне показалось, что это вовсе не я вожу смычком, а кто-то другой, более талантливый и искусный, делает это за меня. Да-да, не смейся. Так хорошо я не играл ни до, ни после этого случая! Самое удивительное, что я никогда не разучивал ту мелодию, которую исполнял, но она показалась мне прекрасной... Так вот, играл и думал: «Как несправедливо! Он такой умный, такой славный и вынужден жить, корчась в муках. А я, кому все дано и природой, и родителями, растрачиваю свою жизнь впустую!» И тогда я твердо решил, что отныне все будет иначе. Хватит валять дурака — пора браться за ум! Ведь мне надо так

много успеть сделать в жизни — и за себя, и за этого мальчика. Никому не хотел говорить об этом, но тебе, думаю, можно: я каждый год перечисляю одну месячную зарплату в Павловский детский дом инвалидов. Так меня потряс тот случай».

«Я горжусь тобой, сынок», — сказал я Сашке, а он мне в ответ: «Ты должен гордиться собой и мамой. Ну и еще немного Мишкой. Вы мне нотации читали, а он, для усиления воспитательного эффекта, бил, и это меня, пожалуй, куда больше удерживало от всякого рода проступков».

Нечто подобное, Сеня, ждет и тебя. Не может славный мальчик из прекрасной семьи, да еще и играющий на фортепиано, быть, как ты выразился, разгильдяем и лодырем. Просто ты его к труду почаще приобщай. А для убедительности я процитирую тебе живого классика Константина: «Творческое развитие личности в одном виде деятельности экстраполируется на все другие виды жизнедеятельности». Все с твоим внуком будет хорошо. Правильно я тебя, Костя, интерпретирую?

Костя многозначительно похлопал в ладоши, и все рассмеялись.

— Правильно, да не совсем, — ответил он. — Дети, безусловно, должны работать, причем чем раньше они начнут это делать, тем лучше, желательно с трех лет. Но и здесь есть свои подводные камни. Помнится, в начале девяностых мы в своем доме организовали мини-бизнес. Аня получала

на складе мешки с деталями, вечером мы собирали из них ручки, а утром она их сдавала, и вырученных денег как раз хватало на хлеб. Так вот, чтобы ускорить процесс, мы организовали конвейер, и каждый, включая Колю, которому тогда было четыре года, выполнял одну операцию. На него приходилась последняя: надеть наконечник и вдавить его в корпус. Операция, как и все остальные, несложная, но нудная. Работали мы по полтора-два часа. И все бы ничего, но когда Коля пошел в школу, он стал постоянно ломать ручки, иногда по две в день, причем ломает неосознанно и сейчас. Никто не мог объяснить причину такого, мягко говоря, странного поведения. И только недавно, посмотрев какой-то научно-популярный фильм, наша старшая дочь поняла, в чем было дело. Оказывается, всякий раз, когда надо было собирать ручки, бедный ребенок упирался, а Наташка, ничего нам не говоря, тащила его насильно. То есть эта работа и сам предмет деятельности — ручка — вызывали у него сначала протест, затем раздражение, а потом и ненависть. Все эти негативные состояния закрепились на ручке — отсюда и такая реакция.

— Хорошо, что не на тебе. Тоже мне психолог! — съязвил Глеб.

— Так я же тогда был молодым и глупым. Так что, Сенечка, не переусердствуйте.

Глеба Владимировича пригласили на конференцию в Бангкок. Приглашение было на двух участников, и он дерзнул позвать Полину. Та согласилась.

Полина не осталась незамеченной. Ее изящество и красота покорили всех участников конференции. А после блистательного выступления она и вовсе оказалась в центре всеобщего внимания. Глебу Владимировичу льстило восхищенное к ней отношение.

После окончания конференции они отправились на остров Пхукет, где провели семь сказочных дней.

После этой поездки он стал ловить себя на том, что постоянно думает о Полине и мысленно повторяет стихи Хосе Гуэса:

Могу я взять твою руку недрогнувшею рукою,
Могу, на тебя не глядя, рядом с тобою быть.
Тебе, как простой знакомой, могу кивнуть головою,
Но не могу забыть.
Могу на взгляд твой ответить улыбкою безмятежной,
О книгах или нарядах с тобою заговорить,
Имя твоё могу я произнести небрежно,
Но не могу забыть.
Пусть зарастает тропинка, что ведёт к твоему порогу,
Могу о тебе не думать, могу тебя разлюбить,
Могу с другим тебя встретить — и уступить дорогу,
Но не могу забыть.

Ты не узнаешь тайны, которую я скрываю,
Надёжнее океану сокровища не укрыть.
Маленькая колдунья, я тебя знать не желаю,
Но не могу забыть.

«Когда же это случилось?» — спрашивал он себя уже в который раз.

Ведь она столько лет была рядом с ним, он знал, что она влюблена в него, но не придавал этому никакого значения — девушка повзрослеет, и все пройдет. В конце концов, он обладал ею, но даже это не сделало их ближе — переспали и переспали. Впрочем, может быть, если бы не то досадное недоумение... Глеб считал категорически неприемлемым секс в критические дни женщины, а она пренебрегла этим правилом и не отстранила его от себя, да к тому же так легко, безо всякого сопротивления отдалась ему. В результате — разочарование и даже некоторая брезгливость.

Да, это произошло там, на берегу Андаманского моря, когда его, как романтического юношу, вдруг пронзила неизвестно откуда возникшая ревность.

В этот день море штормило, и мало кто отваживался заходить в воду. Она же, лежа на спине, качалась на волнах, явно получая от этого большое удовольствие. Он не без волнения наблюдал за ней, сидя на песке. Волны с шумом накатывались на берег и на отмели превращались в пену. Когда, подобно Афродите, Полина грациозно вышла из морской

пены, проходящие мимо атлетически сложенные итальянцы окружили ее и наперебой стали что-то говорить. Судя по их эмоциональной жестикуляции и часто повторяемому «deliziosamente»¹, это были слова восторга. Полина шла в окружении молодых красивых мужчин. Глядя на эту группу, Глеб впервые в жизни испытал острый приступ ревности. Сердце его забилося так часто и так громко, что заглушало шум прибоя, и в этот самый момент случайно пролетавший мимо Амур ощутил флюиды ревности и запустил стрелу, уязвив его прямо в сердце.

Вежливо улыбнувшись молодым людям, Полина что-то сказала, указывая на Глеба. Итальянцы загалдели еще громче, прижимая руки к сердцу, — похоже, извинялись, а затем один из них, обращаясь к Глебу, прокричал: «Congratulazioni, avete donna straordinaria!»² Его друзья одобрительно закивали. Парни продолжили свой путь, а Полина подошла к нему и легла рядом.

Он припал к разбросанным по песку слегка вьющимся волосам и ощутил запах моря, солнца и еще чего-то неуловимого. И этот запах сводил Глеба с ума. Он хотел ее сейчас, немедленно! Глеб нежно коснулся горячими губами ее плеча и прошептал:

¹ Восхитительно! (итал.)

² Поздравляем, у вас умопомрачительная женщина! (итал.)

— Пойдем в номер?

Полина заглянула в его черные, полные жгучего желания глаза и кротко ответила:

— Да, любимый.

С этого дня он как заколдованный не сводил с нее глаз. Все, что бы она ни делала, что бы ни говорила, казалось ему удивительно милым и привлекательным. Романтические путешествия по живописнейшим островам Андаманского моря усиливали состояние почти юношеской влюбленности.

За день до отъезда пара отправилась на остров с забавным названием Пхи-Пхи. Расположились на белом и мягком, как мука, песке, приятно поскрипывающем под ногами.

Махровые скалы выступали из морской глади бирюзового цвета, кудрявясь вечнозеленой растительностью. Парящие над волнами от счастья жить в этих водах рыбки начисто лишали ощущения реальности. И, словно декорации на театральной сцене, к райской идиллической умиротворенности примешивались неистово ревущие длинные ярко раскрашенные лодки.

Полина поспешила к морю. Кто-то посоветовал ей взять с собой вареные яйца, чтобы приманить ими рыб. Едва она раскрошила первое яйцо, как вокруг нее собралась огромная стая самых разнообразных по форме, окрасу и размеру рыб. Они

выпрыгивали из воды и с остервенением выхватывали пищу из ее рук. Испуганная Полина бросилась к берегу. Сотни рыб устремились за ней. Она бежала к нему с глазами, полными страха, вытянув руки, словно моля о помощи.

Глеб кинулся ей навстречу, подхватил ее на руки, прижал к себе и в этот момент понял, что любит эту женщину. Возможно, это последняя его любовь, а она, как известно, самая сильная...

Истекал последний срок ректорства Сергея Павловича, но уходить ему совсем не хотелось. Очередной откат он ожидал получить осенью, в лучшем случае в октябре, а в данный момент за окном царила весна. Было до боли обидно осознавать, что все старания по экономии средств, поиску надежного партнера и, самое главное, обеспечение тендера «кому надо» были напрасны. Кто-то придет и без малейшего риска воспользуется плодами его трудов, положив в карман несколько миллионов. Мысль эта не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Не то чтобы он был патологически жаден, но уже привык к легким деньгам, привык два-три раза в год принимать увесистые пачки с миллионами рублей.

Дома Сергей Павлович отдавал деньги жене. С того самого дня, когда он, еще будучи студентом, женился и переступил порог тещиной квартиры, она до самой своей смерти без конца говорила доче-

ри: «Надо же, привела в дом голодранца!» и делала это непременно в его присутствии.

И вот теперь, не по злобе, но от обиды, сдерживаемой долгие годы, он, вручая жене пачки денег, неизменно сопровождал это действие словами: «От голодранца». Затем вынимал горсть мелочи, отсчитывал десять рублей, протягивал их жене и добавлял: «Это на свечку — поставь за упокой души теперь уже любезной моему сердцу тещи».

Такой длящийся много лет ритуал вручения денег служил ярким опровержением его несостоятельности и одновременным упреком для жены, которая, как он считал, могла, нет, обязана была заступить за него, но ни разу этого не сделала.

При этом, испытывая угрызения совести и за воровство, и за форму передачи денег жене, он, как мелкий воришка, тайком вынимал из пачки несколько десятков тысяч и на неделю уходил в сладостный запой.

Теперь все должно было закончиться в одночасье. Сначала он попытался остаться еще на полгода, мотивируя это тем, что нужно передать дела по завершении финансового года, но одна из университетских «партий», претендующая на власть, добыла компрометирующие бумаги, из которых становилось ясно, что, увлекшись реставрацией,

ректор способствовал выигрышу тендера одной и той же организацией.

В министерстве не захотели затевать скандал и объявили: «Уйдешь на следующий же день после семидесятилетия». И Сергею Павловичу не оставалось ничего другого, как согласиться. Но «утраченная выгода» не давала ему покоя, и тогда он стал искать преемника, а поскольку заблаговременно об этом не побеспокоился, то в недрах университета уже сформировались два блока, каждый со своим кандидатом. И если блок неопытной молодежи его мало волновал, то другой, возглавляемый бывшим высокопоставленным чиновником, создавал большие проблемы. Ведь именно он неизвестным ректору образом добыл и отправил в министерство компрометирующие документы.

Административная возня не предвещала ничего хорошего. Пользуясь ситуацией, все стремились уладить свои дела. Глеб убедил ректора в необходимости разделения кафедры литературы на две.

Одну из них — кафедру иностранной литературы — он оставлял за собой, а в качестве заведующей кафедрой русской литературы предложил Полину Георгиевну.

Совет университета поддержал это преобразование.

— Еще поборемся, — скорее по инерции, чем с уверенностью заявил Сергей Павлович, решив действовать старым проверенным способом: подготовить авангард из числа ветеранов и провалить своего кандидата, который, как он надеялся, будет делиться с ним барышами. И лучше бы недалекую бабу, падкую до денег, но не видящую возможностей быстрой и легкой наживы.

Старики с воодушевлением пообещали поддержать любую кандидатуру, предложенную ректором. Но вскоре выяснилось, что многие из них поддерживают все три группировки и, стало быть, одинаково ненадежны для всех, а он не мог рисковать.

Так на горизонте появилась Светлана Алексеевна Тишкова — заведующая кафедрой политологии. Будучи многоопытным администратором, Сергей Павлович поставил на совете университета вопрос о работе возглавляемой ею кафедры, организовал восторженные отзывы и на этом фоне пригласил ее для разговора о будущем университета.

До смерти перепуганная предложением Сергея Павловича, Светлана Алексеевна не заставила себя долго упрашивать и согласилась баллотироваться на пост ректора — разумеется, при его поддержке.

Но было уже поздно. Временно исполнять обязанности ректора министерство прислало «варяга».

По слухам, временно исполняющий обязанности ректора Александр Степанович Кежаев эту должность купил. Верить не хотелось, но, поскольку один из неудачливых претендентов на этот пост получил из министерства предложение получить ректорское кресло за девять миллионов, похоже, слухи эти были вовсе не безосновательны. К тому же привел его директор департамента высшей школы, впоследствии уволенный за взятки.

Знакомясь с членами совета университета, Кежаев произнес речь:

— Уважаемые коллеги, я уже несколько лет пристально слежу за вашим вузом и восхищаюсь его безукоризненным имиджем и ошеломляющим успехом, причем не только в России, но и за рубежом. Я и мечтать не мог, что мне посчастливится претендовать на пост ректора вашего прославленного университета! Какие имена, какое многообразие привлекательных специальностей! Но, как вам известно, нет предела совершенству. Я в своем вузе создал идеальную образовательную систему, которую собираюсь внедрить и здесь. Уверен, что через два-три года ваше учебное заведение превратится в университет европейского образца, и надеюсь, что вы меня в этом поддержите. Времени на раскачку у нас нет, на понимание глобальности реформ я отпускаю полгода, максимум год, всех непонятливых, ленивых и ретроградов прошу на выход.

Когда Кежаев произносил последнюю фразу, взгляд его стал холодным, лицо исказилось злобой гримасой и в голосе зазвучали металлические нотки. Но он тут же спохватился, взял себя в руки и с улыбкой продолжил:

— Разумеется, речь идет вовсе не о присутствующих, но именно вы сможете в процессе реформ освободиться от лишних людей, и здесь вам будет дан полный карт-бланш. Итак, за работу!

— Какой обаятельный! Я стану его ангелом-хранителем! — нарочито громко произнесла вслед уходящему ректору Ирина Аполлоновна Плотникова.

— Мерзавец и карьерист, — категорично заявил Константин Константинович Сухов. — Мы еще с ним наплачемся.

Ирина Аполлоновна Плотникова была из многочисленной когорты людей, которые мягкой силой завоевывают себе место подле административного кресла. И не важно, кто в нем восседает, главное — пристроиться рядом, пусть даже и у ног. Вполне довольствуясь обедками с барского стола, они рассыпаются перед хозяином в благодарностях за оказанную честь, всегда готовые предать мать родную ради карьеры и благополучия.

Именно так и поступила комсомольский вожак Ирина Аполлоновна, публично отрекшись от отца с матерью — «врачей-отравителей».

Лебезить перед начальством — это же сущий пустяк по сравнению с отречением от родителей! Ведь и то и другое продиктовано основным природным инстинктом — инстинктом самосохранения.

Она прекрасно понимала, что в нынешние времена власть желает слышать только продолжительные аплодисменты, переходящие в нескончаемые овации. Перед властью надо не просто трепетать, а еще и демонстрировать при этом неизбывную любовь к ней. Малейшее возражение — и ты разорен, ты нищий, малейшее возражение — и ты политический труп, малейшее возражение — и ты становишься изгоем, презираемым законопослушными гражданами. Это раньше власть довольствовалась молчаливыми. А сейчас ей нужны не просто угодливые, а энтузиасты угодливости. Это особая порода людей, которым, если перефразировать Грибоедова, всегда тошно служить, а вот прислуживаться они всегда рады, людей, которым незнакомо такое понятие, как чувство собственного достоинства.

Именно такого сорта человеком была Ирина Аполлоновна Плотникова.

А Константин Константинович Сухов был до наивности честным и порядочным человеком, из тех, кто никогда и ни при каких условиях не позволит превратить себя в раба.

С первых же дней Кежаев стал устанавливать режим абсолютной личной власти. Любое сопротивление подчиненных он воспринимал как подрыв своего авторитета, как личное оскорбление. При малейшем возражении впадал в дикую ярость и безжалостно преследовал оппонента до полного уничтожения.

Будучи пакостником по натуре, сокращение кадров он проводил не в конце учебного года, когда уволенные преподаватели могли бы подыскать себе за лето подходящее место, а осенью, когда все вузы были уже укомплектованы.

— Хороших специалистов мы не увольняем, — цинично заявлял он, — а плохим ни у нас, ни в каком другом вузе нечего делать.

Однако именно порядочные и высокопрофессиональные преподаватели, для которых честь и достоинство были не пустым звуком, изгонялись в первую очередь.

Страх поселился в стенах университета. Атмосфера крепостной системы проникала во все его поры. Пугающе ласковые «доверительные» разговоры исполняющего обязанности ректора велись исключительно с целью выявить недовольных и подавить попытки неповиновения, добиться всеобщей покорности. Когда подчиненные перестают сопротивляться, новоявленный вождь получает возможность бесконтрольно распоряжаться

судьбами людей и собственностью вверенного ему государством учреждения.

Исполняющий обязанности ректора окружил себя дружиной опричников, сформированной по принципу личной преданности. Профессионализм превратился в недостаток. «Менеджеры от образования», дискредитировавшие себя на прежних местах работы, заваливали преподавателей циркулярами, требующими бесконечных отчетов и оправданий. Поощрялась практика доносительства.

Светильник разума стал коптить.

На фоне административного террора и всеобщего недовольства расцвели тайные «доброжелатели».

Андрей Андреевич был человеком щедушным, сутуловатым и незаметным. Говорил он тихо и как будто все время извиняясь. С его лица не сходила доброжелательная улыбка. Беседа с коллегами, он, казалось, совершенно искренне говорил им комплименты, восхищался их профессиональными достижениями и, как он говорил, «удивительной способностью позитивно влиять на людей». Он восторгался мужьями и женами, детьми и внуками сотрудников. Андрей Андреевич никогда ни о ком не сказал дурного слова, старался всех оправдать, и поэтому в коллективе его считали милейшим человеком.

Но по ночам, когда вся семья спала, Андрей Андреевич садился за кухонный стол, старательно затачивал карандаш (он любил писать, а не печатать, причем писать именно карандашом, а не ручкой — так больше оставалось ЕГО в строчках текста) и писал. Писал то, что хотел сказать в личной беседе, но не посмел то ли из нежелания вступать в конфликты, то ли из гуманных соображений. Но, как бы то ни было, молчать о невежестве, пороках и преступлениях, бесконечно совершаемых вокруг, он не мог. Андрей Андреевич писал в министерство донос на ректора, ректору — на проректоров и деканов, деканам и проректорам — на заведующих кафедрами, заведующим кафедрами — на преподавателей и обо всех них — президенту. Скрупулезно выверив каждый факт, каждое слово, он вносил текст в компьютер и путанными ходами, через несколько e-mail'ов, чтобы не дай бог не обнаружился автор послания, отправлял адресату. Так он исполнял свой гражданский долг, как он его понимал, будучи искренне убежден в том, что выполняет миссию тайного мстителя и восстанавливает справедливость.

Результатом этой его деятельности были многочисленные скандалы, следовавшие один за другим. Андрей Андреевич наслаждался происходящим и искренне верил, что делает благое дело и помогает миру стать лучше.

Подготовка к выборам ректора началась, как только Кежаев собрал ядро верноподданных, состоявшее из новых, мало знавших друг друга людей. Объединяли их лишь два качества: неуживчивость и стремление к наживе. Ректор щедро одаривал свою, как ему казалось, команду за счет ущемления большинства.

Эти люди ходили по кафедрам и структурным подразделениям, прощупывая настроение сотрудников. Списки недовольных передавали начальнику охраны, который выборочно организовывал выговоры за прогулы забывшим пропуск. Не привыкшие к пропускному режиму бедолаги несколько месяцев жалкой кучкой толпились у проходной, искренне не понимая, почему они не могут приступить к работе, когда они уже здесь, в университете.

Кежаев был склонен к мистицизму, поэтому выборы были назначены на период между затмениями луны и солнца. Согласно учениям мистиков, все, что совершается в такое время, незыблемо. Позже, когда Александр Степанович многократно, но тщетно пытался устроиться на более престижную работу, его жена не без злорадства замечала:

— Ты же сам загнал себя в угол, устроив выборы между затмениями!

— Не радуйся прежде времени: мой час еще придет! — злобно огрызнулся он.

А видел он себя ни много ни мало — министром образования, реформатором, каких прежде не знала Россия.

Члены предвыборной комиссии по двое-трое присутствовали на собраниях по выдвижению выборщиков. Согласно одним им известным критериям они делали краткий анализ работы того или иного структурного подразделения и рекомендовали кандидатуру выборщика из числа «самых достойных». Как правило, сотрудники лениво голосовали, а если кто-то все же выдвигал альтернативную кандидатуру, то из рукава доставался козырный туз: «Вы, конечно, решайте сами, но вряд ли правильно в качестве представителя предлагать человека, имеющего выговор за нарушение трудовой дисциплины», — после чего озвучивались дата и номер приказа. На кафедрах же почти автоматически проходил заведующий, на которого всегда можно было надавить.

На предварительном собрании вырабатывалось положение о выборах и демонстрировался бюллетень с четкими «да» и «нет» напротив фамилии претендента. Однако, к удивлению выборщиков, в день голосования из бюллетеня исчезла форма «да — нет», а осталась лишь фамилия кандидата. Выборы были безальтернативными. Опущенный бюллетень означал «да», а для возражения требовалось зачеркнуть фамилию. Но даже при этом

каждый третий обреченно доставал ручку и под запись видеокамер и вспышки фотоаппаратов зачеркивал ставшую ненавистной за полгода фамилию, ясно осознавая, что вычеркивал себя из числа сотрудников университета.

К столу выдачи бюллетеней для голосования подошла Галина Николаевна Павлова. Она пробежала глазами маленький листок и с удивлением спросила:

— А почему изменена форма бюллетеня?

К ней тут же подскочил вертлявый молодой человек, приведенный Кежаевым специально для организации выборов, закружил вокруг нее и, размахивая кучей бумажек, затараторил:

— Таково решение комиссии по избранию, протокол номер два.

— Какая комиссия, когда на собрании выборщиков была принята совершенно другая форма?

— В девятом пункте решения собрания зафиксирована комиссия в составе пяти человек, а восемнадцатый пункт гласит: «Избранная собранием выборщиков комиссия имеет право вносить изменения в процедуру выборов», — продолжал тараторить вертлявый, придерживая на переносице постоянно сползающие огромные очки.

— Если уж вы дурачите людей, так хоть не действуйте так нагло, уберите урну от стола с бюлле-

тенями или вовсе опустите их туда скопом, а мы уж, так и быть, покорно поставим в протоколе свои подписи. Кстати, одолжите мне ручку — я хочу вычеркнуть имя человека, который так непорядочно входит во власть.

Вокруг защелкали фотоаппараты, кто-то из организаторов притащил человека с назойливо жужжащей видеокамерой.

— Это правильно, снимайте — пусть останется документальное подтверждение вашего беспредела! — усмехнулась Галина Николаевна.

Она встала за стулом женщины, выдававшей бюллетени, одну руку положила на его спинку, а другую занесла над урной и застыла в этой позе. Несколько человек, ожидающих своей очереди, достали телефоны и стали снимать.

— Сейчас же отнесите урну в сторону! — завопил вертлявый.

В университетской газете, извратив инцидент, назвали это «провокацией, не помешавшей свободному волеизъявлению профессорско-преподавательского состава в выборе достойного претендента на должность ректора университета — Александра Степановича Кежаева».

Галина Николаевна Павлова считалась одним из лучших специалистов по истории философии. Ее учебники были востребованы как студентами,

так и преподавателями даже на философских факультетах. Галина Николаевна слыла образцом доброты и смиренномудрия. С раннего детства она считала себя самой счастливой в мире. Росла в большой дружной семье, где старшие братья и сестры заботились о младших, а те брали с них пример. В школе у нее появилось много настоящих друзей. В конце каждой четверти родители получали благодарственные письма за ее «отличные успехи в учебе и примерное поведение». Особой гордостью ее детской жизни стала театральная студия, где ей доводилось играть несколько главных ролей.

В университете ей повезло еще на вступительных экзаменах, когда она встретила веселого и умного Женьку, объявившего во всеуслышание, что он в нее влюбился. По его версии, она тоже влюбилась в него, но пока еще этого не осознавала. То, что они станут мужем и женой, само собой разумеется.

Все так и случилось. Галя поняла, что они созданы друг для друга. А раз так, то чего ждать? И уже на втором курсе они поженились.

— Кто придумал это идиотское словосочетание «семейные узы»? — возмутился Женька. — Со словом «семья» сочетается только слово «счастье».

И они действительно были счастливы тем, что понимали друг друга с полуслова, что к моменту завершения учебы у них родился сын, что их рекомендовали в аспирантуру, а после защиты канди-

датских диссертаций обоих оставили преподавать в университете.

Их мальчик оказался необыкновенно талантливым: уже к 22 годам он сделал несколько открытий и защитил кандидатскую по физике. Ему прочили блистательное будущее, но не прошло и года, как он умер от рака мозга.

Счастье покинуло их дом.

Три года в страшных муках от той же болезни умирал ее Женька.

Жизнь потеряла бы для Галины Николаевны всякий смысл, если бы не престарелая мать и работа.

Окна их квартиры выходили во двор интерната. Теперь она часто сидела у окна и смотрела, как играют дети. Однажды Галина Николаевна заметила мальчика, который чем-то неуловимым напомнил ей умершего сына, ее Коленьку. С тех пор она постоянно находила его взглядом и с интересом и непонятным ей самой волнением наблюдала за ним. Он был необыкновенно красив: огромные голубые глаза, вьющиеся волосы, правильные черты лица. В компании сверстников мальчик был явно белой вороной: он никогда не принимал участия ни в их играх, ни в бесконечных драках и вообще держался особняком. Похоже, остальные дети чувствовали эту его особенность, непохожесть, и именно поэтому он часто становился объектом их насмешек и издевательств. Однажды, в очередной раз выглянув в окно, Галина Николаевна с ужасом увидела,

как группа детей жестоко избивает приглянувшегося ей мальчика. Вскрикнув от ужаса, она выскочила из дома в чем была и буквально отбила несчастного у озверевшей компании. Удивительно худой, он лежал у нее на руках с окровавленным лицом, отрешенно глядя в небо, и, что больше всего поразило Галину Николаевну, не плакал.

Она привела его к себе, обработала раны и попыталась накормить. Но мальчик почти не притронулся к еде, хотя ее мама Олеся Викторовна выставила на стол все самое вкусное, что нашлось в доме.

Мальчика звали Володей. Рос он с матерью-алкоголичкой, которая, в очередной раз напившись, сгорела в постели от непотушенной сигареты. После чего мальчик оказался в интернате.

Вечером Галина Николаевна отвела Володю в интернат, где представилась его родственницей и заявила, что будет его навещать.

Никто не возражал.

Домой Галина Николаевна вернулась в полном смятении: перед глазами стояли окровавленное лицо Володи, его отрешенный взгляд. От жалости к мальчику у нее сжималось сердце. Промаявшись всю ночь, наутро она решительным шагом вошла в комнату Олеси Викторовны и с порога заявила:

— Мама, я хочу усыновить Володю.

Почему-то Олеся Викторовна ничуть не удивилась. Повернувшись к дочери, она спокойно сказала:

— А знаешь, Галочка, я ведь всю ночь глаз не сомкнула — все думала об этом мальчике. Ты приняла правильное решение. Конечно, мы его усыновим.

Все документы на усыновление оформили на удивление легко и быстро. И для двоих женщин и мальчика началась новая жизнь.

У Володи обнаружились феноменальные способности к музыке. Олеся Викторовна за три года прошла с ним семилетний курс музыкальной школы. Он не просто прекрасно играл на фортепиано — он играл гениально. Вдобавок ко всему он начал сочинять музыку и в этом тоже преуспел. Его произведения были весьма и весьма необычны, но у людей, слушающих их, бегали мурашки по телу, и они понимали, что их создал необыкновенно талантливым человек. Несколько его опусов включил в свой репертуар филармонический оркестр. Женщины гордились им и радовались его успехам.

— Счастье вернулось в наш дом! — не уставала повторять Олеся Викторовна.

Но со временем в поведении Володи стали появляться странности. Он то уходил в себя и сутками напролет сидел, запершись, у себя в комнате, ни с кем не желая общаться, то говорил без умолку, часто стихами, смысл которых был понятен разве что ему самому. В шестнадцать лет объявил себя Иеронимом Босхом. Утверждал, что дух великого

художника вселился в него и он должен выразить в музыке все его полотна. Окружающие поначалу воспринимали это как чудачества гения, потом появилась гиперреактивность, доведшая его до бессонницы и истощения. Наконец, все вылилось в агрессивное поведение. Он с бранью и кулаками набрасывался на знакомых и незнакомых людей. К счастью, рядом почти всегда оказывалась Галина Николаевна или Олеся Викторовна, а в их присутствии Володя обычно быстро успокаивался. Он называл их мамами и безгранично любил и уважал.

Однажды позвонили из школы и попросили забрать разбушевавшегося Володю. Олеся Викторовна пошла за ним, но кто-то из родителей напуганных учеников уже вызвал скорую — и его увезли в психиатрическую больницу. Там ему поставили страшный диагноз: маниакально-депрессивный психоз.

Во время ремиссий он часами играл на фортепиано. Музыка была трагической и мощной. Записывать сочинения он категорически отказывался, считая их бездарными. Олеся Викторовна втайне от него делала магнитофонные записи, а затем переводила их в ноты. В редкие теперь периоды затишья болезни Володя становился удивительно кротким и погруженным в себя. В такие моменты его необыкновенно красивое одухотворенное лицо напоминало лик святого, а широко распахнутые ярко-голубые глаза излучали прямо-таки неземной

свет. Володя подходил к Олесе Викторовне, нежно обнимал за плечи и спрашивал:

— Покажешь, что у нас там получилось?

Он правил клавир, и миру являлся очередной шедевр.

Но приступы случались все чаще и чаще, причем каждый последующий протекал тяжелее, чем предыдущий. Его и без того бледное лицо становилось серым и изможденным, воспаленные глаза лихорадочно блестели огненно-синим цветом, отчего становилось не по себе. В эти моменты он походил на врубелевского Демона. Погруженный в бездну, наполненную галлюцинациями, он впадал в буйство. «Мамы» уже не могли с ним справиться и вынуждены были отправлять его в лечебницу.

Пришел срок прохождения Галины Николаевны по конкурсу. Кафедра единодушно рекомендовала ее на должность доцента. Но окончательное решение должен был принять совет университета.

Ученый секретарь монотонно перечисляла имена соискателей:

— ...Балуев, какие будут предложения?

— Поддержать, — вяло прозвучало из зала.

— Следующая кандидатура на замещение должности доцента по кафедре философии — Галина Николаевна Павлова, — объявила секретарь. Мотивированное заключение кафедры положительное, за три

последних года опубликовано пять статей, курсы повышения квалификации пройдены. Какие...

— А сколько ей лет? — неожиданно перебил ее ректор.

— Сейчас посмотрю, — растерянно ответила секретарь и склонилась над бумагами. — Вот, нашла! Галине Николаевне шестьдесят два года.

— А не кажется ли вам, уважаемый Егор Степанович, что кафедру пора омолаживать? — обратился ректор к завкафедрой.

Наступила неловкая пауза. Хамская выходка Кежаева повергла большинство присутствующих в шок.

— Ну что же вы? Продолжайте, — как ни в чем не бывало обратился Александр Степанович к секретарю.

— Да-да, конечно, — дрожащим голосом ответила та. — Итак, какие будут предложения?

— Безусловно, поддержать! — выкрикнул с места Константин Константинович.

Секретарь облегченно выдохнула и продолжила процедуру переизбрания.

Томительный процесс подсчета голосов прошел на редкость быстро — соискателей было немного. Теперь редкая кандидатура избиралась единогласно — настала пора выяснения отношений. Желających показать фигу в кармане находилось немало.

— И в заключение, — дрожащим голосом произнес председатель счетной комиссии, — результа-

ты голосования на замещение вакантной должности доцента кафедры философии по кандидатуре Павловой Галины Николаевны. «За» — 5, «против» — 29, воздержавшихся нет.

Унасекомленный совет по одному намеку ректора сделал свое грязное дело.

Это был триумфом Кежаева.

— Я здесь совершенно случайно узнал, — сказал Константин Константинович Глебу Владимировичу, когда они выходили из зала, — что слово «кежай» означает злой.

— Ну, что ж — как говорится, Бог шельму метит.

Вступив в должность ректора, Кежаев на заседании совета университета определил новые задачи и объявил программу реформирования вуза с целью превращения его в университет европейского образца. На трибуну поочередно поднимались Лев Соломонович Риарский, Ирина Аполлоновна Плотникова и Владимир Иванович Гусев. Пресмыкавшиеся перед предыдущим ректором, чтобы добиться его расположения и войти в обойму «нужных людей», теперь они без тени смущения говорили о том, как деспотичен он был и как демократичен Александр Степанович, как деградировал университет в последние годы правления Сергея Павловича и какой свежий творческий импульс он получил с приходом нового ректора, как

одобряют они его стремление к реформам и с какой страстью готовы служить для него опорой в этом нелегком деле.

У преподобного Паисия Святогорца есть поучение о разделении людей на мух и пчел. Пчела и на свалке найдет цветок и соберет нектар, а муха... муха и в прекрасном саду найдет кучу...

Лев Соломонович Риарский был мухой. Он производил впечатление интеллигентного и вполне безобидного пожилого человека. Но за этой маской скрывался злобный, мстительный и расчетливый мерзавец, действующий исключительно с помощью закулисных интриг.

В присутствии начальства он весь скукоживался, всячески демонстрируя свою незначительность и преданность вышестоящим, перед подчиненными же Лев Соломонович становился будто выше ростом, его узкие плечи расправлялись, каждый жест был призван подчеркнуть его величие и значимость.

Риарский никогда никому ничего не прощал. На любую, по его мнению, несправедливость, допущенную в отношении него, он реагировал растерянной обезоруживающей улыбкой, которая составляла его обидчика, мнимого или настоящего, чувствовать себя неловко и пытаться как-то исправить ситуацию. Выслушав извинения, Лев Соломонович прижимал руки к груди и уверял собеседни-

ка в том, что ничего страшного не случилось и он не держит на него никакого зла, а сам уже рисовал в своем воображении картину утонченной мести. Отныне при каждом удобном случае он в разговоре с коллегами старался выставить своего недруга в самом невыгодном свете, представляя его разносчиком сплетен. Делал это Лев Соломонович просто виртуозно. Он со скорбным видом подходил к одному из друзей этого человека и говорил, что знает о его проблеме (причем говорилось о действительно имевшей место проблеме, но представленной в искаженном и гипертрофированном виде) и очень ему сочувствует. И когда возмущенный собеседник спрашивал, откуда такие сведения, Риарский с притворным смущением называл имя своего обидчика. Такое он проделывал неоднократно. И люди верили ему, потому что невозможно было предположить, что такой с виду интеллигентный человек, да к тому же столь почтенного возраста, может кого-то оболгать. Да и зачем? А он просто получал огромное удовольствие, сталкивая людей лбами и наблюдая, как недавние друзья становятся заклятыми врагами.

Всегда и везде Риарский был первым: призыв в ряды НКВД — он в первых рядах, освоение целины — он в авангарде. Но ему всегда не хватало то одного подтягивания на турнике, то здоровья — в медицинской карте появлялась запись о предрасположенности к гипертонии. И Риарский грустно

махал рукой вслед отъезжающим энтузиастам, «волею обстоятельств» вынужденный оставаться дома.

Руководствуясь исключительно выгодой, Лев Соломонович, на словах ратуя за чистоту нравов научного сообщества, поставил на поток «производство» диссертаций, содержание которых представляло собой компиляции из нескольких дипломов, для последующей продажи чиновникам, жаждущим получить ученую степень.

Высшим проявлением его лицемерия были доклады при смене политической ситуации в стране. В каждом из них была ключевая фраза, ставшая в вузе притчей во языцех.

В год обещанного Хрущевым коммунизма он восклицал:

— ...Мы — винтики мощного механизма, рожденного великим Октябрем! Все как один в творческом порыве мы с воодушевлением идем к победе коммунизма, к светлому будущему, гарантирующему счастье нам и нашим детям...

В годы перестройки Лев Соломонович с энтузиазмом провозглашал:

— ...Да, мы винтики. Мы винтики механизма, приводимого в движение мощной энергией инициативных масс. Перестройка дала нам простор для творчества. Наконец-то мы освободились от идеологического давления партноменклатуры и можем быть уверены в светлом будущем наших детей...

В девяностые он с негодованием клеймил позором коммунистическую диктатуру:

— ...Мы были ничтожными винтиками мощного механизма коммунистической машины, подавляющей малейшее свободомыслие. Демократия раскрепостила нас — мы свободны творить и создавать наше будущее и будущее наших детей...

Оставаясь наедине с собой, Лев Соломонович успокаивал жалкие остатки своей совести тем, что если бы он обладал властью, то непременно действовал бы открыто и решительно.

Правой рукой ректора и главным «опричником» стал первый проректор Сергей Федорович Пряучаев, по совместительству его двоюродный племянник. Свою карьеру он начал в мордовских лагерях, где работали его отец и дед. К двадцати двум годам дослужился до старшего надзирателя.

Его двоюродный дядя, Александр Степанович Кежаев, работал в Санкт-Петербурге проректором по административно-хозяйственной части в негосударственном юридическом институте. Вызвав племянника к себе, он устроил его туда на работу простым охранником. Затем сделал его начальником службы безопасности вуза. Там же Сергей Федорович получил диплом юриста.

Когда его дядя, выбившийся со временем в проректоры по учебной работе, купил должность

ректора в университете, то забрал племянника с собой. И тот в должности начальника службы безопасности с большим рвением выполнил всю грязную работу по «зачистке» университета от проголосовавших на выборах против дяди и прочих «ненадежных» людей, в числе которых оказалось больше половины сотрудников. Для избавления от неугодных особых поводов не искали. Например, сотрудников из «черного списка», которые опоздали, пусть даже на пару минут, или забыли пропуск, в университет не пускали. Тут же создавалась дисциплинарная комиссия, которая оформляла прогул, после чего проштрафившемуся ставили ультиматум: «Либо вы пишете заявление на увольнение по собственному желанию, либо мы вас увольняем за нарушение трудовой дисциплины». Судьба студентов и профессиональные качества наспех набранных на вакантные должности преподавателей никого не волновали. Все ради достижения главной цели — безропотной покорности! К прочим уволенным относились те, кто высказывал недовольство ректором и его «грандиозными реформами». Причем не обязательно было делать это публично. Сергей Федорович на всех кафедрах установил подслушивающие устройства, и никаких тайн для ректора уже не существовало. Когда на кафедре информационных технологий обнаружили подслушивающее устройство, Сергей Федорович цинично предположил, что это дело рук сотрудников конкурирующей ка-

Федры, и предложил «в целях безопасности» установить на кафедрах видеокамеры. Покорный к тому времени совет университета проголосовал за новацию — и сотрудники стали бояться не только друг друга, но и стен. Посредством сложных манипуляций в контексте «глобальных реформ» несколько раз реорганизовали юридический отдел, и в конечном итоге должность его заведующего оказалась вакантной. Надо ли говорить, что ее тут же занял Сергей Федорович?

В свой новый кабинет Пряучаев вошел с огромным портретом ректора и в присутствии сотрудников водрузил его над своим креслом со словами: «Отныне для вас один бог, несогласные могут здесь и сейчас написать заявление об уходе». На новой должности Сергей Федорович посвятил себя изобретению бесчисленных инструкций — от «Инструкции по предъявлению пропуска и действиям службы охраны университета в случае отсутствия заведующего юридическим отделом» до «Инструкции по использованию кафедрального ксерокса». Инструкции создавались по каждому, порой даже самому незначительному поводу. Бедные преподаватели не могли сделать и шага, не нарушив хотя бы одну из них.

Но наиболее «талантливо» Сергей Федорович проявил себя на поприще реорганизации отдела торгов. Внедрив туда своих людей, он в связке

с хозяйственной частью придумал присваивать новые номера только что прошедшим дорогую реставрацию дворцовым помещениям и оформлять реставрационные работы заново. На этом его новации не закончились. Как дорогостоящую реставрацию он оформлял, например, покраску лестничных маршей, появившихся в процессе реконструкции здания и никакого отношения к архитектурным ценностям не имевших. Деньги потекли рекой в карман ректору-реформатору.

Сергей Федорович Пряучаев, неожиданно для всех предъявивший диплом кандидата юридических наук, был назначен первым проректором. «Надзиратель» — так его называли не в память о прежней месте работы, а в связи с тем, что эту миссию он присвоил себе здесь, в вузе, — с наслаждением пользовался предоставленной ему властью.

Его любимым занятием было визирование документов. Бумаги подписывались дай бог с третьего, а то и с пятого захода. Новоиспеченный проректор активно взялся за делопроизводство, обращая особо пристальное внимание на нестандартный кегль, отступ или интервал между строчками.

— Ну когда я научу вас работать? — театрально возмущался Пряучаев. — Ведь и думать-то не надо, на все есть инструкции. До чего же бестолковый народ! А ведь учеными себя считают...

В сущности, он был слабым и неуверенным в себе человеком. Повышенная тревожность, сформировавшаяся еще в раннем детстве, порождала подозрительность, которая, в свою очередь, для обеспечения безопасности требовала нанесения «превентивных ударов». Вот и приходилось постоянно «мочить» всех недоброжелателей. А их было не счесть.

Упиваясь свалившейся на него властью, он при всяком удобном (а чаще — совсем не удобном) случае говорил: «Сейчас пригоню сюда профессоров, и они у меня быстро все сделают», и при этом лицо его расплывалось в блаженной улыбке. Было очевидно, что, произнося эту фразу, он испытывает огромное удовольствие. И эти самые профессора подобострастно отмечали грандиозные успехи, достигнутые в делопроизводстве талантливым проректором. Но когда слово «делопроизводство» стало звучать чаще, чем слово «реформы», это явно не понравилось ректору — и восторги поутихли.

Проходило очередное заседание ученого совета. С отчетом выступал Константин Константинович. Будучи деканом самого крупного и самого эффективного факультета, он считал категорически неприемлемыми и неконструктивными изменения, происходящие в вузе, равно как и сам стиль принятия решений.

— Отчет, конечно, содержательный, — начал обсуждение ректор. — Но что вы скажете о повышении эффективности качества учебного процесса?

— Неуместно говорить о повышении качества учебного процесса, когда, как вы, Александр Степанович, изволили выразиться, «в целях экономии средств» студенческие потоки и группы разрастаются до неразумных размеров, ликвидируются мелкогрупповые и бóльшая часть индивидуальных занятий, резко секвестированы учебные планы.

— Вот вы, Константин Константинович, критикуете наши реформы, — перебил его ректор, — называете их разрушительными, а между тем президент их одобряет.

Зал от неожиданности замер.

— Сегодня ночью, — продолжал ректор, — мне приснилось, будто как раз во время наших бурных дискуссий в зал совета входит президент и говорит: «Я изучил ваши реформы, Александр Степанович, а сегодня вот лично познакомился с деятельностью университета. Вы знаете, я доволен и, пожалуй, предложу распространить ваш опыт на все российские вузы». И здесь, к моей великой досаде, прозвенел будильник.

Все оживились и тут же проголосовали против предложений Константина Константиновича — очевидно здравых, препятствующих обнищанию университета и деградации образовательного процесса. Совет к тому времени был «зачищен»: в него, по словам ректора, ввели много «уважаемых, много-

опытных профессоров, долгое время незаслуженно остававшихся в тени». В результате этой новации средний возраст членов совета резко взлетел с пятидесяти девяти до семидесяти двух лет. Все они панически боялись, что с ними не заключат договор на следующий год. И если чаша сия их миновала, то они долго и подобострастно благодарили ректора за то, что он позволил им остаться в профессии.

На самом деле президент снился Александру Степановичу очень часто. И не просто снился, но и давал ему мудрые советы.

А однажды Александр Степанович набрался смелости и поделился с ним своими соображениями относительно реформы российской системы образования.

Дело в том, что в своей кандидатской диссертации он анализировал положение пахотных солдат и, в отличие от других исследователей, доказывавших неэффективность такой системы, приводил аргументы в ее пользу. В то время, когда другие служивые между войнами, кроме никчемных занятий на плацу, годами ничем полезным не занимались, пахотные солдаты были вовлечены в сельскохозяйственное производство. И, по его данным, они были более эффективными земледельцами, чем иные крестьяне. Ведь за каждым пахотным солдатом следило строгое военное начальство.

Эта продуктивная, с его точки зрения, идея могла быть распространена и на систему образования. Если, рассуждал он, объединить профессионально-технические училища, техникумы и вузы в один мощный конгломерат, то на его основе можно создать инновационное производство, работающее по принципу «От идеи к воплощению». Тогда наконец-то он заставит эту вшивую профессию работать, а не болтать на советах! Он начисто выкорчует разгильдяйство, граничащее с тунеядством, в университетах, где вторую часть нагрузки преподаватели фактически не отрабатывают, а лишь имитируют научную деятельность.

Президент одобрил.

Не имея вождя докторской степени, не будучи профессором, Кежаев отличался повышенной чувствительностью к оценкам своей работы в должности ректора со стороны окружающих, особенно руководителей. Когда начальство его ругало, он впадал в неистовую ярость и обрушивался на подчиненных, как вулканическая лава, испепеляя невинных жертв. Когда хвалило, начинал буквально фонтанировать новыми идеями реформирования системы образования. А если похвала не случалась, он в своих фантазиях выстраивал диалоги с самыми большими начальниками и получал от них одобрение своих инноваций.

Воодушевленный одобрением президента, ректор первым приходил на работу, ровно в девять собирал одну из структур и лично руководил реформированием подразделения. И ничего, что пару месяцев назад все уже было основательно переделано, переструктурировано, ведь новые идеи исходили от самого президента и варьировались в зависимости от сновидения. Движимый страстным желанием как можно скорее все преобразовать и усовершенствовать, Кежаев стал назначать совещания сначала на половину девятого, а потом и на восемь утра. Работа кипела.

Он вникал во все детали. Как-то, проходя по коридору после ремонта, возмутился:

— Кто красит стены в молодежном учреждении в такие унылые цвета? Они должны быть яркими, жизнерадостными.

— Дворцовое помещение, так было всегда, — попытался оправдаться проректор по АХЧ.

— Перекрасить! — рявкнул ректор и удалился.

С тех пор он лично утверждал колер стен.

Однажды в общежитии делали ремонт и требовалось на месте согласовать цвет стен в комнатах и коридорах. В назначенный день ректор оказался слишком занят, на следующий его куда-то вызвали, а на третий проходили плановые мероприятия. Бригада рабочих простояла три дня.

В результате «глобальных реформ» через два года вуз признали неэффективным. Учащиеся в массовом порядке переводились в другие учебные заведения, в университет перестали поступать на платную форму обучения. Количество студентов уменьшилось вдвое. Творческие, заметные в городе профессора и доценты бежали от безумных реформ, часть деканов уволились, многих заменили в процессе реформирования. Университет обнищал и обескровился.

На этом фоне предстояла новая аккредитация. По всем критериям вуз не соответствовал статусу университета. Преподавателей с научными степенями не хватало, защит не было, научная работа не велась, в разных инстанциях лежали горы жалоб от закончивших обучение студентов и уволенных преподавателей. Ректор решил пойти на опережение и инициировать добровольный перевод вуза из статуса университета в статус института.

«Возвращение к истокам» — так, с его точки зрения удачно, он обозначил этот проект. Решение должны были принять на конференции трудового коллектива. Собрали нужных людей, и с обоснованием пользы преобразования на трибуну, как всегда, поднялись Лев Соломонович Риарский, Ирина Аполлоновна Плотникова и Виктор Иванович Гусев. Полезные начальству во всех случаях жизни, они со святой верой в каждое сказанное

ими слово стали убеждать сотрудников в необходимости этого шага.

Реформы продолжались, и оставшийся народ их горячо поддерживал.

В конце рабочего дня собрались у Семена. Окна его рабочего кабинета выходили в сад, где уже всю цвела сирень. Сладковатый аромат разносился по всей округе, предвещая наступление лета. Говорили о премьерах Мариинского театра.

Щеголеватой походкой в деканат вошел Гусев.

— Привет монстрам административно-образовательного процесса! — обратился он к троице друзей. — Вчера вечером сразу по двум каналам красовался Даровский. Ну и нарцисс, терпеть его не могу! Утюг включаешь — он и оттуда пиарится.

— А вы создайте университет европейского образца и пиарьтесь сколько душе угодно, — бросил Семен.

— Какой университет? Где там европейский уровень? О чем речь? Сплошной пиар, и ничего больше! — брезгливо отозвался Гусев.

— Ваши творческие вечера, на которые вы загоняете студентов вместе с родителями, — вот пиар, — резко оборвал его Константин. — А передача «Диалоги» — так, кажется, она называется — поиск истинного пути молодежи в диалоге с ректором. Впрочем, это все же пиар! Пиар высоких

нравственных ценностей, которые еще не до конца утрачены в молодежной среде.

— Не знаю, в какой степени вы располагаете сведениями об этом университете, а я там пять лет был председателем ГЭК, — сказал Семен. — Не буду преувеличивать: уровень образованности студентов, как и везде, оставляет желать лучшего — все они приходят к нам из одних и тех же отреформированных школ. Но атмосфера в университете творческая, студенческая жизнь вне учебного процесса бьет ключом. Столько интересных встреч, дискуссий, студий — мероприятий, организованных самими студентами, — что я бы кроме профильного диплома выдавал бы каждому выпускнику пару-тройку дипломов искусствоведов, политологов, культурологов. По крайней мере о неполном высшем образовании. Там хочешь не хочешь — за четыре года изрядно поднатореешь на этих встречах. И, наконец, там действительно отработано так любимое вами делопроизводство. Даже самый сложный вопрос решается за два, максимум три дня, тогда как у нас самый пустяковый рассматривается месяцами.

— Да, Виктор Иванович, ваше восхищение на совете прогрессом в делопроизводстве стало притчей во языцех. Теперь даже студенты цитируют вас, обивая пороги бесчисленных инстанций. Сколько там подписей требует каждая бумажонка — семь или десять? — вступил в разговор Глеб.

— Семь, — отозвался Семен.

Виктор Иванович Гусев был одним из пяти композиторов, преподающих в университете. И если другие, широко известные своими музыкальными произведениями от эстрадных шлягеров до популярных опер, были далеки от начальства, то он приходил каждый день и обивал пороги ректората, таким образом заявляя о себе.

Во время учебы в консерватории на факультете композиции и дирижирования Гусев не блистал талантом. Баловень судьбы, он учился там по воле родителей — торговых работников, пожелавших ввести сына в высокое искусство. С большим трудом дойдя до последнего курса, он должен был в качестве дипломной работы представить небольшое музыкальное произведение, однако, как ни бился, у него ничего не получалось. На его счастье, в группе учился талантливый парень, собиравшийся жениться. Жил он в общежитии, денег на свадьбу не было. Тут-то и пришла к Гусеву счастливая мысль — купить у него одноактный балет, подготовленный в качестве дипломной работы. И хотя все студенты знали о сделке, номер прошел и балет вскоре поставили в молодежном театре. Так Гусев стал знаменит и при этом понял: чтобы быть композитором, не обязательно писать музыку — ее можно покупать. Спившихся музыкантов — непризнанных гениев — хватало во все времена.

Гусев поставил дело на поток, и к нему выстроилась очередь желающих опохмелиться. Несколько

купленных песен стали шлягерами, и его пригласили в кинопроект. Причем музыку требовалось писать по ходу съемок. Гусев было отказался, но тут ему в голову пришла еще одна удачная мысль: собрать студентов-батраков потрезвее — пусть работают командой от его имени. Так он и сделал. И, надо заметить, музыка получилась замечательная. После выхода сериала мелодии из фильма звучали на каждом углу.

Гусев был в зените славы, получал всевозможные награды и регалии. Но жадность его сгубила. Ни с кем не расплатившись, он спровоцировал своих батраков на разоблачения, которые назвал наветами завистников. Однако поток музыкальных произведений, выходявших из-под его пера, иссяк. И у алкоголиков есть самолюбие и честь. Тогда неумный Гусев начал делать административную карьеру. Сначала он уговорил престарелую заведующую кафедрой передать ему бразды правления, а теперь решил, что самое время стать деканом.

— Вы, Виктор Иванович, так уж залюбили ректора, что ему теперь век не отмыться, — заметил Константин.

— Да, я живу по принципу: если не можешь справиться со своим врагом, задуши его в объятиях, — парировал Гусев.

— Похоже, вам это вполне удалось, — усмехнулся Константин. — Я имею в виду ваше представление ректора в Китае в качестве будущего министра, — объяснил он Гусеву, встретив его недоумевающий взгляд.

— Это Верка растрепала? — всполошился Виктор Иванович.

— Не знаю, о какой Верке идет речь, но на каждом официальном приеме вы представляли ректора как претендента на министерский пост — по крайней мере, так поняли китайцы. А у них, знаете ли, не принято ставить под сомнение работу государственных чиновников, тем более в открытую претендовать на их место. Так вот, заподозрив в этом государственную измену, китайские товарищи сообщили российским товарищам, а те, в свою очередь, — министру. А мир, как известно, тесен, и «через шестое рукопожатие» эта информация дошла до меня. Теперь ждите репрессий. А я-то думал: отчего ректор так вам благоволит? Оказывается, вы его в министры двигаете! Ну вот — считайте, продвинули.

— Я просто шутил, а этот лох все за чистую монету принимал, — пробормотал вконец расстроенный Гусев. — Что же теперь будет?

— Теперь, мой дорогой, — не без злорадства ответил Константин, — будут гнобить ректора, а если он узнает, откуда ноги растут, то... Ну, в общем, сами понимаете. Нет, мы, конечно же, будем

молчать, но рукопожатия раздаются направо и налево, так что имейте в виду.

— Да, я же ведь зашел анекдот рассказать, — спохватился Гусев. — Вот, послушайте: Абрам кричит Саре: «Сара, ты в туалет пойдешь?» — «Нет», — отвечает та. — «Тогда я смываю».

— Не смешно, — брезгливо поморщился Костя.

— И пошло, — добавил Глеб.

Гусев не нашел, что ответить, и поспешил ретироваться.

— Черт побери, чуть Веру не заложил! — с досадой сказал Костя.

— Какую Веру? О чем, собственно, вы говорили? — спросил Глеб. — Я ни черта не понял.

— Вера — преподавательница с кафедры иностранных языков, которую они брали в поездку в качестве переводчицы (они же ни одного иностранного языка не знают), — рассказала мне в подробностях, как этот пресмыкался и на пузе ползал перед ректором и как омерзительно вели себя их жены. Я не смог сдержаться и наплел ему про рукопожатия. Пусть подергается.

— Так вот оно что... — задумчиво протянул Семен. — Ну, вот пазл и сложился. Вы уж, ребята, простите, что я вам раньше не сказал. Пару недель назад вызывает меня ректор и ласково так, можно сказать, по-отечески сообщает, что он в связи с моими грядущими выборами прощупал общественное мнение и понял, что совет намерен проголосовать против

моей кандидатуры. Поэтому мне, чтобы избежать неловкой и неприятной ситуации, лучше остаться на кафедре в прежнем качестве, то есть профессором, а он на должность декана предложит кандидатуру популярного и всеми любимого Гусева. Я тогда еще подумал, что, оказывается, для продвижения по службе вовсе не нужно быть высококлассным специалистом — вполне достаточно страдать обильным слюнотечением и страстным желанием умащать этим физиологическим выделением зад начальства. Благо оно явно получает от этого удовольствие. А дело, оказывается, вот в чем.

— А зачем ему, композитору, эта хлопотная должность? — недоуменно спросил Глеб.

— Так если бы он был композитором, а не скупщиком песен, так и ни к чему, но ведь он же скупщик! — брезгливо произнес Костя. — А ты не уходи, Сеня, давай-ка поборемся.

— Ну что ты, я только рад, что подвернулся случай, чтобы уйти отсюда! Работать давно уже стало невозможно.

— Ты прав, — согласился Костя. — Скажу больше: противно! И все-таки, почему должны уходить мы? Надо сделать так, чтобы ушел он.

— А административный ресурс? Ты посмотри на этот жалкий совет! Мы, пенсионеры, считаемся там молодежью! Все эти старики засыпают и просыпаются со страхом, что их попросят с вещами на выход. Своими контрактами, ежегодными

конкурсами он выдрессировал их так, что они готовы, не слушая, проголосовать за любое решение, предложенное им. Допригибались! Нет, я уйду в консерваторию — меня туда с самого начала наших пресловутых реформ зовут.

— Я тоже уйду за компанию, только на пенсию, — заявил Глеб. — Заведу кур, козу, буду делать вино. В прошлом году винограда собрал около ста килограммов — не знал, куда девать. Заживу себе спокойно и счастливо на подножном корму.

— Кур он разведет! — рассмеялся Семен. — Ты ведь сибарит, а они запрещали держать в округе петухов, чтобы те не будили их.

— Послушай, Сеня, касательно анекдота... — начал Костя, стараясь не встречаться взглядом с другом. — Я его знаю: остроумный, адекватный отклик на проблемы ЖКХ. Но слышал его в ролевой позиции: муж — жена. Уверен: он так и был задуман. Галопирующие цены на коммунальные услуги — проблема всех, а будучи швалью, Гусев, как всегда, приплел сюда еврейскую тему.

— Ну да, «если в кране нет воды — значит, выпили жиды»... А знаешь, я не отвечу тебе: «Ничего, привык». Я в таких случаях рассуждаю как Сократ: «Говори-говори — я хочу знать, кто ты есть».

Когда мне было двенадцать лет, меня отправили в пионерский лагерь. Там я влюбился в одну

девочку. Но у меня появился соперник, мерзкий такой парнишка, который, как водится в таких случаях у подлецов, стал обзывать меня жидом, строить всякие козни, подставлять. В результате ему удалось настроить против меня весь отряд — и началась жестокая травля.

— Ну да, во всех подростках живет немотивированная жестокость, которая проявляется при малейшем толчке, — заметил Костя.

— Остаться в лагере было невыносимо, и я сбежал. Добрался до вокзала, сел в электричку, но поскольку денег у меня не было и ехал я, естественно, зайцем, контролеры меня высадили и сдали в милицию.

Из лагеря меня, конечно, исключили. Когда приехал отец, он не ругался, а лишь спросил: «Что стало причиной побега?»

Я ответил, что меня обзывали жидовской мордой.

Мы отправились на берег Финского залива и расположились на огромных валунах. «Я собирался поговорить с тобой об этом чуть позже, но, похоже, сейчас самое время. Прости, что не сделал этого раньше. Ты наверняка много раз слышал слово “антисемит”. Антисемитизм — это одно из проявлений человеконенавистничества. Всякий антисемит с презрением относится не только к евреям, но и ко всем людям другой национальности. Для антисемита-татарина русские не лучше евреев, а для антисемита-русского и татарин недочеловек,

и грузин черный. Националисты — ущербные люди, ненавидящие все другие народы. Ненависть еще никого не возвышала, но многократно уничтожала, причем не только отдельных людей, но и целые народы.

Антисемиты-фашисты не ограничились уничтожением евреев — они объявили неполноценными всех славян, а себя провозгласили высшей расой. Но на этом они не остановились. Нацисты добрались и до соотечественников, уничтожив всех гомосексуалистов, инвалидов, душевнобольных. Но им и этого было мало — в концлагерях оказались все инакомыслящие немцы.

Национализм — это человеконенавистничество, порожденное собственной несостоятельностью, это стремление выделиться посредством подавления и уничтожения других, более талантливых, энергичных и сильных.

Ну а тех евреев, которыми гордится все человечество, я называть не стану — их имена ты и сам знаешь».

До этого разговора с отцом все антисемитские выпады я принимал на свой счет. Под влиянием отца у меня сформировалась устойчивая установка на то, что я еврей — представитель носителей великой культуры, — а тех, кто пытается на основании национального признака кого-то унижить, мне просто жалко. Это чаще всего либо ничтожные, ограниченные люди, либо те, кто не смог себя реализо-

вать и готов обвинять в этом всех и вся, в том числе и евреев. Хотя, пожалуй, никому другому так не мешают самореализоваться, как евреям. И каков результат?

— Я давно пришел к выводу, — сказал Глеб, — что в основе характерологических признаков лежит не национальность, а культура того или иного этноса, обусловленная историей народа, географией проживания и прочим. Одна этническая группа, разделенная территориально в результате исторических катаклизмов, может родить две различные этнокультуры.

— И тому есть множество подтверждений, — оживился Костя. — У людей одной и той же национальности, но разного вероисповедания разные черты национального характера, подчас диаметрально противоположные. Я уже не говорю об этносах, разделенных географически, живущих в горной и равнинной местностях. Ментальность не наследуется, а приобретает в процессе воспитания.

На кафедру иностранной литературы вбежал взъерошенный Семен.

— Ты смотрел повестку дня ученого совета? — задыхаясь, спросил он Глеба.

— Нет, а что?

— А Костя тебе ничего не говорил по поводу объединения факультетов?

Поняв по глазам Глеба, что тот совершенно не понимает, о чем идет речь, Семен сунул ему в руки листок с повесткой дня очередного заседания совета института, где последним пунктом значилось: «Об объединении факультета семьи и детства с факультетом менеджмента».

Друзья бросились к Косте. Тот в самом мрачном расположении духа сидел в кресле, пустым взглядом уставившись в никуда.

— Кофе будете? — буркнул он вместо приветствия.

— Какой кофе?! — закричал Семен. — Мы только что узнали, что тебя объединяют! С какой стати, на каких условиях?

— То, что я сейчас расскажу, больше походит на фантазмагорию, но поверьте: это чистая правда! Третьего дня ректор вызвал меня к себе в кабинет и спросил: «Вы смотрели вчера новости?» — «Ну да, смотрел». — «Стало быть, вы знаете о посещении президентом театра». — «Вы о разводе? Оригинальная форма подачи информации». — «Давайте не будем обсуждать поступки нашего президента, — резко оборвал он меня. — Да и позвал я вас вовсе не за этим. Ваш факультет необходимо закрыть». — «Это почему, и какая здесь связь?» — возмутился я. «А такая, что слово “семья”, имеющее место в его названии, будет теперь действовать на всех чиновников как красная тряпка на быка. Нам не просто перестанут давать деньги, а при каждом удобном

случае станут пинать — и по поводу, и без». Я не верил своим ушам. Все это походило на какой-то нелепый розыгрыш. «Не может быть, чтобы вы говорили это серьезно...» В глубине души я надеялся, что Кежаев рассмеется и скажет: «Ну что вы, конечно же нет! Я вызвал вас совсем по другому поводу». Но нет. Вместо этого ректор начал ораторствовать, что он поражен моей политической близорукостью и что я абсолютно не понимаю, как работает административная машина.

Словом, он принял решение объединить мой факультет с факультетом менеджмента, причем возглавить это новообразование он предлагает мне, поскольку считает, что Агеев, декан факультета менеджмента, на эту роль не годится, да и вообще ему давно пора отправиться на покой. «Ну, и как вам такая идея?» — спросил он меня, закончив разворачивать передо мной громадьё своих планов. «Идея архискверная, — отрезал я. — Во-первых, не думаю, что сейчас начнут лихорадочно закрывать все социальные институты, связанные с семьей. Во-вторых, мы никак не совместимы с факультетом менеджмента. И, наконец, самое главное: факультет — это смысл и цель всей моей жизни, причем не только моей, но и еще нескольких десятков коллег. За двадцать лет мы создали мощнейший организм, по масштабам равный любому провинциальному вузу. И вы думаете, мы так просто дадим уничтожить наше детище?» — «Я уже принял решение

и отступать не намерен», — заявил ректор. «Объединение факультетов — прерогатива совета, а его члены, я полагаю, еще не окончательно утратили здравый смысл». — «Вот и посмотрим. Я вас больше не задерживаю. Вздумаете упоминать о президенте — скажу, что вы все это выдумали», — бросил он мне в спину.

— Послушайте, его самоуправство переходит все мыслимые границы! Он одно за другим принимает решения, ведущие к уничтожению вуза. Такими темпами мы скоро превратимся в лучшем случае в ПТУ, — возмутился Глеб.

— А что вы хотите? — заметил Семен. — Неограниченная власть, которой он добился, играя на человеческих слабостях и используя административный ресурс, вызывает деформацию личности, так называемый гибрис-синдром — гипертрофированное самолюбие, уверенность в собственной непогрешимости плюс совершеннейшее неприятие инакомыслия.

— Надо напомнить ему, что в античной традиции вызывающе дерзкое поведение людей боги расценивали как вызов и наказывали их, — сказал Глеб.

— Да, ты еще непременно напомни ему, что злодеяния Калигулы и Нерона стоили им жизни! — усмехнулся Семен.

— Вот! — многозначительно подняв палец, произнес Костя. — Именно так я ему и скажу на заседании совета.

— И последнее, что нам предстоит обсудить сегодня, — это вопрос об объединении факультета семьи и детства с факультетом менеджмента, — с нарочитой усталостью произнес ректор. — Мы вынуждены пойти на это в целях экономии средств и оптимизации учебного процесса.

Все острые вопросы он ставил в конец повестки дня, на то время, когда престарелым членам совета будет уже не до обсуждений. Измученные нудными, по сути своей ни о чем, разглагольствованиями ректора по поводу малозначимых проблем, к концу заседания они чувствовали себя, словно скот в тесном загоне, и жаждали освобождения. И, услышав фразу «Все свободны», почтенные профессора вскакивали со своих мест и со счастливыми лицами устремлялись к выходу.

— Если нет возражений, приступим к голосованию.

— Есть возражение, — бросил с места Константин. — Прошу слова.

Он взошел на трибуну и, обведя зал испытующим взглядом, начал свое выступление:

— Нам предлагают принять решение, а мы безропотно готовы его поддержать безо всяких вопросов и обсуждений. Принятие подобных непродуманных, если не сказать губительных, решений привело к тому, что мы лишились статуса университета.

Возникает вопрос: зачем объединять два факультета, не имеющих ничего общего, кроме системы организации учебного процесса? Зачем из двух успешных факультетов создавать гигантское структурное подразделение с пятитысячным контингентом студентов? Нам говорят об экономии средств, но где она, покажите! Все ставки рассчитаны исходя из количества учащихся. Нам говорят об оптимизации, но, увы, эта самая оптимизация вот уже четвертый год сводится к разрушению всего, что созидалось десятилетиями.

Создается впечатление, что ректор пришел сюда с одной-единственной целью — уничтожить вуз — и теперь переходит к следующему этапу ее осуществления. Что вы называете оптимизацией? Проведение выборов преподавателей сроком на один год вместо традиционных пяти? В результате бóльшая их часть покинула вуз, а теперь уже уходят те, кто пришел на их место. Или оптимизацией вы называете катастрофическое сокращение часов по гуманитарным дисциплинам? Поздравляю: теперь наши выпускники не знают не только литературы и искусства, но даже истории своего Отечества. А может быть, в вашем понимании оптимизация учебного процесса — это единоличное управление, основанное на беспрекословном исполнении ваших распоряжений и жестоком наказании всех несогласных?

Вы анализируете свои действия, вы отдаете себе отчет в том, куда это вас заведет? Еще Аристо-

тель писал о том, что человек, наделенный властью и при этом всячески демонстрирующий свое превосходство, плюющий на мнение других, уверовавший в свою непогрешимость и взирающий на всех с оскорбительным высокомерием, обречен на гибель. Судьбы Калигулы и Нерона — яркие тому подтверждения.

Вспышки ярости и натиск ректора можно было победить только собственным спокойствием и твердостью в отстаивании своей позиции, на что у подавляющего большинства не хватало ни сил, ни смелости. При жестком отпоре Кежаев терялся, становился жалким и тусклым.

В зале наступила гробовая тишина. Члены совета судорожно пытались понять, что происходит. Раз Константин Константинович так уверенно клеймит начальство — значит, это, скорее всего, часть сценария, разработанного во властных структурах с целью убрать ректора. Не самоубийца же он! Что делать: поддержать его или будет разумнее промолчать и посмотреть, как будут развиваться события дальше? Всем им было очень не просто сделать выбор.

Обстановку разрядила проректор по учебной работе Алла Григорьевна:

— Да как вы смеете клеветать на нашего всеми уважаемого ректора?! — гневно заверещала она и топнула ножкой. Ее старушечье лицо покрылось безобразными пятнами, ручки затряслись. —

Только вы и ваши друзья-приятели не желаете признавать, как много он сделал для сохранения вуза!

— Ректор запретил мне об этом говорить, но сейчас я все-таки скажу: нас вообще хотели закрыть, а Александр Степанович не дал, — не моргнув глазом, соврал Сергей Федорович Пряучаев.

— Это возмутительно! Лишить его слова! Мы не желаем этого слушать! — загудел зал.

— Вообще-то, это выступление не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу, — обрел наконец дар речи Кежаев.

— Очень даже имеет, — возразил Константин.

— Тогда голосуем, — заявил уже окончательно пришедший в себя ректор. — Итак, кто за то, чтобы не заслушивать выступление Сухова, не связанное с повесткой дня?

В зале взметнулся лес рук.

— Единогласно, — не скрывая злорадства, констатировала Алла Григорьевна.

— А я против! — прогремел Глеб.

— И я тоже, — поддержал его Семен.

— Ну разумеется, кто бы сомневался! Как всегда, шайка возмутителей спокойствия! — язвительно заметила Алла Григорьевна.

— Я приму к сведению ваше мнение, — заявил ректор. — Правда, в сложившихся обстоятельствах оно не имеет никакого значения. А вас, Константин Константинович, прошу занять свое место. Как выяснилось, совет вовсе не расположен выслушивать

ваши эмоционально неуравновешенные заявления не по существу. Переходим к голосованию по вопросу об объединении факультетов.

Из дневника Глеба:

Костя и Семен уволились. Я чувствую себя предателем. Редкий случай, когда не могу разобраться в себе. Не пойму: либо это действительно так, либо всего лишь жалкое самооправдание, но, похоже, не уйду я из-за Полины. Никто со мной об этом не говорит, даже Костя с Семеном, но все знают о наших с ней отношениях. Боюсь, ее сожрут сразу же, как только я уйду. Решено: устраиваю ее на другую работу и ухожу.

Костя создал психокоррекционный центр, и теперь друзья все чаще собирались у него в офисе.

Когда Глеб пришел на очередную встречу, Костя с Семеном о чем-то отчаянно спорили.

— Нет, Костя, это не основание. Потому что после, как ты выражаешься, нелегитимного отторжения Крыма от Российской Федерации в пользу Украины был Будапештский меморандум девяносто четвертого года о признании существующих границ взамен отказа Украины от ядерного оружия. К тому же если мы будем опротестовывать дела давно минувших дней, начнется великий передел, что неминуемо приведет к новой мировой войне.

— Сеня, я скрепя сердце согласился бы с тобой, если бы не было Косовского прецедента. К тому же Косово образовалось в результате голосования парламента, а в Крыму прошел референдум.

— Если я правильно понимаю, речь идет о Крыме, — вступил в разговор Глеб. — Здесь нет и не может быть более авторитетного эксперта, чем я, поскольку я — уроженец этого многострадального полуострова. Так вот, Крым — наш!

— Ну вот, ты, Сеня, в меньшинстве, на этом объявляю дискуссию законченной.

— Да нет же, не думаю. Крым наш — греческий, ведь нет данных, указывающих на то, что там был кто-то до прихода греков. Пантикапей, основанный там, где ныне находится современная Керчь, еще в седьмом веке до нашей эры, был, пожалуй, первым городом, появившимся на Крымском полуострове. И основали его, как известно, греки. Народы приходили и уходили, государства возникали и исчезали, а греки оставались. Уже в первом веке нашей эры все Причерноморье, включая Крымский полуостров, было усеяно греческими городами-колониями.

Так что Крым наш — греческий. Ну а чье подданство мы предпочитаем — это решать опять же нам, грекам.

А если совсем серьезно, то на протяжении последних двухсот с лишним лет в Крым непрерывно приезжали военные моряки с семьями для прохождения службы после окончания военно-морских

училищ, причем, как правило, питерских. Например, мой отец. И, как вы догадываетесь, они с удовольствием там оставались. Так что сегодня, и это при существенном оттоке в девяностые годы, Крым на шестьдесят процентов населен русскими. Шесть с лишним процентов греков, евреев, армян и так далее по разным причинам еще более пророссийские, чем русские. Крымские татары, а их всего двенадцать процентов, — фифти-фифти. Половина из них определенно не за Украину, от которой они за двадцать лет не получили ровным счетом ничего. А все вместе они претендуют на самостоятельное крымское ханство. Но кто им *дасьть*?

— А что насчет украинцев? — поинтересовался Костя.

— Не знаю, как они голосовали на референдуме, но проводись он сегодня, они — крымские украинцы, напуганные до смерти угрозами из Киева в их адрес и беспределом, творящимся на границе, — еще до открытия участков будут стоять там, чтобы проголосовать за присоединение к России. Вы уж мне поверьте: я езжу туда несколько раз в год и ситуацию знаю изнутри. Так что не понимаю, почему власти боятся провести повторный референдум под контролем международных наблюдателей. Крымчане в подавляющем большинстве выскажутся за Россию.

— Это аргумент на сегодняшний день, — заметил Семен, — а международные соглашения надо выполнять всегда.

— Послушай, Глеб, а как случилось, что твоих родственников не выслали из Крыма? — спросил Костя.

— Дело в том, что несколько семей, отцы которых воевали и вернулись живыми, не были высланы. В их числе оказалась и семья моей мамы. Ее отец, мой дед, прошел всю войну и орденоносцем вернулся домой, где его ждали чудом выжившие жена и две дочери. Выслать их не посмели.

— А греков-то за что выслали? — возмутился Семен. — Они же всегда были лояльны и к царской России, и к советской власти. Насколько я помню, во время русско-турецких войн греки всегда поддерживали Россию.

— Более того, в благодарность за это Екатерина II выделила греческим переселенцам, бежавшим от турок, около половины всей площади Крымского полуострова.

А в конце войны, точнее — в сорок четвертом году, греков выслали за компанию. В отличие от крымских татар, ни один грек не воевал на стороне фашистов. Более того, в годы войны греки страдали от оккупации наравне с другими. В сорок втором, например, за поддержку партизан немцы полностью уничтожили греческое село близ Бахчисарая.

Уже потом, задним числом, когда всех, за мизерным исключением, выслали, придумали формулировку: «За пособничество врагу». Население всей оккупированной части Советского Союза вы-

нуждено было работать на немцев, иначе смерть. Однако после войны греков почему-то выслали, а русских — нет. Я думаю, власти испугались скопления греков на небольшой территории Крыма — вот и убрали их за компанию.

Видимо, Сталин не забыл о Понтийской республике — греческом государстве, де-факто существовавшем на территории Турции с тысяча девятьсот семнадцатого по тысяча девятьсот двадцать второй год, — и, опасаясь подобных прецедентов в Крыму, решил избавиться от самого объекта проблемы, то есть от греков. А возможно, опасался, что они станут пятой колонной, в случае если Англия и Штаты развяжут войну против СССР. Во всяком случае, каких-либо реальных причин для высылки греков из Крыма однозначно не было. Так что это, безусловно, чисто превентивная мера, — с горечью констатировал Глеб.

— Прав был Фейхтвангер, когда писал: «Всякая политика есть свинство». А я считаю, что совсем уж запредельное свинство — когда сознанием людей манипулируют власти их собственной страны, — заметил Семен. — Меня в последнее время не покидает ощущение, что мы живем на Украине. На всех каналах с утра до ночи обсуждается украинский кризис, как будто у нас своих проблем нет.

— Давно доказано, что наиболее важными люди считают именно те проблемы, которые подробнее и чаще всего освещаются в средствах массовой

информации. В результате их манипуляций часто комар в сознании обывателей превращается в слона и наоборот, — заявил Костя.

— А что обсуждать, если у нас в стране, как в раю — тишь да благодать! — с сарказмом бросил Глеб.

— Когда возникает «неудобная» проблема типа падения уровня жизни, — продолжал Костя, — пропагандистская машина пытается отвлечь внимание людей от нее посредством интенсивного и, как это часто делается у нас в силу непрофессионализма, агрессивного насыщения информационного пространства иными событиями. С тем чтобы люди более эмоционально воспринимали навязанную проблему; чтобы не сосредоточивались на своей, более актуальной; чтобы не размышляли и не анализировали; чтобы в зародыше подавить критические настроения, тем более протестные. Вот потому-то информационные сюжеты изобилуют кровавыми сценами и сценами насилия. Это заставляет людей бояться. А находясь в таком состоянии, они очень часто совершают действия, которые им совершенно не выгодны.

— Но в какой-то момент пустой холодильник становится убедительнее пестрящего событиями телевизора, который люди перестают слышать. Нельзя посредством психологического шока внушить мне политическую идею. Напугать можно, убедить — нет, — настаивал Семен.

— В таком случае целенаправленно нагнетается какая-то важная для людей проблема, лучше всего — реально существующая. Например, угроза терроризма. Чрезмерное внимание к ней СМИ имеет целью взбудоражить народ, вызвать протестную реакцию, чтобы люди сами потребовали покончить с этой проблемой. И тогда им не до таких мелочей, как пустой холодильник.

— Меня в этом контексте больше волнует вопрос, кто именно является проповедником государственной политики, — заметил Глеб. — Лично я абсолютно советский человек, и потому готов идти на баррикады ради Отечества и своих убеждений. Но! Включаю телевизор — и вижу на экране типа, как там его... не могу сейчас вспомнить фамилию... ну, да это и не важно, — который призывает всех говорить правду, а сам постоянно нагло и цинично лжет, да и поет явно с чужого голоса. У таких как он за душой нет ничего святого — для них кто платит, тот и бог. Естественно, у меня возникает чувство протеста. Нет, я не отказываюсь от своего мировоззрения. Оно — мое. Но на баррикады уже не рвусь, потому что со знаменами там будут стоять подобные ему типы. Причем не в авангарде, а где-нибудь в безопасном местечке, чтобы в случае чего можно было быстро слинять и переметнуться в стан более сильного противника.

— Я вот совершенно не понимаю, — недоумевал Семен, — неужели руководители СМИ не фиксируют психологическое восприятие аудиторией

носителей информации? Вот, например, ведущая Первого канала такая милая и славная, что с удовольствием веришь всему, что она говорит. Но сейчас на экране все чаще появляются личности, напроць лишенные какой бы то ни было харизмы, в том числе многочисленные политологи и иже с ними. Один без конца, по поводу и без, мерзко ухмыляется, другой орет как оглашенный, третий, войдя в раж, брызжет бешеной слюной... Духераздирающее зрелище! Если даже в принципе ты с ними согласен, все равно на эстетическом уровне происходит отторжение и твой личный энтузиазм сходит на нет.

— А еще взяли моду для усиления эмоционального воздействия демонстрировать так называемое социальное одобрение, включая запись шума в зале, — добавил Костя. — Ну ладно бы делали это с умом, а то взяли пятисекундный фрагмент и присобачивают его к месту и не к месту. А знаете, я тут вспомнил, как еще в девяностые годы ученые обнаружили, что благое намерение сгладить монотонность работы за компьютером посредством воспроизведения звукового фона лесной жизни привело к обратному эффекту — психологическому срыву бедных компьютерщиков. «Как? — спросите вы. — Идея-то ведь определенно хорошая». И результат был бы такой же, если бы не ограничились бесконечным повторением десятиминутной записи. На слух это не воспринимается, но мозг четко фик-

сирует повторы, которые в результате не способствуют расслаблению, а, напротив, раздражают человека. Пропаганда — это наука, а не оголтелый ор.

Они могли так спорить часами, а еще говорить о самом сокровенном или просто болтать о пустяках, получая огромное удовольствие от общения друг с другом.

Глеб давно мечтал показать Полине Грецию — родину своих предков. Но когда наконец появилась такая возможность, возникла неожиданная проблема: на этот раз ей не с кем было оставить Егора. Кирилл, который всегда радовался возможности провести время с сыном, уехал в Германию на симпозиум хирургов, а ее лучшая подруга Светка в очередной раз вышла замуж и опять неудачно — ее новый муж оказался алкоголиком, и потому вариант пристроить мальчика к ней даже не рассматривался.

— Ну что ж, значит, мы возьмем его с собой, — решительно заявил Глеб.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Полина, не волнуйся, — поспешил успокоить ее Глеб, с присущей ему чуткостью мгновенно поняв причину ее сомнений. — Разумеется, мы поселимся в разных номерах. Ну так как, едем?

— Едем, — смеясь, ответила Полина.

Из дневника Глеба:

Как мало нужно для счастья! Красивая природа, рядом любимая женщина и ее славный сын, жестом, взглядом и словом умножающий ее.

Я получил огромное удовольствие от поездки в Грецию. Мне очень хотелось показать Полине легендарную Элладу, родину моих предков. Признаюсь: в мои планы вовсе не входило путешествовать вместе с Егором; честно говоря, учитывая его возраст, я опасался столкнуться с таким подростковым выпендрежем. Но он оказался на редкость дружелюбным и очень приятным в общении парнишкой, к тому же чрезвычайно любознательным. С ним я погрузился в безмятежное детство. Безумие потока времени исчезает, когда мы входим в мир ребенка. Среди чудес света самое прекрасное — дети. Общаюсь с ребенком, возвращаешься к собственным истокам. Интересно, что я не испытал к Егору ревности за то, что Полина уделяла ему наше время. Такое чувство, будто я общался сам с собой. Правильно сделал Зевс, избавив мир от детоубийцы Крона.

Из Питера они вылетали в дождь. Промозглая погода и температура воздуха +5 в июне никак не напоминали лето. Салоники встретили их теплом и солнцем. Прямо в аэропорту взяли напрокат машину и поехали в город.

— Бегло осмотрим Салоники — и в отель, — заявил Глеб Владимирович и вырулил на трассу, ведущую в город. — В Салониках мало достопримечательностей. Вот одна из них — Триумфальная арка. Построена в честь победы греческого правителя Галерия над персами в триста третьем году. Чуть правее — остатки его дворца. Сейчас поедем вон к тому холму, где виднеются крепостные стены.

Маленькие, уютные, обвитые виноградом и утопающие в цветах домики на узких извилистых улочках древней части города резко контрастировали с современными зданиями, уныло тянувшимися вниз до самого моря. Из многочисленных таверн доносились запахи свежее испеченного хлеба и жареного мяса. Звучащая оттуда музыка создавала ощущение праздника.

— Смотрите, отсюда весь город как на ладони, — сказал Глеб и подвел их к крепостной стене. — Вон, видите, внизу у моря стоит Белая Башня — символ Салоников.

— Какое море! — восхищенно воскликнул Егор. — Вот бы сейчас искупаться...

— Не переживай, — успокоил его Глеб, — до захода солнца далеко, и ты еще сегодня вдоволь купаешься. Сейчас перекусим — и в отель.

Отель был роскошным и в то же время домашнему уютным. Прямо из номеров можно было

выйти на пляж. Несколько шагов по нежному песку — и ты в ласковой прохладе Эгейского моря.

Обустроившись в отведенных им номерах, они все вместе отправились на пляж. Егор ни на шаг не отходил от Глеба, и того, похоже, это не тяготило. Оба с дикими воплями тут же побежали купаться, а Полина осталась на берегу, с улыбкой наблюдая, как двое самых дорогих ее сердцу мужчин резвятся в воде, словно малые дети.

В ясную погоду с берега просматривался Олимп.

— Чтобы вас не разочаровывать, на Олимп не повезу. Там красиво, но нет ничего примечательного. У меня тут возникла идея: давайте каждый вечер по очереди рассказывать легенды и мифы Древней Греции, — сказал Глеб Владимирович. — Егор, ты подготовился к поездке, читал что-нибудь о Греции?

— Да, мама дала мне мифы Древней Греции и путеводитель. Правда, путеводитель я прочел не весь.

— А мифы?

— Мифы успел.

— Отлично! Сегодня рассказываю я, завтра — ты, а потом мама. И так — по кругу, пока не иссякнем.

Вечерами они устраивались на берегу и под шум прибоя рассказывали друг другу о великом Хаосе, породившем темную Ночь и светлый День; о Кроносе, отнявшем власть у Урана; о верховном боге

Зевсе, наделившем людей судьбой, законом, совестью и добром, злом и бесстыдством; о других богах Олимпа и их обязанностях.

Полина умилялась и с трудом сдерживала смех, когда воодушевленный похвалой Егор то и дело высокопарно ссылался на Гомера, Овидия и Еврипида.

Через каждые два дня, проведенные у моря, Глеб Владимирович показывал им очередную жемчужину Греции.

— Сегодня, друзья мои, я покажу вам парящие в воздухе скалы. Именно так переводится греческое слово «meteora». Это феноменальный природный заповедник, там на вершинах Фессалийских скал еще в девятом веке монахи-отшельники построили монастыри.

Путь был неблизкий, но добрались легко. Грецию Глеб Владимирович знал, как собственную квартиру. Они то и дело останавливались в живописных местах или у очередной достопримечательности. Привалы сопровождались захватывающими историями.

— Вот они, Метеоры. Некоторые из них до шестисот метров высотой. Эти скалы сформировались примерно шестьдесят миллионов лет назад. Тогда здесь было море. В нем и образовались массивные каменные столпы. Море ушло, а они остались, — рассказывал Глеб.

Снизу устремленные в небо скалы выглядели величественно и загадочно. На вершинах, покрытых зеленью, виднелись постройки. Это были монастыри. Монашеские кельи, словно гнезда ласточек, лепились к скалам одна над другой.

— А как туда забираются? — заинтересовался Егор.

— К некоторым из монастырей проложены мосты — туда мы и отправимся. Но обрати внимание вот на ту скалу. Там тоже построен монастырь, только к нему мост не ведет. Теперь присмотришься к ее левой части — и ты увидишь лебедку. Доставка всего необходимого на вершину и поныне осуществляется с помощью веревок, к которым привязаны корзины.

Егор буквально засыпал Глеба вопросами, а тот терпеливо и подробно отвечал на них.

— Егор, угомонись! — попыталась остановить его Полина. — Глеб Владимирович, наверное, уже устал от тебя.

— Ну что ты, мне чрезвычайно приятно общаться с таким любознательным молодым человеком! — успокоил ее Глеб. — К тому же, как вы заметили, я с удовольствием и гордостью рассказываю о Греции, ведь мои предки родом отсюда. Так что позволь мне вволю потешить свое самолюбие!

В знак благодарности Полина незаметно крепко пожала его руку.

— Сегодня мы увидим самую драгоценную жемчужину Греции — гробницу царя Македонии Филиппа II, — объявил Глеб.

Два часа в пути — и они оказались в маленьком городке Вергине. В его окрестностях в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году (по историческим меркам — совсем недавно) археологи обнаружили курган с гробницами отца и сына Александра Великого — македонских царей Филиппа II и Александра IV.

— Древний курган напоминает сокровищницу царя Соломона с золотыми ларцами и венцами, оружием и доспехами, многочисленными украшениями, миниатюрными скульптурами, — начал свой рассказ экскурсовод. — По количеству найденного золота и других драгоценностей курган не уступает открытой Генрихом Шлиманом Трое.

В музее, оборудованном по последнему слову техники, хранились бесценные сокровища: позолоченный венец из дуба — священного дерева Зевса, — великолепные ювелирные украшения, многочисленные изделия из золота и серебра, искусно изготовленная утварь.

Отдельную витрину занимали военные доспехи царя. Отлично сохранившуюся кольчугу спереди украшала львиная голова, а сзади — изображение богини Афины Воюющей. Его золотой церемониальный щит был инкрустирован слоновой костью.

В ларце из литого золота покоились останки самого Филиппа II.

— Обратите внимание: в этом музее в основном скульптуры из бронзы. Мало кто знает, что известные всему миру мраморные, так называемые древнегреческие, статуи — это по большей части римские копии. Греки же предпочитали работать в бронзе, способной передать мельчайшие детали. Присмотритесь к этой статуе. Видите у нее кутикулы на пальцах? А картины в ту пору писали такие, что птицы прилетали клевать виноград с живописных полотен, — с гордостью заметил Глеб.

— Музей какой-то мистический, — заметила Полина. — Как толькоходишь в курган, по всему телу начинают бегать мурашки, а внутри него возникает ощущение, будто какая-то неведомая сила перенесла тебя на два с половиной тысячелетия назад. Потрясающе!

— Да уж... — только и смог выдать из себя потрясенный увиденным Егор.

Перед отъездом Глеб повез Полину и Егора в древний город Филиппы, основанный Филиппом II.

Их путь пролегал по высокому скалистому берегу Эгейского моря. В особенно живописных местах они спускались вниз, чтобы искупаться. Обедали в рыбацкой таверне, которая одиноко стояла на ска-

ле, выступающей далеко в море. Несмотря на сильный ветер, расположились на террасе. Волны с разбега бились о камни, и водная пыль освежала их разгоряченные лица. Хозяин с типичным для рыбака обветренным и загорелым лицом на ломаном английском языке предложил им меню. Глеб заговорил с ним по-гречески, и тот, растроганный, приготовил для них только что выловленную дорадо.

— Здесь мы осмотрим развалины древнего города, — объявил Глеб, остановив машину напротив величественной арки. — Но главная его достопримечательность — театр, построенный в четвертом веке до нашей эры, во времена Филиппа II. Позже его перестраивали для проведения гладиаторских боев, а сейчас в восстановленном театре проходит летний театральный фестиваль, где ставят пьесы древнегреческих драматургов. Сегодня будут давать драму Аристофана «Плутос».

С замиранием сердца смотрели они спектакль, который в этом же театре и, возможно, в точно такой же постановке видели эллины две тысячи четыреста лет назад.

То ли от счастья, то ли от сострадания к себе каждую ночь Полина плакала, уткнувшись в подушку. И чем внимательнее и заботливее относился Глеб Владимирович к Егору, тем горше были ее слезы.

Она согласна была прожить полжизни, но с ним. С ними — сыном и мужем в крепкой счастливой семье.

Поздней осенью устроили мальчишник у Глеба на даче.

После бани и сытного ужина расположились у камина.

— Ну вот, приглашал на мальчишник, а сам организовал субботник. Столько перепахать, прополоть, спилить — и все за один день! Немыслимо! Я даже в студенческие годы на картошке так не вкалывал — теперь пошевелиться не могу, — прокряхтел Костя.

— Да ладно тебе ворчать, лучше объясни мне, знаток душ человеческих, что со мной случилось, — попросил Глеб.

— А в чем, собственно, дело?

— Понимаешь, в День учителя в новостях показали сюжет, который снимался в университете, где преподает Вера, посвященный сорокалетию ее педагогической деятельности. Корреспондентка спросила у группы студентов: «А у вас есть любимые преподаватели?» — «Да!» — хором ответили они. «И кто же это?» Не сговариваясь, опять же хором: «Вера Николаевна Виноградова». — «А что она у вас преподает?» — «Человеколюбие», — вдруг выпалил один из студентов. «А что, разве есть такой предмет?» — удивилась корреспондент-

ка. После легкого замешательства одна девушка ответила: «Вообще-то, Вера Николаевна преподает литературу и учит нас видеть красоту человеческой души. Она считает, что литература, пусть даже трагическая, в конечном счете пробуждает человеколюбие».

Этот сюжет тронул меня до глубины души. Я как никто другой знаю, каким необыкновенным человеком надо быть и с какой самоотдачей надо работать, чтобы заслужить у студентов такое уважение и признание.

Не знаю почему, но я вдруг вспомнил, как впервые увидел умницу и красавицу Верочку, как отчаянно влюбился в нее с первого взгляда и как был счастлив, когда она ответила мне взаимностью. Вспомнил наши прогулки по ночному Питеру, наш первый поцелуй, нашу первую ночь... Господи, как же это было здорово!

И вот мы уже больше сорока лет вместе. Последние годы мы жили вместе скорее как старые добрые друзья, которым всегда есть о чем поговорить, но которые ложатся в общую постель исключительно для того, чтобы использовать ее по прямому назначению, то есть спать. Я всегда относился к своей жене с огромным уважением и считал ее подарком судьбы. За всю нашу совместную жизнь она не дала мне ни малейшего повода усомниться в ее честности и глубочайшей порядочности. Но былой страсти между нами уже не было.

Странное дело, но после того телевизионного сюжета, когда я увидел Веру как бы со стороны, я будто открыл ее для себя заново. Эта молодая, красивая, обаятельная и жизнерадостная женщина с необыкновенно умным лицом — моя жена? И в эту минуту я понял, что, как и прежде, очень люблю ее, и страсть к ней вспыхнула во мне с прежней силой.

Я выскочил на улицу, задыхаясь от волнения, добежал до цветочного магазина, купил огромный букет ее любимых алых роз, а по пути заскочил за тортом. Дома я положил бутылку шампанского в холодильник и с нетерпением стал ждать возвращения Веры. И когда она вошла в комнату, я кинулся к ней, как влюбленный мальчишка. Честно говоря, никогда не думал, что я, престарелый человек, на такое способен.

— А студентки до сих пор млеют от тебя, «престарелый человек», — заметил Семен. — И это мне доподлинно известно. Называют идеальным мужчиной — сам слышал.

— Ну что, душелюб и людовед, — обратился Глеб к Константину. — Как ты объяснишь сии произошедшие со мной метаморфозы?

— Признание Веры как авторитета для студентов, восхищение ею, да к тому же такое яркое, эмоционально окрашенное, возбудили в тебе чувства, с годами, безусловно, угасшие, но, судя по всему, не окончательно, — ответил Костя. — Вообще-то,

феномен признания необычайно мощный, если не основной, во взаимоотношениях людей. Сакраментальное: «Ты меня уважаешь?» есть их суть. Богач, которого не уважают, — духовный бедняк. Талантливый человек, не получивший признания, глубоко несчастен. И власть имущих, презираемых подданными, снедают злорадия и ненависть. Общественное признание и уважение — вот ключ к личному счастью.

В твоём случае публичное и восторженное признание Веры простимулировало психическую активность, способствующую выбросу гормонов радости, что и вызвало эмоциональное возбуждение. Но это скоро пройдет. В наши годы сильные эмоции вредны для здоровья. Сработают защитные силы организма — и твои эмоции вновь погрузятся в летаргический сон, — завершил Константин сеанс психоанализа.

Все расхохотались.

Глеб включил телевизор, и на экране появилось изображение диктора, который хорошо поставленным голосом сообщал новости:

— Дело об убийстве Бориса Немцова, одного из лидеров оппозиционного движения, близко к завершению. Пятеро задержанных непосредственных исполнителей дают показания. Три месяца назад они вошли в разбойную группировку и получили

казак от неустановленных следствием лиц на убийство политика.

— Ну, слава богу, нашли концы! — язвительно заметил Глеб. — А я уж, грешный, думал, что объявят очередной глухарь.

— Ну что ты — такое резонансное дело не могли оставить нераскрытым — Запад бы расшумелся, — а так все оперативно и четко: виновны «неустановленные лица», — с сарказмом произнес Костя, разливая бренди. — И попробуйте хотя бы заикнуться о том, что власти не заинтересованы в раскрытии убийства, а уж тем более, не дай бог, причастны к нему! Убийцы найдены, заказчики — неустановленные лица, так что все, вопрос закрыт.

— Да как хорошо закрыт! — с наигранным восторгом воскликнул Глеб. — Как политически дальновидно! Мало кто теперь не боится быть убитым чеченцами по приказу «неустановленных лиц». Ведь они — «неустановленные лица» — вездесущи. Они как тень: повсюду, но неуловимы.

— Полагаю, — язвительно заметил Костя, — теперь вся пятая колонна стройными рядами устремится за кордон или просто рассосется. Ведь «неустановленные лица» дали ясно понять: «Шельмовать мы себя не позволим, нас поддерживает народ, и именно он выдал нам мандат на ваше уничтожение».

— Что ты имеешь в виду? Что шельмовать — исламские ценности? — спросил Глеб.

— Да при чем здесь исламские ценности, чудак-человек! — взвился Костя. — Ты слышал, чтобы Немцов где-то публично выступал с критикой ислама? Так вот и никто не слышал, разве что у себя на кухне. «Неустановленные лица» сказали, что он неуважительно отзывался о Мухаммеде, и этого было достаточно. Приказы не обсуждаются.

— А что, «неустановленные лица» действительно во множественном числе? — спросил Семен.

— С одной стороны, да, но все они получают приказы от одного «неустановленного лица», воля которого приобретает силу закона, поэтому, строго говоря, «неустановленное лицо» одно. На том и зиждется порядок в России, — изрек Костя.

— «Неустановленное лицо», — сказал Глеб, — это круто, даже круче, чем «Тень» Шварца. Это не какая-то там черная тень чего-то светлого, это четкая концепция никогда, ни при каких обстоятельствах не устанавливаемого лица, сила которого — в неустановленности. Поэтому, граждане, будьте бдительны и патриотичны, чтобы ненароком не задеть чести и достоинства «неустановленного лица», ибо, если не дай бог такое случится, виновный незамедлительно и жестоко будет наказан.

Наступила томительная пауза.

— А давайте выпьем за свободу и демократию, — прервал молчание Семен.

— За свободу «неустановленного лица» творить несвободу? — с горечью спросил Глеб и, не чокаясь, выпил.

— Что вы хотите — идет борьба за существование. Естественный отбор природа не отменяла, и все живое на Земле подчиняется этому суровому закону. Выживает сильнейший, — решительно заявил Костя.

— И ты хочешь сказать, что это закономерный процесс? — возмутился Семен.

— Да, именно так. В противном случае, когда количество слабых систем станет преобладать над сильными, произойдет переход количества в качество — и цивилизация погибнет. Более того, данный закон экстраполируется и на политические системы, и на межгосударственные отношения, — ответил Костя.

— Но сенсационность в том, что выигрывает не самый мудрый, не самый великодушный и даже не самый сильный, а самый агрессивный и коварный. Не стану обременять вас описанием экспериментов в подтверждение этого тезиса, проводимых на братьях наших меньших, но поверьте мне: у нас, у людей все так же, как у них — крыс, волков и обезьян.

— Ну, ты так к социал-дарвинизму скатишься! Человеку более свойственны кооперация, взаимопомощь, а не жестокое соперничество в борьбе за существование. Более сильный — не обязательно правый, тем более совершенный, — возразил Семен.

— А кто сказал, что социал-дарвинизм — это плохо? Это все равно, что ругать солнце за то, что оно выжигает пустыню. Евгеника и расизм — вульгарное извращение дарвинизма. По-моему, очевидно, что обострение взаимоотношений между системами, режимами способствует выживанию одних и ослаблению, а может, даже гибели других.

— А по-моему, ты, Костя, загнул. Тогда войны и взаимное уничтожение неизбежны, — продолжал спорить Семен.

— Да, неизбежны. Одна система, более сильная, использует более слабую, что мы и наблюдаем в истории человечества. Правда, существует такое понятие, как цивилизация. Цивилизационные процессы, безусловно, направляют человечество в гуманное русло. Но тогда, если государства договариваются, что — заметьте — во все времена весьма зыбко, то отдельные люди, группировки, секты, политические течения выскальзывают из цивилизационного процесса и возникает терроризм. Все это описано в пророческом «Острове пингвинов» Анатоля Франса.

— Я, пожалуй, соглашусь, тем более что мы являемся свидетелями того, как целые государства ведут себя как бандиты, — заметил Глеб.

— Ты имеешь в виду нас? — спросил Костя.

— И нас, и их, и многих других.

— Как это все печально! — вздохнул Семен.

После поминок все разошлись, в кафе остались только Костя и Семен.

— Мы действительно его похоронили? — неожиданно спросил Костя. — Я никак не могу в это поверить. Еще неделю назад веселый, здоровый, он травил анекдоты, мы хохотали до слез, и вот теперь его нет с нами.

— Ты знаешь, Костя, я все эти дни разговариваю с ним во сне. Причем говорим мы исключительно о пустяках и все смеемся, смеемся... Эсфирь меня несколько раз будила с упреками — траур все же. А я ей: «Так Глеб-то меня и смешит — что я могу поделать?»

— Полагаю, это защитная реакция организма. Юмор не только оздоравливает, но и продлевает жизнь. На днях я был на столетнем юбилее своего знакомого. Мы подготовили ему в подарок танец восточной красавицы. И вот, когда она села к нему на колени и прикрылась газовым покрывалом, имитируя объятия, мы было забеспокоились: не упадет ли наш юбиляр от непосильной ноши? А он ей этак нарочито громко: «Я живу на Шестой Советской, дом пять, квартира сто двенадцать. Буду ждать тебя с нетерпением, красавица. Да адрес не забудь!» Все так и покатались от хохота.

— Да... Я бы с удовольствием погулял на столетнем юбилее Глеба.

— Не сочти, Сема, меня сентиментальным, но из всех школьных и институтских друзей ты

и Глеб оказались самыми близкими и преданными. Выбрали мы друг друга в зрелом возрасте, столько лет держались вместе и, что немаловажно, наши домашние тоже подружились. И вот теперь — такая утрата...

— Думаю, нервотрепка на работе его убил. Если бы он ушел из университета вместе с нами... Выходит, не уберегли мы его, а стало быть, хоть и косвенно, но тоже виноваты в его смерти.

— Ну, ты же, Сема, понимаешь, что не мог он оставить Полину на съедение этому монстру. Опять же, то, что ему приходилось метаться между двумя женщинами, тоже не могло не сказаться на его здоровье. Он и Веру не мог бросить, и от Полины отказаться тоже не мог. Несчастные мы, мужики. Страсть и секс лишь на поверхности житейского моря. В глубинах нечто большее.

— Ну что же, тогда за любовь, — сказал Семен и залпом допил водку.

Со дня смерти Глеба прошел год, и его отсутствие ощущалось во всем. Друзья теперь реже виделись, да и во время их встреч уже не было той атмосферы веселья и легкости, которую Глеб умел создать как никто другой.

Эсфирь по обыкновению позвала гостей на праздник Суккот. Над столом от люстры до стен были натянуты ленты, и комната напоминала шалаш.

— Раньше мы строили на балконе маленький шалашик, изредка сидели в нем на протяжении семи праздничных дней, а в этом году Семен придумал вот это. Теперь же, сидя за столом, мы, так сказать, соблюдаем традицию в комфортных условиях, — объяснила гостям Эсфирь.

— Да уж, ощущение голодной пустыни здесь сверхреалистичное! — иронично заметил Семен.

После обильного застолья друзья, прихватив бутылку коньяка, уединились в кабинете.

— Проезжал на днях мимо университета. Ты знаешь, даже не екнуло, — сказал Семен с деланным безразличием. — Просто здание, где когда-то работал. А ведь там прошла вся моя сознательная жизнь.

— Да там уж, поди, никого и не осталось после скандала, — ответил Костя.

— Какого именно?

— Что значит «какого именно»?! Это всем скандалам скандал! Неужели ты не слышал? Кежаев-то педофилом оказался.

— Да ладно? — воскликнул Семен, при этом лицо его выражало одновременно и возмущение, и злорадство.

— Так ты в самом деле не знаешь? Даже по телевидению сюжет прошел.

— Ну ладно, не томи, рассказывай.

— Около месяца назад активисты выловили по Интернету очередного педофила и назначили ему встречу. Подъехала машина, из нее вышел во-

датель и подошел к девочке, ожидавшей его в назначенном месте. По легенде, девице — малорослой студентке — было тринадцать лет. Только шофер усадил ее на заднее сиденье, как машину окружили казаки с нагайками. Появились группа телерепортеров и депутат.

— Всегда подозревал в нем извращенца.

— Водитель заблокировал двери, но казаки были настойчивы — и пришлось открыть. Кежаев стал напирать: «Что за хулиганские выходки? Сейчас вызову полицию», ну и так далее. Когда казаки популярно объяснили ему, что он попал, Александр Степанович, не моргнув глазом, заявил, что это племянница его водителя, которую тот забрал, чтобы отвезти к себе в гости.

— Вот подонок! И ведь без зазрения совести спишет все на шофера!

— Все оказалось не так просто. Как только девочка села в машину, Кежаев тут же начал говорить ей сальности, а у нее был включен диктофон. Кроме того, на диктофоне были записаны угрозы в ее адрес и их перепалка, когда в машину ломились казаки.

Вызвали наряд полиции, оформили протокол и всех отпустили. Кежаева прямо с места происшествия отвезли с сердечным приступом в больницу. Сюжет по телевидению прошел тем же вечером. И ты представляешь: на следующий день собрался совет института и выразил протест против «клеветнических заявлений телеканала».

— Уверен, что эта мразь выкрутится, — для него же нет ничего святого. После того как он публично обещал поднять университет до европейского уровня, а на самом деле низвел его до статуса института, другой бы на его месте сбежал бы от позора, а этому как с гуся вода. Так что несколько не сомневаюсь, что выкрутится. Такие за власть цепляются руками, ногами и зубами и расстаются с ней только вследствие естественных причин, то бишь смерти.

— Или решения суда, — не без злорадства заметил Костя. — Дело в том, что канал, пусть косвенно, но обвинил Кежаева в педофилии, так что теперь воевать ему предстоит не с казачками и депутатом Законодательного собрания, а с государственной телекомпанией, а противостоять ей у него кишка тонка.

— Да, ну и дела... — протянул Семен. — Вот уж воистину бог шельму метит!

В комнате повисла тишина. Каждый из друзей думал о чем-то своем.

— Как тебе, комфортно в консерватории? — нарушил молчание Костя.

— Более чем. Я, правда, никак не могу привыкнуть к тому, что на работу не надо ходить каждый день, для меня два дня на службе — нонсенс. Денег, конечно, ровно на зарплату декана меньше, но у нас пенсии, да и Эсфирь все еще дает частные уроки. Говорит: «Боюсь, что иначе не бу-

дет повода взять в руки скрипку». Так что нам хватает. Мы еще и внукам подкидываем на карманные расходы. А что у тебя, по-прежнему все на мази?

— Тьфу-тьфу-тьфу! В этом году даже лучше, чем в прошлом. Сейчас записываются на прием уже на следующий месяц. У меня немало постоянных клиентов. Я отказался от услуг технического персонала, и теперь мои ребята по очереди дежурят в офисе и проводят тренинги. Ты же понимаешь: когда с потенциальными клиентами уже по телефону говорит высококвалифицированный и доброжелательный специалист, это подкупает и привлекает. К тому же наши постоянные клиенты охотно рекомендуют нас своим родственникам, друзьям и знакомым. А еще у нас цены и на консультации, и на тренинги в три раза ниже, чем у конкурентов. Боюсь, нас скоро поджигать начнут! — усмехнулся Константин.

— А ребята не сбегут к конкурентам?

— В нашем деле главное — клиент, а клиенты приходят ко мне, и я рекомендую им тренинги, то есть формирую группы. Да и зарабатывают мои сотрудники (которые, кстати, все поголовно мои бывшие студенты), больше меня, так что все в порядке. Мне чуть ли не ежедневно приходится отказывать претендентам на работу.

— Не знаешь, как дела у Полины? — спросил Костя.

— В начале сентября я случайно встретил ее с сыном в метро. Егор возмужал, хочет стать врачом — вероятно, решил идти по стопам отца. Полина довольна. Работает учительницей, школа через дорогу, зарплата в два раза выше, чем в институте. Ее ведь студенты обожали, и, полагаю, школьники тоже любят. Похоже, она думает, что мы не знаем об их с Глебом отношениях.

— Ну и славно. Раз Глеб никогда не говорил с нами об этом — значит, для него это было святое.

— Вообще-то, конечно, весьма печальная история: ведь и Веру он не переставал любить.

— Нам, Сема, повезло с женами, и мы их любим. Поскольку мы не самые глупые и не самые ленивые люди, то всю свою жизнь творим семейное счастье через любовь, которая с годами перерастает в любовь-уважение, ведь, как сказал Бэйнс Джонсон, «любовь без уважения недолговечна и непостоянна, уважение без любви — холодно и немошно»; затем в любовь-признательность, любовь-сострадание и так далее.

— Но ты же сам всегда говорил, что для брака одной любви недостаточно, что можно любить и не желать, что должна быть страсть.

— Разумеется, жениться надо только на желанных женщинах. Прожить всю жизнь с женщиной и не желать ее — это наказание. Можно любить, но не желать, можно желать, но не любить. Счастье — когда есть и то, и другое.

— Полагаю, это в равной степени относится и к женщине?

— Безусловно. Но именно судьба мужчины в браке неизбежно печальна. Мало того, что он сексуально активен намного дольше женщины, так еще и через весьма короткое время он перестает реагировать на феромоны одной и той же женщины, то есть жены. Он ее любит, причем, может быть, даже более трепетно, чем в юные годы, но сексуальное влечение все тает и тает. И это на фоне достаточно сильного либидо. Вот потому-то многие из нас и заводят связи на стороне.

— То есть получается, что мы просто невинные жертвы природы, — рассмеялся Семен. — Выходит, что те из нас, кто ходит, так сказать, налево, совершенно напрасно испытывают муки совести?

— Именно так.

— Да... Было бы совсем неплохо, если бы кто-то смог объяснить все это нашим женам, и уж совсем здорово — если бы они смогли отнестись к этому с пониманием, — мечтательно произнес Семен. — Но очень сомневаюсь, что подобное возможно.

Сколько раз они втроем сидели в этой комнате, говорили обо всем на свете, спорили до хрипоты, травили анекдоты, шутили, смеялись... Им было так хорошо вместе! Но Глеба не стало, и его любимое кресло-качалка сиротливо стояло в углу комнаты. Глядя на него, Константин тяжело вздохнул, разлил коньяк по бокалам и сказал:

— Давай-ка, Семен, помянем Глеба — незаурядную личность и нашего верного друга. Если бы он знал, как нам его не хватает!

— Светлому человеку — светлая память!

Друзья подняли бокалы и, не чокаясь, выпили.

Содержание

Глава I. ПОЛИНА	4
Глава II. ГЛЕБ.....	75

Борис Титов

Вихри сансары

Книга «Вихри сансары». О человеке, о судьбе,
о чести и достоинстве.

Ссылка на файл: http://imwerden.de/pdf/titov_vikhri_sansary_2015.pdf

Борис Титов

Горький привкус любви

Редактор *М. К. Одинокова*
Корректор *В. В. Вересиянова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 20.12.2017. Формат 70×100/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9,03
Тираж 1000 экз. Заказ № 1111

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28

Борис Титов — практикующий семейный психолог, доктор наук, профессор, создатель ряда популярных телепроектов, путешественник, автор повести «Вихри сансары».

Книга «Горький привкус любви» — о романтических отношениях студентки и преподавателя, мужчины ее мечты.

Действие повести развивается в университете, где на фоне деградации системы образования происходит противостояние между людьми ничтожными и благородными, заурядными и творческими, между разрушителями и созидателями.

Сюжет основан на реальных событиях, свидетелем которых был автор, долгие годы работавший в вузе.

E-mail: ba.titov@yandex.ru